

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

Учёный

международный научный журнал

16+

1
2016
Часть VI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 1 (105) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогоорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 01.02.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Владимир Григорьевич Шухов (1853–1939) — русский инженер, архитектор, изобретатель, учёный.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Гребнева А. С.**
Формирование политической системы Хакасии в 1923–1930 гг. 563
- Гребнева А. С.**
Политическая жизнь Хакасской автономной области в 1930–1941 гг. 566
- Жданова Л. А.**
Дореволюционная периодика как источник для изучения дворянской и купеческой усадьбы (на материале Кубани) 569
- Лыщицкая Е. А.**
Основные тенденции развития общего образования в 1920–1930-е гг. в Хакасии 571
- Люцай И. А.**
Особенности развития искусства Китая в годы Великой пролетарской культурной революции ... 573
- Люцай И. А.**
Повседневная жизнь в произведениях средневекового рыцарского эпоса (быт, традиции, семейные отношения) 575
- Люцай И. А.**
Политические репрессии в СССР в отношении «буржуазных специалистов» в области культуры и искусства 1920–1930 гг. 578
- Аббас Панахи, Алале Абеди**
Cossacks Wedding Ceremony Analysis in Northeast of Iran (by applying Joseph Campbell's Hero Quest)..... 581
- Пилипцова О. А.**
Проблема восприятия современных исторических фильмов в многонациональном обществе (на примере фильма Андрея Прошкина «Орда») 585
- Сабитов Ж. М.**
Происхождение Кутлук-Тимура, эмира хана Узбека 587
- Сабитов Ж. М.**
Ногайский компонент в этногенезе казахов ... 589

- Сабитов Ж. М.**
О происхождении Урус-хана 591
- Секирин А. А.**
Конфессиональная политика государства в отношении сектантства и старообрядчества в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков 600
- Смолин А. А.**
Историография локального конфликта на постсоветском пространстве (на примере Карабахского конфликта) 612

ПСИХОЛОГИЯ

- Аскольдович Е. В., Хабарова Т. Ю.**
Личностные и психоэмоциональные особенности людей творческих профессий 615
- Ахмедова М. Х.**
Язык и культура 619
- Бобровникова Н. С.**
Исследование проявлений агрессивности первокурсников колледжа 621
- Гречко А. А., Хныкина В. В.**
Тематический апперцептивный тест: к вопросу о возможности модификации 624
- Гусева В. В.**
Развитие профессионального самосознания студентов среднего специального учебного заведения 628
- Ивакина Е. А.**
Особенности психологического сопровождения детей в рамках взаимодействия дошкольного отделения — начальной школы 630
- Иванов С. М.**
Экзистенциальная рефлексия личности в проблемных ситуациях 634
- Канарейкина Т. А.**
Анализ методов исследования одинокого отцовства как психолого-педагогического явления 636

Карлей Ю. Г. Особенности психологического здоровья подростков, совершивших преступления 639	Куташов В. А., Лаптева И. В. Анализ эффективности использования методов арт-терапии в психологической коррекции страхов у детей 5–9 лет 653
Костюнина Е. А. Особенности формирования конфликтного поведения в подростковом возрасте..... 642	Скляр О. Ю. Проблема выявления вербальных и невербальных маркеров лжи в межличностном общении 655
Кузнецова Л. Э., Сомова Ю. С. Отношение подростков к проявлению вербальной агрессии как разновидности агрессивного поведения..... 646	Терехова А. С. Теоретическая модель профессионального выгорания сотрудников полиции 659
Кузнецова А. А. Особенности формирования социально-нравственных норм поведения педагогически запущенных подростков средствами библиотерапии 648	Терехова А. С. Сравнительный анализ особенностей профессионального выгорания сотрудников полиции..... 661

ИСТОРИЯ

Формирование политической системы Хакасии в 1923–1930 гг.

Гребнева Анастасия Сергеевна, студент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова

Процесс становления национальной государственности в Хакасии имел некоторые особенности. В отличие от других национальных районов Сибири он в силу ряда причин протекал более длительно, с конца 1917 по 1930 год. Административные формы и территориальная организация изменялась по мере социально-экономического и политического развития Хакасии в тесной связи с задачами районирования страны. [1, с. 4]

Так на третьей беспартийной конференции Хакасов был поставлен вопрос о выделении районов с хакасским населением в отдельную национальную единицу. Этот вопрос обсуждался в уездных, губернских руководящих органах и на беспартийных конференциях хакасского населения.

Президиум ВЦИК 14 ноября 1923 года принял постановление «О выделении районов с хакасским населением в Хакасский уезд с центром в селе Усть-Абаканское».

Образование Хакасского уезда произошло в январе 1924 года. До созыва съезда Советов вновь образованного уезда был создан Хакасский уездный революционный комитет в составе 5 человек: Итыгина, Ольшевского, Алмакаева, Райкова, Михайлова. При Ревкоме в первую очередь стали функционировать финансовый и земельный отдел. Гражданская безопасность и общественный порядок временно перешли в руки местной районной милиции. [2, с.5]

Основными задачами хакасского уревкома являлись: а) организация уездного советского аппарата, б) подготовка и созыв первого Хакасского Уездного Съезда Советов, в) объединение и организация всей советской деятельности уезда и укрепление низового аппарата, г) контроль и руководство деятельностью Волисполкомов, улусных Советов и прочих советских учреждений подведомственных Уревкому, д) проведение в жизнь всех постановлений и распоряжений центральной и губернской власти, е) принятие мер к поднятию Хакасского уезда в хозяйственном и культурном отношении, ж) разрешение всех возникающих вопросов, имеющих местное значение. [3, с.3]

Высшим органом власти на территории Хакасского уезда являлся уездный съезд Советов. Он созывался

один раз в год в сроки установленные губисполкомом. На уездный съезд Советов возлагалось руководство деятельностью органов управления уезда, утверждению бюджета и отчет по его исполнению, установление видов и ставок местных налогов и сборов, обсуждение вопросов имеющих обще губернское и общегосударственное значение, рассмотрение отчетов уездного исполнительного комитета, утверждение планов деятельности органов Советской власти в уезде. [4, с. 84]

Съезд советов на местах являлся высшей властью, но между съездами высшая власть находилась в руках у Исполнительного Комитета. Для руководства всей работой Исполнительный комитет избирает Президиум, который между заседаниями пользуется всеми правами исполнительной власти, но при этом ответственен перед Исполнительным Комитетом.

Уездные съезды по конституции РСФСР 1918 года формировались по расчету 1 депутат на 1 тысячу жителей, но не более трехсот депутатов. Съезд советов выбирает свой исполнительный комитет, число членов которого не должно превышать 20 человек.

Съезды советов созываются исполнительным комитетом не реже одного раза в три месяца. В редакции Конституции от 11 мая 1925 года съезды разделяются на две категории: очередные и внеочередные. Первые созываются один раз в год, а вторые по предложению вышестоящих съездов или их исполнительных комитетов.

В ноябре 1924 года состоялся I Хакасский уездный съезд Советов. Съезд рассмотрел вопросы советского, хозяйственного, кооперативного и культурного строительства в уезде, избрал исполком и тем самым завершил создание уездного аппарата. [5, с. 76]

В городах и селениях образуются советы депутатов, которые избирают из своей среды исполнительный орган. В городах избирается 1 депутат на каждые 1000 человек населения, а в селениях 1 депутат на каждые 100 человек населения.

25 мая 1925 года было принято постановление ВЦИК об образовании Сибирского края. Согласно этому постановлению упразднились губернские и уездные деления.

На место Хакасского уезда был создан Хакасский округ с районным делением, входившим теперь в состав Сибирского края. [6, с. 101]

В основу районирования страны были положены два фактора — политический и экономический. Первый предусматривал приближение власти к населению, объединения по национальному признаку, второй — экономический, определял исторически сложившееся тяготение населения к определенной категории, способы ведения хозяйства, его специализацию.

После административного преобразования окружной съезд Советов формировался от советов городов — 1 делегат на 1000 избирателей и от районных съездов советов — 1 делегат на 5000 человек населения.

4–10 ноября 1925 года состоялся I Хакасский окружной съезд Советских рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На съезде был избран исполнительный комитет, который являлся распорядительным и исполнительным органом между съездом Советов округа. Он подчинялся избравшему его Совету и Сибкрайисполкому. Деятельность исполкома распространялась на пять районов.

Съезд одобрил проводимую работу Советской власти, Сибирского революционного комитета в области возрождения промышленности и сельского хозяйства в Сибири и ее национальных районах и заверил, что мероприятия правительства найдут полную поддержку у хакасского народа. [7, с. 93–94]

Исполнительный комитет избрал свой президиум, который осуществлял свою работу путем заслушивания информационных и отчетных докладов учреждений и организаций, активным руководством на местах, путем посылки на места работников из окружного актива. Так за период с 1927 по 1928 г. президиум исполкома рассмотрел 580 вопросов и провел 45 заседаний. [8, л. 63]

Вопросом большой политической важности для Хакассии являлось включение в управление округом представителей коренной национальности. В период с 1926 по 1927 г. отмечается недостаток в составе Советов, представителей коренного населения. [9, л. 66] Основной причиной такого положения дел являлось то, что хакасы являлись слишком отсталым в культурном отношении населением. Для преодоления этой проблемы хакасское население пытались все больше вовлекать в техникумы, ВУЗ и различные курсы.

В условиях государства с однопартийной системой во главе с Российской коммунистической партией большевиков (до 1925 РСДРП (б)), образование Хакасского уезда требовало создания соответствующей партийной структуры для руководств ее деятельностью. Был образован руководящий партийный центр в Хакасии — Хакасский временный партийный комитет в составе трех человек. Партком и ревком взяли на себя весь круг вопросов, связанных с образованием уезда. В компетенцию парткома входило формирование органов управления уезда, отделов Хакасского ревкома. На первой Хакасской уездной конфе-

ренции 1924 г. были избраны руководящие партийные органы уезда во главе с секретарем укома У. Я. Котляром. [10, с. 82] Были избраны представители президиума в составе Бородина, Котляра, Кузьминского. [11, л. 11]

Партийная организация Хакасского уезда Енисейской губернии была создана 10-го апреля 1924 года на первой уездной партийной конференции. На ней присутствовало 18 делегатов с решающим и один с совещательным органом. [12, с. 97] Кроме того, что на заседании были заслушаны различные отчеты, обсуждались вопросы партстроительства, организации райкомов РКП. На конференции обсуждалось положение и задачи партии, одной из задач была борьба с разлагающимся элементом в партии в связи с введением НЭПа. Отмечался рост доверия рабочих масс к партии, а так же и ставилась задача по усилению политпросветработы среди широких слоев рабочего класса. [13, л. 11]

В середине 20-х гг. XX в. в Хакасии всякие компании идут слабо, кроме агитационных, втянуть в партию типичных хакасов очень трудно, они еще не отделались от старых предрассудков. [14, л. 5] Партия старалась вовлечь в свою деятельность как можно больше инструкторов-хакасов. Малая активность хакасского населения в делах партийных и государственных объяснялась их безграмотностью и не просвещенностью.

Одной из важнейших общественных организаций в рассматриваемый период была ВЛКСМ. Внутри комсомола была установлена система жесткого идеологического и политического контроля, способствовавшая внедрению в массовое сознание молодых людей установок марксистско-ленинской идеологии. Одной из ее основных форм являлось комсомольское политпросвещение, нацеленное на подготовку пропагандистов. Их агитационная работа способствовала вовлечению в комсомол широких масс молодежи.

Первые комсомольские ячейки в Хакасии возникли в 1920–1921 годах на Черногорских копях, на Абаканском железнодорожном заводе, в селах Усть-Абаканском, Аскизе, Усть-Еси и в других. Первая уездная комсомольская конференция состоялась 12 апреля 1924 года, к тому времени в комсомольской организации был 191 человек. [15, с. 56] На первое января 1928 года всего членов ВЛКСМ было 1624 человек, т.е. за четыре года количество членов возросло более чем в 8 раз. [16, л. 1]

Комсомол играл большую роль в выполнении поставленных партией задач по восстановлению народного хозяйства, по индустриализации, коллективизации, по проведению культурной революции. Активно ВЛКСМ участвовал и во все союзных общественно-политических кампаниях. К примеру, в 1928 году, когда в стране проводилась «неделя обороны» хакасский комсомол принял в ней активное участие, так были собраны средства в фонд «Наш ответ Чемберлену» и деньги для постройки самолета «Молодежь Сибири». Кроме этого в рамках данного мероприятия комсомольские ячейки активно вступали в военные кружки и ОСОавахим. [17, л. 2]

В 20-е годы в Хакасии были образованы различные добровольные общества. В 1925 году общество «Долой неграмотность» объединяло более 600 членов, АВИ-АХИМ — более 1300, большую популярность имела Международная Организация помощи борцам революции. [18, с. 58]

В Хакасии, как и во всей России, существовала такая общественная организация как профсоюзы. Главные задачи профсоюзов находились в области организационно-хозяйственной и воспитательной жизни страны. Они должны были участвовать во всех центрах, регулирующих производство, организациях рабочего контроля, регистрации и распределением рабочей силы, организацией обмена между городом и деревней, деятельнейшее участие в демобилизации промышленности, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности.

На IX съезде РКП было постановлено, что профсоюзы являются одним из основных аппаратов Советского государства, руководимого Коммунистической партией. Таким образом, было постановлено, что профсоюзы должны помогать в строительстве коммунизма и постепенно сокращать количество беспартийных членов. Главными вопросами у рабочих являлись школьный, жилищный, лечебный. В 1924–1925 годах в Хакасии имелось шесть профсоюзов, на 1 октября 1925 г. численность членов составляла 304 человека, через год она выросла на 5,4% до 321 человека. [19, л. 27]

Таким образом, можем сделать вывод о том, что развитие и становление органов государственного управления в Хакасии проходило в быстрых темпах и в соответствии основным законом РСФСР Конституцией.

В качестве учредительного органа был создан Уревком, который избрал главный орган власти на территории Хакасского уезда съезд Советов. После чего сформировались основные элементы государственной власти, такие как Исполнительный Комитет и Президиум при нем.

25 мая 1925 года Хакасский уезд, в связи с образованием Сибирского края, был преобразован в Хакасский округ. В целом преобразование коснулось в основном только территориально-административного устройства. Органы государственного управления не претерпели никаких изменений в области функций и средств управления.

В Хакасии параллельно со становлением органов власти происходило учреждение и развитие общественных организаций. Большую роль в национальном государственном строительстве играла партия РКП (б). Она не только влияла на развитие государственных органов власти, но и на другие общественные организации.

Все общественные организации, существовавшие в Хакасии, такие как: ВЛКСМ, АВИАХИМ, Международная Организация помощи борцам революции, Профсоюз практически удовлетворяли партийные нужды, а, следовательно, и нужды государственного аппарата. Ведь уже в этот период начинается процесс сращивания партийной системы с государственными органами управления. Следовательно, общественные организации не существовали обособлено и не были независимыми элементами, ибо они в той действительности могли отстаивать только те интересы, которые были им, навязаны главенствующей политической партией.

Литература:

1. Асочаков, В. А. К истории образования и развития Хакасской автономной области 1918–1939 гг. // Проблемы истории Хакасии. — Абакан, 1979. — с. 3–23.
2. Обращение хакасского ревкома // Власть труда — 1924. — 1 февраля (№ 12) — с. 5.
3. Обращение хакасского ревкома // Власть труда — 1924. — 12 марта (№ 28) — с. 3.
4. Мамышева, Е. П. Хакасия: от степных дум — к автономии (1822–1930 гг.) — Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. — 124 с.
5. Мешалкин, П. Н. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг. — Абакан, 1963. — 376 с.
6. Кышпанаков, В. А. Формирование территории Хакасии в XX веке 1917–60-е гг. — Абакан: Ин-т саяналт. тюркологии Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. — 1999. — Вып. 3. — с. 98–107.
7. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг. — Абакан: Хакас. изд-во, 1963. — 419 с.: ил.
8. ГКУ РХ «Национальный Архив». Ф.Р-16. Оп. 1. Д. 8. Л. 63.
9. ГКУ РХ «Национальный Архив». Ф.Р-16, Оп. 1. Д. 8. Л. 66.
10. Мамышева, Е. П. Хакасия: от степных дум — к автономии (1822–1930 гг.) — Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. — 124 с.
11. ГКУ РХ «Национальный Архив». ОДНИ. Ф. 14. Оп. 1, Д. 13. Л. 11.
12. Беккер, В. Я. Партийно-политическая жизнь в Хакасии: история и современность — Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2002. — с. 97–102.
13. ГКУ РХ «Национальный Архив». ОДНИ Ф. 14. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.
14. ГКУ РХ «Национальный Архив». Ф.14. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.
15. Мамышева, Е. П. Хакасия: от степных дум — к автономии (1822–1930 гг.) — Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. — 124 с.
16. ГКУ РХ «Национальный Архив». ОДНИ Ф.1. Оп. 1. Д. 253. Л. 1.

17. ГКУ РХ «Национальный Архив». ОДНИ Ф.1. Оп. 1. Д. 253. Л. 2.
18. Мешалкин, П. Н. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС 1917–1986 гг. — Красноярск: Кн. изд-во, 1987. — 359 с..
19. ГКУ РХ «Национальный Архив». ОДНИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 27.

Политическая жизнь Хакасской автономной области в 1930–1941 гг.

Гребнева Анастасия Сергеевна, студент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова

За годы существования Хакасского округа произошли значительные изменения в хозяйственной и социально-культурной сферах. Экономический потенциал Хакасии значительно вырос, население округа на 1 августа 1930 г. составляло 112,2 тыс. человек, причем 53% составляло коренное население. [1, с. 99]

Учитывая дальнейшие перспективы развития Хакасии и значительную долю коренного населения в августе 1930 г. Западно-Сибирский крайисполком обратился в президиум ВЦИК с просьбой о преобразовании в существующих границах округа в Хакасскую автономную область. В октябре 1930 г. Президиум ВЦИК принял решение о преобразовании Хакасского округа в существующих его границах в автономную область, территориально находящейся в составе Западно-Сибирского края. [2, с. 102] Административное деление было заменено на двухчленное, были упразднены округа, районы стали непосредственно подчиняться областным исполкомам.

В отличие от 20-х годов, когда учредительными органами автономных областей являлись ревкомы, в отношении Хакасской автономной области таким органом стал Организационный комитет. Он был создан 10 ноября 1930 г. Сибкрайисполкомом, вместо распущенного или окружного исполкома, в составе председателя Балахчина и членов Бибикова, Рязанова, Корнякова, Шарафутдинова, Капотова, Потпова и Осинцева. [3, с. 11]

Организационный комитет образовал избирательную комиссию по выборам областного съезда Советов, отделы управления, назначил представителя Хакасской автономной области при Президиуме ВЦИК — П. И. Гедымин-Тюдешева. Затем эту должность занимали: Макаров, А. И. Кузугашев, В. И. Чеменев.

Представительство являлось тем государственно-правовым институтом, посредством которого автономные области вступали в федеративные отношения с РСФСР, разрешая важнейшие вопросы конституционного значения. Представители по поручению их облисполкомов могли опротестовывать постановления СНК РСФСР, крайисполкомов и их отраслевых органов управления и непосредственно обращаться в наркоматы РСФСР с заявлениями по вопросам, связанных с проектированием бюджетов и планов. [4, с. 44] В мае 1938 года предста-

вительство автономий было упразднено постановлением СНК СССР «О ликвидации представительств автономных областей и крайисполкомов».

Первый съезд Советов Хакасской автономной области состоялся в феврале 1931 г., он определил задачи культурного и хозяйственного строительства, избрал областной исполнительный комитет. Первым председателем облисполкома стал Я. А. Балахчин. Исполнительный комитет являлся распорядительным и исполнительным органом. Исполнительный комитет имел следующую структуру: протокольная часть, организационно-инструкторский, общий отделы, приемная по рассмотрению писем, жалоб и заявлений, отдел кадров, бухгалтерия.

До принятия Конституции СССР 1936 года органом власти Хакасской автономной области был объявлен областной съезд Советов, который избирал исполнительно распорядительный орган — облисполком, наделявшийся между съездами всей полнотой власти на территории области. На первом заседании облисполкома каждого созыва избирался его президиум — постоянно действующий орган. [5, с. 97–98]

Конституция СССР 1936 г. по сравнению с Основным законом 1924 г. уделила значительно больше внимания регламентации статуса автономных областей. В соответствии со ст. 76 статус каждой автономной области предполагалось определить Положением об автономной области, учитывающей ее национальные особенности. Но проект Положения о Хакасской автономной области так и не был утвержден за период действия Конституции РСФСР 1936 г. [6, с. 87]

Хакасская автономная область не имела периода развития вне краевого объединения, что обуславливалось своеобразием ее становления. До 1934 г. она была в составе Западно-Сибирского края, после его разукрупнения она вошла в состав Красноярского края.

Находясь в составе края, автономной области гарантировалось право непосредственной работы напрямую с органами власти и управления РСФСР, ее акты не могли быть отменены краевыми органами власти и управления. Автономная область являлась независимой от края по вопросам организационного обеспечения, юстиции, земельного управления, местного хозяйства и местного бюджета. [7, с. 12]

Когда в 1930 г. встал вопрос о преобразовании Хакасского округа в Хакасскую автономную область, окружной комитет ВКП (б) высказался за организацию автономной области. Свое решение он обосновал так: «Ликвидация национального образования и разобщение хакасского населения по отдельным районам с непосредственным подчинением их краю лишало бы хакасское трудящееся население самостоятельного национального строительства, возможности развивать свою национальную культуру». [8, л. 3] Хакасский обком ВКП (б) взял под контроль весь круг вопросов, связанных с образованием автономной области.

В связи с преобразованием Хакасского округа в автономную область произошло преобразование окружных партийных органов в областные. В 1935 году в Хакасскую областную партийную организацию входили: обком партии, восемь райкомов партии — Аскизский, Бейский, Богградский, Саралинский, Таштыпский, Усть-Абаканский, Черногорский. [9, с. 359]

3–5 февраля 1931 года состоялась первая Хакасская областная партийная конференция, на которой присутствовали 102 делегата. Конференция избрала обком партии в количестве 43 члена и 14 кандидатов. Ответственным секретарем обкома партии был утвержден С. Е. Сизых. [10, с. 84] На конференции также обсуждались вопросы о состоянии и очередных задачах областной партийной организации в сфере национально-государственного строительства. [11, с. 102] На конференции были определены задачи развития промышленности, сельского хозяйства, культурного строительства.

Одним из важнейших вопросов, поднимаемых на конференции, было вовлечение новых членов партии, особенно коренного населения. Партийные органы проводили значительную работу по вовлечению трудящихся хакасов в управление государственными делами. В начале 1932 года хакасы составляли среди работников Хакасского облисполкома 55%, руководящих работников райисполкомов — 72 среди председателей сельских Советов — 64,4%. [12, с. 85]

В рассматриваемый период 1930–1941 гг. число членов партии выросло на 1707 человек, так на 1930 г. было всего 577 членов, а в 1941 г. 2264, численность кандидатов так же возросла практически в 3 раза, в 1930 г. кандидатов было 525, а в 1941 г. — 1575 человек.

Оказывала влияние партия и на производственную сферу жизни Хакаской автономной области. Первая Хакасская областная партконференция указала на необходимость правильной расстановки людей на производстве, создания производственных бригад. Партийные организации вовлекали коллективы промышленных и транспортных предприятий в различные соревнования, нацеливая их на выполнение производственных заданий по всем показателям. [13, л. 48]

Огромное значение в подготовке руководящих кадров имела созданная в 1930 г. Хакасская советско-партийная школа. За 1930–1936 г. ее окончили 436 человек. [14, с. 100] Ее выпускники занимали посты в различных пар-

тийных структурах, комсомольской организации и в государственных учреждениях.

Большое внимание партия уделяла пропагандистской и агитационной деятельности. Так в 1937 году на пленуме обкома партии было принято решение об организации во всех районах Хакасии работы пропагандистов и агитаторов. Было решено ввести в партийных школах и кружках изучение истории партии. Для идеологического воспитания использовались культурно-просветительные учреждения.

В 1939 г. 10–21 марта прошел XVIII съезд ВКП (б) на котором был принят новый устав партии. Он установил единообразные условия по приему в партию и одинаковый кандидатский стаж. В обкомах и райкомах партии были созданы отделы кадров, пропаганды и агитации. Организационно-инструкторский, военный. Для улучшения партработы в городе Абакане и Черногорске в 1939 г. вместо райкомов партии были созданы городские комитеты партии.

За рассматриваемый период численность партии возросла, в том числе и численность Хакасов на партийной работе. Активное участие ВКП (б) принимало в пропагандистско-агитационной деятельности и в подготовке руководящих кадров в партшколе.

Активным помощником областной партийной организации в решении хозяйственно-политических и культурных задач выступал комсомол Хакасии. К началу 1941 года организация ВЛКСМ насчитывала в своей структуре около 11146 девушек и юношей. Функция комсомольской организации не изменилась, она по-прежнему занималась идеологическим воспитанием молодежи в русле коммунистической идеологии.

Естественно, что именно комсомольцы были самой активной частью населения. При реализации любых начинаний правительства в авангарде оказывалась главная молодежная организация страны. В тридцатые годы комсомол взял шефство над школами всеобуча, ликвидировавшими безграмотность. На селе комсомольцы стали главными пропагандистами объединения крестьянских хозяйств в колхозы.

Профсоюзная организация Хакасии к 1938 году насчитывала в своих рядах свыше 30000 членов. Усилия профсоюзных организаций в данный период были направлены на развертывание социалистических соревнований за досрочное выполнение пятилеток и развертывания стахановского движения, на улучшение условий труда и быта трудящихся.

Профсоюз решал проблемы, разрешал различные конфликты и споры между рабочими и руководством. Они участвовали в разработке и выполнении государственных планов развития народного хозяйства, привлекают трудящихся к управлению производством, развивали научно-техническое творчество масс, использовали их опыт и знания для роста производительности труда, повышения эффективности и качества работы, развёртывали социалистическое соревнование.

В 1930-х годах создаются различные органы государственного и народного контроля. Хакасская областная

рабоче-крестьянская инспекция являлась органом контроля над финансово-хозяйственной деятельностью учреждений, организаций, предприятий и совершенствования их административно-управленческой структуры. В 1930 году на базе Хакасского районного интегрального союза кооперативов «Интеграл» и Хакасского окружного союза потребительских обществ был образован Хакасский областной союз потребительских обществ. Он осуществлял руководство и контроль над районными и сельскими союзами потребительских обществ.

Таким образом, можем сделать вывод о том, преобразование округа в автономную область имело большое значение для Хакасии. Это решение властей было продиктовано конкретными целесообразными причинами. Развитие и становление органов государственного управления в Хакасской автономной области проходило под руководством Организационного комитета, который подготовил базу для будущих управленческих структур

Хакасская автономная область не имела периода развития вне краевого объединения, сначала она входила в состав Сибирского края, а затем с 1924 года в состав Красноярского края. По многим вопросам Хакасская автономная область оставалась независимой от властей края. Так область могла напрямую взаимодействовать с центральной властью, например через институт представительства при Президиуме ВЦИК.

Большое значение практически на все сферы жизни автономной области оказывала ВКП (б). Партия высказалась за создание области. Она участвовала в переустройстве округа в область, в создании новых органов управления. В исследуемый период можно отметить, что численность партии росла, так же как и ее влияние в промышленности, сельском хозяйстве и в культурной жизни общества.

Активно в жизни Хакасии участвовали профсоюз и ВЛКСМ, они занимались общественной деятельностью и активной коммунистической пропагандой.

Литература:

1. Мешалкин, П. Н. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг. — Абакан: Хакас. изд-во, 1963. — 419 с.
2. Кышпанаков, В. А. Формирование территории Хакасии в XX веке 1917–60-е гг. / Ин-т саяналт. тюркологии Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. — 1999. — Вып. 3. — с. 98–107.
3. Асочаков, В. А. К истории образования и развития Хакасской автономной области 1918–1939 гг. // Проблемы истории Хакасии. — Абакан, 1979. — с. 3–23.
4. Из истории советской Хакасии — Абакан: Краснояр. кн. изд-во. Хакас. отд-ние, 1986. — 172 с.
5. Мамышева, Е. П. Хакасия: от степных дум — к автономии (1822–1930 гг.) — Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. — 124 с.
6. Митюков, М. А. Государственно-правовое развитие ХАО в 1936–1977 гг. // Вопросы Истории и культуры Южной Сибири. Сборник научных трудов. — Абакан: АГПИ, 1991. — с. 184–196.
7. Тугужекова, В. Н. От хакасского уезда к хакасской автономной области // К 70-летию со дня образования Хакасской автономной области. Материалы научно-практической конференции 20 октября 2000 г. — Абакан: Отдел изд. Деятельности ХРИПКиПРО «Роса», 2000. — с. 6–13.
8. ГКУ РХ «Национальный Архив». Ф. 2, Оп. 1. Д. 12. Л. 3.
9. Мешалкин, П. Н. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС 1917–1986 гг. — Красноярск: Кн. изд-во, 1987. — 359 с.
10. Мешалкин, П. Н. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС 1917–1986 гг. — Красноярск: Кн. изд-во, 1987. — 359 с.
11. Мамышева, Е. П. Хакасия: от степных дум — к автономии (1822–1930 гг.) — Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. — 124 с.
12. Мешалкин, П. Н. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС 1917–1986 гг. — Красноярск: Кн. изд-во, 1987. — 359 с.
13. ГКУ РХ «Национальный Архив». ОДНИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
14. Мешалкин, П. Н. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС 1917–1986 гг. — Красноярск: Кн. изд-во, 1987. — 359 с.

Дореволюционная периодика как источник для изучения дворянской и купеческой усадьбы (на материале Кубани)¹

Жданова Людмила Александровна, аспирант
Краснодарский государственный университет культуры и искусств

Объектом исследования в статье является газета «Кубанские областные ведомости» за 1868–1895 годы. Проведен источниковедческий обзор периодического издания, позволяющий рассматривать его как носитель информации по истории дворянской и купеческой усадьбы на Кубани.

Ключевые слова: дореволюционные периодические издания, дворянская усадьба, купеческая усадьба, Кубанская область.

Истории русской усадьбы посвящен огромный пласт исследований: от первых теоретических работ В. В. Згуры и А. Н. Греча до регионального опыта историков, культурологов, этнографов и искусствоведов — Н. А. Гангур, С. Н. Ктиторова, В. В. Бондаря и др.

Усадьба в русской культуре — явление многогранное. Ее история развивалась на фоне общероссийских преобразований, нашедших отражение в пространстве регионального социокультурного ландшафта. Масштабность этого феномена позволяет исследователю рассматривать его с разных точек зрения: экономической, исторической, культурологической, искусствоведческой. Целью данной статьи является анализ дореволюционного периодического издания «Кубанские областные ведомости», впервые рассматриваемого в качестве источника по истории дворянской и купеческой усадьбы.

О необходимости обращения к периодической печати в изучении региональной истории говорили в свое время историк, статистик Ф. А. Щербина и библиограф, краевед А. И. Слуцкий. Подробный анализ отдельных разделов газеты позволяет составить относительно целостную картину изучаемого явления [1, с. 1–6; 2].

«Кубанские областные ведомости» издавались в Екатеринодаре с 1863 по 1917 гг. В фокусе нашего исследования — издания за 1868–1895-е гг., находящиеся на хранении в Государственном архиве Краснодарского края.

В первые годы газета выходила под названием «Кубанские войсковые ведомости», с 1871 непродолжительное время — «Кубанские ведомости», затем приобрела наименование «Кубанские областные ведомости». Газета состоит из двух отделов: официального и неофициального. В первом печатались казенные объявления, распоряжения войскового начальства, второй содержал этнографические и исторические очерки, рекламные объявления, статьи «на злобу дня».

Каждый номер включал раздел «О торгах», который представляет несомненный интерес для исследователя усадьбы. Здесь печатались сведения обо всех имениях Кубанской и соседних областей, выставляемых на продажу. Данный раздел пополнялся сведениями «о дви-

жимом и недвижимом имуществе» и представлял собой постоянно обновляемую базу данных, сгруппированных в одном месте так, что желающему приобрести имение, усадьбу, всегда было легко найти нужную информацию. Таким образом, в течение полувека, из номера в номер, газета печатала объявления о продаже земельных участков, усадеб, домов, магазинов, лавок и проч.

Примечательно, что объявления о продаже содержат очень подробные описания недвижимого имущества. Они включают сведения о владельце и местонахождении имения; размере земельного участка; постройках, садах, кроме того указывается оценочная стоимость имений.

Первая позиция включает следующую информацию: сословная принадлежность, фамилия, имя, отчество владельца имения, название населенного пункта (если город, то указываются его часть, квартал, улица, порядковый номер): «имение ейского 1-й гильдии купца Василия Алексопуло, состоящее в городе Ейске в 1-й части 19 квартала на Воронцовском проспекте, под № 6-м» [3]; «недвижимое имение, принадлежащее есаулу Александру Александровичу Кордовскому, состоящее в юрте станицы Старолеушковской Ейского уезда» [4].

Информация о размере земельного участка содержит данные о площади имения, расположении относительно улиц, а также указания о том, является ли земля частной собственностью или арендуется. Одни собственники имели так называемые «плановые места» в городах, как, например, екатеринодарский купец Михаил Лях: «плановое место мерой по Новой улице, а равно и по Бурсаковской по 20 саж» [5, с. 1]. Другие купцы арендовали примерно такие же по площади участки казачьего общества, расположенные в юртах станиц: «земли под означенными строениями, двором и садом в длину 20 саж. и ширину 15 саж, каковая как принадлежность целого станичного юрта, отчуждению не подлежит»; третьи — являлись полноправными хозяевами обширных, высочайше пожалованных земель: «недвижимое имение, принадлежащее войсковому старшине Николаю Николаевичу Карпову <...>, заключающееся в 1071 дес. 3 кв. саж. удобной и неудобной земли» [6].

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-34-01028.

После 1862 года происходит увеличение площади купеческих имений за счет приобретения ими земель, принадлежавших ранее дворянам: «под означенными строениями, состоит земли 216 кв. саж» [7, с. 2]. При этом купеческие владения уже не ограничиваются усадьбой, к ней добавляются обширные угодья «удобной» и «неудобной» земли, более или менее пригодные для сельскохозяйственной деятельности: «участок удобной земли, мерой в 100 дес.», «удобной и неудобной земли 317 дес. 1352 кв. саж» [8, с. 3].

Третья позиция, касающаяся описания построек, садово-парковой зоны, пожалуй, является самой информативной, поскольку содержит сравнительно подробную информацию о предмете нашего исследования. Данные описания позволяют воссоздать облик усадьбы конца XIX — начала XX века. Приведем несколько примеров.

Городские имения [Ейск, Екатеринодар, Темрюк, Майкоп]: дом, сарай, деревянный забор с деревянными воротами; дом, лавка с выходным погребом, навес, колодец; флигель, кухня с кладовой; дом, флигель, два сарая, навес, колодец [9; 10, с. 4; 11, с. 2; 12, с. 3].

Постройки в сельских усадьбах, расположенные на арендуемых землях [ст-цы Терновская, Прочноокопская, Ахтанизовская]: два дома, лавка, амбар, конская машинная мельница, подъездной сарай, роща «в коей фруктовых деревьев 75 и дикорастущих 26», огорожа (забор); дом, два амбара, лавка, сарай для ссыпки хлеба, ледник; дом, амбар, сарай, ледник, два колодца, садовый участок 12 ½ десятин, 25 тыс. корней винограда, около 3 тыс. фруктовых деревьев, столько же «лесных деревьев разных пород» [13, с. 1; 14, с. 134; 15, с. 3].

Постройки, расположенные в собственных имениях в юртах станиц [Северская, Мингрельская, Батуриная, Тимашевская]: дом, флигель, ледник, два амбара, «жилье для людей», другие «простые три жилых избы, «простые старые постройки для арендаторов»; два дома, «палисадник с цветами, молодые деревья разных пород», два сарая, конюшня, две кладовые, два амбара, постройка с ледником, курятник, два колодца, сторожка, землянка для рабочих, сарай для выделки кирпича; два дома, «разные породы плодовых и лесных деревьев», кладовка для складки пчелиных колодок, пасека, колодец, сарай для скота, «постройки для рабочих людей» [16, с. 5; 17, с. 3].

Из описания видно, что «номенклатура» построек в усадьбах, находящихся в собственных имениях, значительно обширнее в сравнении с арендуемыми и городскими. Кроме того, городские имения чаще всего не имеют садово-парковой зоны.

Обращает на себя внимание детализация в описании построек — материал, число помещений, начиная с дома владельца и заканчивая службами: дом «о трех комнатах» с чуланом и коридором, покрытый тесом на каменных

«стоянах»; домик «о трех жилых комнатах» с сенцами и коридором; лавка из сосновых строевых досок «под железною крышею»; «конская машинная мельница об одном поставе и с сараем» [13, с. 1].

В 1890-е встречается еще более скрупулезное описание усадебных строений: одноэтажный каменный дом, под железной крышей, «сложенный в 2 кирпича», 7 жилых комнат с кухней и тремя каменными коридорами, длина — 10 сажень ½ аршина, ширина 7 сажень 1 аршин 14 вершков, высота — 8 аршин, под домом каменный погреб, «с северо-восточной стороны дома — мезонин с 2 комнатами»; конюшня старая деревянная «в 9 станков» для лошадей, с сеновалом, под соломенной крышей, длина — 18 ½ аршина, ширина — 8 ½ аршина и высота 3 ½ аршина.

Здесь же применяется, выражаясь современным языком, продуманный маркетинговый ход, выгодно подчеркивающий преимущества расположения усадьбы: «к имению прилегает речка Кирпили, удобная для ловли рыбы, по берегу которой растет тополь, годный для построек». Имение в 40 верстах от станции Владикавказской железной дороги «Выселки», в 45 верстах от «Станичной», в 120 верстах от Екатеринодара, «от станицы Тимашевской в полуверсте» [17, с. 3].

Цены на недвижимость зависели от ряда факторов, среди которых: удаленность от узловых железнодорожных пунктов, областного и уездных городов, крупных станиц, площади участка и особенностей его эксплуатации, затрат, связанных со строительством жилых и служебных помещений. Так, самая низкая цена городской усадьбы в 1870-х составляла 100 рублей, средняя — 1200 рублей и самая высокая — 5600 рублей серебром [18; 10; 19, с. 2]. В 1890-х стоимость усадеб, расположенных на арендуемых землях колебалась от 200 до 8000 рублей, а цена имений с усадьбами, полями и садами в совокупности превышала 14000 руб. [20, с. 1; 2; 3].

Подводя итог, необходимо отметить, что рассмотренное периодическое издание содержит фактический материал, позволяющий не только дифференцировать усадьбы по словесному, территориальному и другим признакам, но и во многом обогащает источниковедческую базу исследования, дает возможность произвести типологизацию усадеб.

В статье приведена далеко не вся информация, касающаяся дворянских и купеческих усадеб Кубани. Безусловно, ресурс «Кубанских областных ведомостей» высок и не ограничивается усадьбами Кубанской области. Исследователь может найти информацию об усадьбах, располагавшихся во Владикавказе, Ставрополе, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Таганроге, Нахичевани, Керчи и прилегающих к ним территориях. Это создает более широкое исследовательское поле и возможность для сравнений, экстраполяции, аналогий.

Литература:

1. Щербина, Ф. А. Темы для изучения Кубанской области // Известия любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1912. Вып. VI.

2. Слущкий, А. И. Периодические издания как источник по истории книжного дела на Кубани /А.И. Слущкий, Н. Э. Алиева // Кубанское казачье войско [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php? ID=5732&page=1> (дата обращения 05.12.2015).
3. Кубанские войсковые ведомости (КВВ). 1868. Прил. к № 2.
4. Кубанские областные ведомости (КОВ). 1878. Прил. к № 11.
5. КОВ. 1880. № 2.
6. КОВ. 1878. Пр. к № 11.
7. КОВ. 1893. № 61.
8. КОВ. 1894. № 74.
9. КВВ. 1868. Прил. к № 2.
10. КОВ. 1874. № 7.
11. КОВ. 1881. № 18.
12. КОВ. 1881. № 22.
13. КВВ. 1868. № 33.
14. КВВ. 1868. № 30.
15. КОВ. 1891. № 6.
16. КОВ. 1892. № 17.
17. КОВ. 1894. № 75.
18. КОВ. 1874. Прил. к № 12.
19. КОВ. 1873. № 2.
20. КОВ. 1895. № 42; № 174; 1894. № 75.

Основные тенденции развития общего образования в 1920–1930-е гг. в Хакасии

Лыщичкая Елизавета Андреевна, студент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова

Ключевые слова: образование, неграмотность, школа.

С первых лет советской власти в стране развернулась культурно-массовая и культурно-просветительская работа среди населения.

Советское государство в 1920–1930-е гг. стремилось решить важнейшую проблему эффективной подготовки специалистов для новой экономики. Советскому союзу необходимо было в короткие сроки подготовить квалифицированные кадры для народно-хозяйственного комплекса.

Как известно в дореволюционной России, в том числе и в Хакасии культурный уровень и общая образованность народа были невелики. Неграмотный человек не мог проявлять активность в политической жизни страны, не стал бы сознательным строителем коммунизма.

Основой и, несомненно, показателем развития культуры любого общества является в первую очередь грамотность, уровень образованности людей. В связи с этим, программа культурной революции, проводимая в 1920–1930-е гг в СССР, прежде всего, предусматривала создание письменности для бесписьменных народов, открытие школ с обучением детей на их родном языке.

Партия призывала развернуть по всей стране массовое движение за ликвидацию неграмотности под лозунгом «Грамотный, обучи неграмотного!».

Быстрыми темпами реализовывались идеи ленинской культурной революции, которая предполагала нивелирование культурного уровня населения различных регионов многонациональной страны.

Крайне нуждались в особых мерах в этом отношении национальные окраины Советского союза, где проживали малочисленные бесписьменные и поголовно безграмотные народы. К их числу относились Хакасия и ее коренное население.

В 1924 году учителем А. Т. Казанаковым был составлен хакасский алфавит. В 1926 году в Москве были изданы первые учебники на хакасском языке, с 1927 г. выходит национальная газета «Хызыл аал».

Однако общая грамотность населения была крайне низкой, и стартовые условия формирования хакасского образовательного поля были отсталыми. Началом образовательной политики Хакасии явилась ликвидация неграмотности.

Так, в 1927 году согласно сведениям о ликвидации неграмотности в Хакасском округе грамотных — 14317 чел., неграмотных — 68899 чел. Грамотность среди населения распространена следующим образом: среди хакасов неграмотных 90%, среди русского населения 80%. [1, с. 14]

На первых парах пункты ликвидации неграмотности создавались на базе общеобразовательных школ, а ликвидаторами неграмотности, как правило, работали учителя. [2, с. 13]

Так Минусинским отделом народного образования в 1921 году были организованы курсы учителей школ грамоты.

Однако большая часть школ работала в непригодных помещениях, в основном школы вообще не имели своих зданий.

Так же в этот период на местах создаются школы грамоты для взрослых, общества «Долой неграмотность».

В 1924–1925 учебном году ликпункты действовали в 47 школах Хакасии из 62.

В 20-е годы развитие школьного образования в Хакасии определялось реализацией «Положения о единой трудовой школе РСФСР». Происходило разрушение старой школы, была отброшена классно-урочная система, единицей обучения был не класс, а разновозрастная группа. [3]

В 1923–1924 учебном году на территории Хакасии работала 51 школа первой ступени и одна семилетка, из них 32 школы в хакасских улусах. [4, с. 310]

Школа первой ступени являлась основой для низшего профессионального образования, такого как учебно-производственные мастерские и профшколы, а школа второй ступени была базовой для профессионально-технических заведений.

С 1930 по 1935 год количество начальных школ в Хакасии выросло с 163 до 220, в том числе хакасских

школ — с 59 до 63, число учащихся во всех школах — с 12370 до 29050. Количество, учащихся увеличилось почти в 2,5 раза.

В достаточно короткие сроки была выстроена целая сеть школ. За 1932–1934 годы в области было построено и приспособлено под школы 61 здание. [4, с. 313]

В 1932–1933 учебном году в соответствии с постановлением Хакасского облисполкома введено всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8–10 лет (в национальных районах до 11 лет).

Эта фундаментальная задача народного образования решалась довольно успешно. В этот период были разработаны новые учебные планы, программы и учебники по каждому предмету, упорядочены методы обучения, организована методическая работа с учителями.

Уже в 1936–1937 учебном году школьным обучением было охвачено 97,4 процента детей в возрасте 8–11 лет. [4, с. 314]

В 1935 году общее количество школ — 244, начальных школ — 218, неполных средних — 29, средних школ — 7. [5, с. 7]

Анализ архивных сведения по контрольному учету школ на конец 1939 г. в разрезе районов по Хакасской области [6, с. 13] (см. Таблицу 1) показал, что больше всего школ имели статус начальных (особенно в Таштыпском — 43 школы, в Аскизском — 42 и в Ширинском — 40). Самая большая наполняемость учащимися отмечается в Ширинском районе.

Главная цель новой школы — обеспечение для всех слоёв населения равного доступа к среднему и высшему

Таблица 1. Сведения по контрольному учету школ на 15.09. 1939 г. в разрезе районов по Хакасской области.

Название района	Тип школ	Количество школ	В них учащихся
Аскизский район	Начальных школ	42	3394
	Неполных средних	5	1131
	Средних школ	2	1651
Бейский район	Начальных школ	27	2395
	Неполных средних	6	2799
	Средних школ	1	791
Боградский район	Начальных школ	30	1671
	Неполных средних	7	1955
	Средних школ	2	1278
Саралинский район	Начальных школ	29	2768
	Неполных средних	6	2303
	Средних школ	4	2070
Усть-Абаканский район	Начальных школ	25	2573
	Неполных средних	9	2707
	Средних школ	1	1447
Таштыпский район	Начальных школ	43	2620
	Неполных средних	9	2000
	Средних школ	5	2624
Ширинский район	Начальных школ	40	3133
	Неполных средних	14	3187
	Средних школ	4	3254

профессиональному образованию, которое крайне необходимо в условиях ускоренной индустриализации Советского союза.

Между тем, усилия школы по улучшению подготовки учащихся к последующему поступлению в техникумы и вузы носили односторонний характер. Было несколько ослаблено внимание к вопросам подготовки учащихся к социальной жизни, к труду. Теория подчас давалась вне связи с практикой, усиливались элементы формализма в знаниях учащихся и в преподавании.

Эти скрытые стороны в развитии советской школы 30-х годов вызвали критические замечания Крупской Н.К. и ряда других педагогов.

Недостатки, отмеченные Н.К. Крупской, не были в полной мере учтены в работе советской школы,

Литература:

1. ГКУ РХ «Национальный Архив». Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.
2. Ултургашев, С.П. Был всегда нацелен на будущее [Текст]: к 50-летию Абаканского государственного педагогического института им. Н.Ф. Катанова / С.П. Ултургашев — Абакан: Изд-во ХГУ, 1996. — 152 с.
3. Махно, Ю.К. К истории становления первых учебных заведений Хакасии и г. Абакана. [Электронный ресурс]. / URL: <http://arhivrh19.ru/assets/files/Doklad/istoriishkol2.pdf> (дата обращения: 06.01.15).
4. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917—1961 гг. / под ред. П.Н. Мешалкина [Текст] / Хакас. науч. — исслед. ин-т яз., лит. и истории. — Абакан: Хакас. изд-во, 1963. — 419 с.
5. ГКУ РХ «Национальный Архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 368. Л. 7.
6. ГКУ РХ «Национальный Архив». Ф. 169. Оп. 1. Д. 204. Л. 13.

Особенности развития искусства Китая в годы Великой пролетарской культурной революции

Люцай Ирина Андреевна, студент
Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова

Ключевые слова: Великая пролетарская культурная революция, искусство Китая, Мао Цзэдун

Приступая к анализу развития китайского искусства в период Великой пролетарской культурной революции (1966—1976 гг.), необходимо отметить, что почти всем его отраслям был нанесен глубочайший урон. В это десятилетие наряду с другими интеллектуалами, преследовались актеры, писатели, художники, уничтожались великие произведения искусства прошлого, искусство оценивалось только по политическим критериям.

Практика революционного Китая имеет глубокие корни в марксистской традиции. Мао Цзэдун писал: «Ещё в 1905 году Ленин подчёркивал, что наша литература и наше искусство должны «служить... миллионам и десятками миллионов трудящихся». [1, с.150] И, аналогичным образом, целью Маоистского интернационалистического движения являлось развитие именно пролетарского искусства.

и к концу 30-х годов складывался известный отрыв обучения от жизни.

Таким образом, советская школа сыграла важнейшую роль в реализации культурной революции, способствовала значительному подъему общей культуры всех народов Советской многонациональной страны.

Грамотность населения Хакасии была крайне низкой, и начальные условия формирования хакасской системы образования были отсталыми. Началом образовательной политики стала ликвидация неграмотности.

Для решения первоочередной задачи по ликвидации неграмотности в Хакасии была выстроена целая сеть школ. Вслед за созданием новой школьной системы, распространяется и новая система воспитания, широкое распространение получают пионерские и комсомольские организации.

Мао Цзэдун в «Выступлении на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани» в 1942 г. сказал: «Произведения литературы и искусства, как идеологические формы, являются продуктом отражения жизни определённого общества в сознании людей. Революционная же литература и искусство являются продуктом отражения жизни народа в сознании революционного деятеля культуры». [1, с. 159] Так, искусство периода Великой культурной революции стало прежде всего инструментом политики. Мао Цзэдун четко заявлял, что «искусство должно служить государству» и «подчиняться вкусам рабочих и крестьян». [1, с.159] Меры, нацеленные на проведение этой установки в жизнь, были определены в 1949 г. на 1-м Всекитайском съезде деятелей литературы и искусства.

С 1949 по 1979 гг. в искусстве преобладало направление, которое принято называть «революционным реа-

лизмом». Образцом ему послужил господствовавший тогда в СССР социалистический реализм и типичные для него изображения и «воспевание» рабочих, крестьян и современных производств в искусстве. В истории современного китайского искусства десять лет революции выделяются явной вехой. Как писал китайский партийный и государственный деятель периода Культурной революции Ван Мин в своей работе «О событиях в Китае» — «в этот период все было перевернуто с ног на голову». [2, с. 32]

Одной из главных жертв Великой культурной революции стала Пекинская опера — некогда придворный императорский театр. В постановках оперы были связаны в единое целое пение, музыка, мимика, поэзия и акробатический танец для стилизованного изображения приключений правителей и достижений и подвигов народных героев. [3, с. 284] В период Великой культурной революции отдельные элементы оперного искусства использовались для утверждения «новых опер», в которых разоблачались «козни класса землевладельцев» и воспевалось моральное и физическое превосходство рабочих и крестьян. Как в оперных постановках, так и вне их появилось множество песен, напоминавших гимны, возвеличивавшие Мао Цзэдуна и его деятельность. За малейшее отхождение от заявленной партией тематики сотрудники Пекинской оперы — актеры, постановщики — отлучались от культурной деятельности или вовсе были высланы за пределы страны.

Со временем в ходе революции интерес общества к «идеологизированным представлениям» Пекинской оперы снижался. Она буквально находилась на грани развала. Забегая вперед и оценивая последствия Культурной революции, стоит заметить, что Пекинская опера так и не смогла восстановить своей былой славы после революции. Но, тем не менее в 80-х гг. ставились балеты в западном стиле, а крупнейшая балетная труппа — Центральный балет Китая — гастролировала больше на Западе. Некоторые танцоры и танцовщицы, получившие образование в Китае, добились успеха в европейских балетных коллективах.

Что касается развития и особенностей живописи, то стоит отметить, что большое количество художественных учебных заведений и музеев было закрыто. Художники были изгнаны из студий и направлены в сельскую местность, на так называемое «перевоспитание» через физический труд. В годы Культурной революции большой популярностью пользовались серийные картинки, плакаты с явным политическим значением, а также изображения рабочих и крестьян, которых следовало прославлять и возвеличивать. Героическое прошлое КПК интерпретировалось в живописи с воспитательными и нравоучительными целями. Большая часть художников стала писать свои картины под девизом государства: «Искусство на благо социализма!». [3, с. 246]

Символом единства были красные флаги, развивающиеся над Китаем. Красный цвет, в то время использовавшийся как единственная яркая краска, служил далеко идущим политическим целям. В картинах красный цвет символизировал тепло, жизнь, мужество. Например, картина известного художника Хэ Тяньцзянь «Гимн красному знамени» выражает

поддержку, одобрение и восхваление современной художнику политики, то есть политики Мао Цзэдуна. [3, с.246]

Впечатление от нарисованного усиливалось благодаря красному цвету, с помощью которого на полотнах, открытках и плакатах подчеркивались образы рабочих и крестьян. Их лица излучают силу и уверенность, идея подобных изображений такова: работа, даже самая тяжелая, не способна согнуть их. Живопись здесь олицетворяет советскую идею: «Работа выводит народ из состояния угнетения и порабощения в современном индустриальном мире». [4, с. 100] Эта пропаганда усиливалась лозунгами, которые размещались рядом с изображением.

Под новый контроль цензуры во времена Культурной революции попала и китайская киноиндустрия. Практически все фильмы, снятые ранее, опять были запрещены. Почти на пятнадцать лет китайский кинематограф оказался в застое — в период с 1966 по 1970 гг. в Китае не было снято ни одного фильма. Несколько фильмов, вышедших на экраны страны после смерти Мао Цзэдуна, были сняты под личным контролем его жены Цзян Цин по революционному образцу. На первом плане этих фильмов были не актеры и их игра, а развевающийся красный флаг. И зрителей буквально принуждали смотреть эти фильмы. Люди шли в кинотеатры, опасаясь быть заподозренными в недостатке революционного рвения. [4, с. 250]

Одним из наиболее интересных и популярных у китайского зрителя фильмов, снятых в годы революции, стал фильм-балет «Красный женский отряд». Впервые был представлен зрителю в 1972 году. Этот фильм, а затем и балет, посвящен ранним годам борьбы коммунистов за освобождение Китая. В фильме основную роль играют женщины, которые вступают в первый женский отряд Красной Армии и начинают организованную борьбу против эксплуататоров. Фильм снят по подобию старых советских фильмов о революции и Гражданской войне и по-своему пронизан революционным призывом. [5, с. 58]

Иностранные фильмы были запрещены к показу. Любое «чужестранное» веяние жестко наказывалось. Но бытует мнение, что сама Цзян Цин была большой поклонницей голливудского кино, которое она смотрела тайком от всех.

После 1972 г. кинопромышленность медленно начала свое возрождение. Но, вплоть до 1976 г. она все же оставалась в тени, пока не была окончательно изгнана из власти так называемая «банда четырех» — высшие руководители Коммунистической партии Китая, выдвинувшихся в ходе Культурной революции и являвшихся наиболее приближенными к Мао Цзэдуну в последние годы его жизни. После окончания революции киноиндустрия начала развиваться. Режиссеры стали снимать больше развлекательных фильмов, в качестве образцов них послужили фильмы их западных коллег. Конец революционной эпохи ознаменовался также и тем, что стали появляться фильмы о трагических событиях китайской истории. Что же касается остального китайского кино, то оно было вынуждено искать свою идентичность и вести борьбу с запретами и ограничениями разного рода вплоть до 1980-х гг.

Литературу 1949–1976 гг. условно называют «литературой эпохи Мао». Она не дала каких-либо новых имён, судьба писателей и поэтов этого периода сложилась весьма печально. Можно сказать, «культурная революция» 1965–1976 гг. полностью разгромила литературу, в это десятилетие не выходили художественные и литературно-критические журналы, не печатались художественные произведения. Деятели литературы приходилось «отставить перья» — многие находились в трудовых лагерях па «перевоспитании», а те, кто все же писал — писали тайком, по ночам, аккуратно пряча написанные тонкие листки в раму велосипеда. [5, с. 141]

Интересен и тот факт, что вся производимая бумага шла на цитатники Мао Цзэдуна, его сочинения, издаваемые многомиллионными тиражами. Цитатники Мао — это краткие сборники ключевых изречений Мао Цзэдуна. Цитатники содержат выдержки из речей и опубликованных работ Мао, структурированные тематически. Широчайшее распространение (более миллиарда экземпляров) получило карманное издание в красном переплёте, предназначенное для ношения с собой, так называемые «красные книжечки». Это был один из самых больших книжных тиражей в мире.

КПК пропагандировала изучение и чтение цитат в рабочее время, организовывались специальные кружки по занятиям с текстом. Считалось, что это не отвлекает трудящихся от работы, а наоборот, заставляет их воодушевиться и работать эффективнее. Предисловие к сборнику цитат гласило следующее: «Для того чтобы по-настоящему овладеть идеями Мао Цзэдуна, необходимо вновь и вновь изучать целый ряд основных положений Председателя Мао Цзэдуна. Некоторые наиболее яркие вы-

сказывания лучше всего заучивать наизусть, постоянно изучать и применять». Цитаты, помимо этих книжечек, публиковались и на страницах газет и журналов, поэтому данный жанр литературы в годы революции был доминирующим. На картинах и плакатах того времени нередко все изображённые люди держат в руках цитатники.

Окончание «культурной революции» дало мощный толчок развитию остросоциальной реалистической литературы. С конца 70-х гг. появился ряд ярких произведений, в которых отражен трагический опыт революции. Это была волна так называемой «разоблачительной» литературы постмаоистского периода (в Китае ее называют «литературой пострадавших»). Последствиями политических перемен 1976 г. стала повсеместная реабилитация поэтов и писателей наряду с возрождением либеральной атмосферы начала 1960-х гг.

Таким образом, охарактеризовав особенности искусства периода «культурной революции», отметим, что такие области, как театр, киноискусство, живопись и литература находились на грани краха. Они были уничтожены. В каждом из этих направлений искусства преобладала пропаганда идей КПК и диктатура Мао Цзэдуна, что существенно понижало их популярность в обществе. Все, что можно было увидеть и услышать, придя в театр, либо на выставку — это революционные призывы, побуждения трудиться как можно больше и лучше, повышая экономику, неукоснительно следовать идеям правящей партии и Мао, якобы для светлого и богатого будущего. И не важно, какой ценой оно будет достигнуто. Всякое «искусство для искусства» преследовалось и запрещалось, необходимо было работать только на благо революции, которая «непременно увенчается великой победой».

Литература:

1. Мао Цзэдун. Избранные произведения / Мао Цзэдун. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1967, т. 1. — 439 с.
2. Ван Мин. О событиях в Китае / Ван Мин. — М.: Политиздат, 1969. — 64 с.
3. Габриэле Фар-Бекер. Искусство Восточной Азии / Габриэле Фар-Бекер. — М.: Тандем, 2007. — 740 с.
4. Дацьшен, В. Г. Новая история Китая / В. Г. Дацьшен. — М.: Литера, 2004. — 347 с.
5. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. — СПб.: Лань, 1999. — 415 с.

Повседневная жизнь в произведениях средневекового рыцарского эпоса (быт, традиции, семейные отношения)

Люцай Ирина Андреевна, студент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова

Ключевые слова: рыцарский эпос, рыцарские турниры, Средневековье

Каждая эпоха по-своему объясняет историю, исходя из присущего ей понимания общества и его устоев. На-

ряду с важными историческими событиями, датами, образами, описанными в рыцарском эпосе, мы можем проана-

лизировать и повседневную жизнь общества, его занятия, быт, нравы и т.д., что будет полезным для понимания общей картины жизни средневекового человека. Учитывая то, что рыцарский эпос как исторический источник относится прежде всего к источникам литературного жанра, следовательно события и действия могут быть несколько утрированы, рассмотрим, какую интерпретацию жизни общества так или иначе дает нам рыцарский эпос Средневековья.

Проведя анализ источников, остановимся на следующих аспектах: рыцарские турниры и досуг, отношение к религии, образ Прекрасной дамы, семейные отношения.

Повествование источника — немецкого эпоса «Песнь о Нибелунгах» — достаточно понятно описывает придворные досуги и рыцарские турниры, пиры, сцены сватовства и охоты, путешествия в дальние страны и все другие стороны пышной и утонченной куртуазной жизни. Поэт понятно и чувственно рассказывает о богатом оружии и драгоценных одеяниях, подарках, которыми правители награждают рыцарей, а хозяева вручают гостям, простому народу. Все эти статические изображения, несомненно, представляли для средневековой аудитории и для современного исследователя не меньший интерес, нежели сами драматические события.

Зигфрид — это главный герой «Песни о Нибелунгах», королевич с Нижнего Рейна, сын короля Нидерландов Зигмунда и королевы Зиглинды, драконоборец и победитель Нибелунгов, овладевший их кладом — золотом Рейна. Он наделен типичными чертами идеального эпического героя: благородство, храбрость, учтивость. Пребывая у бургундов в гостях, Зигфрид и его спутники всё время, свободное от различных походов и войн, посвящают рыцарским турнирами, охоте и пирам:

«Как говорят сказанья, ломились от еды
Столов, накрытых пышно, бессчетные ряды.
Вин, и медов, и пива хватало там вполне,
А уж гостей наехавших не сосчитать и мне!
Коль уверять вас станут, что побогаче все ж
Порой бывали свадьбы, — не верьте: это ложь.
Ведь Гунтер даже воду, чтоб руки умывать,
Велел в тазах из золота приезжим подавать». [1, с. 91]

Этот фрагмент помогает нам увидеть, насколько важно было для бургундского короля показать себя щедрым правителем, ведь щедрость являлась обязательным признаком могущества и чести в то время, и от этого зависело, как будут относиться к власти короля народ.

Так как повседневная жизнь воина представляла собой непрерывное совершенствование его воинских и физических достоинств, охота и турниры были своеобразными культурными субститутами сражений, способствовавшими приращению соответствующих навыков и самоутверждению рыцаря в собственных глазах и глазах окружающих. Сражение с медведем или раненым вепрем было столько же опасным, как и схватка с вооруженным врагом. Кроме того, преследование диких зверей развивало искусство верховой езды, необходимое рыцарю.

Рыцарские турниры — это специфически европейский способ социокультурного бытия военного сословия. Турниры способствовали совершенствованию воинского искусства рыцаря, также они создавали очевидную возможность блеснуть личной отвагой, быть замеченными и помимо всего прочего добиться материального вознаграждения, которое подтверждает рыцарскую доблесть. В турнирах четко прослеживались основные цели такого состязания: самоутверждение воина и захват добычи. Схватка велась, как правило, оружием, не отличавшимся от боевого, при этом допускались практически любые виды вооружения, вплоть до арбалетов. Победенный лишался всего: свое вооружение и коня он обязан был отдать победившему. Таким образом, рыцарский турнир — это проекция реальных боевых действий:

«Бургунды напирали на саксов и датчан,
Им нанося немало таких глубоких ран,
Что кровь, залив доспехи, стекала на седло.

Сражение у витязей за честь и славу шло». [1, с. 92]

Важнейшим элементом быта в «Песни о Нибелунгах», который нельзя не указать, является и религия, вера, церковь: как само собой разумеющееся в произведении упоминаются месса, собор, священники, церковные шествия и т.д. Герои клянутся именем Господа, взывают к нему. На протяжении всей «Песни» прослеживается обращение к Богу. Например, в авантюре «Как Зигфрид сражался на горе с драконом» есть отрывок из молитвы Зигфрида:

«Господь мой, в страшном том бою
Яви мне благостынь свою.
Небесной силой осенен,
Я буду жив, а мертв — дракон». [1, с. 42]

Приключения главного героя начинаются с того, что он узнает о существовании Кримхильды, бургундской королевны, которая славится не только внешней красотой, но и умом, добротой. Она описывается как идеал женственности. В ее образе мы видим отражение культа Прекрасной дамы, являющейся неотъемлемым атрибутом рыцарского эпоса.

Кульм Прекрасной Дамы зародился в южной Франции, в графстве Прованс, и оттуда быстро распространился по всей Западной Европе. Кульм Прекрасной Дамы зарождался с особого поклонения Деве Марии. В ее честь произносились молитвы, люди писали стихи. Она именовалась «кроткой Дамой небес», «небесной королевой», ее изображения на иконах стали изображать в драгоценных одеждах и короне.

Такое поклонение Деве Марии возвеличивало в свою очередь и земную женщину. Любовь к ней получала все более возвышенный, более духовный характер и окрашивалась особыми поэтическими тонами. Рыцарь, в сущности, окружая почитанием какую-либо «даму сердца», служил не ей, а какому-то отвлеченному идеалу непорочности и красоты, который он создавал в своей душе.

На протяжении «Песни о Нибелунгах» прослеживаются мотивы подобного служения:

«Кримхильду развлекали на всем пути герои

То удалою скачкой, то воинской игрою,
Покамест кавалькада к реке не подошла
И витязи учтивые не сняли дам с седла». [1, с. 60]

Что касается взаимоотношений индивида и семьи, причем семьи в самом широком понимании (патриархальной или племенной), то для общества средневековья, предельно традиционного в своей основе, эти взаимоотношения играли первостепенную роль.

Семейные отношения более логично анализировать по другому, не менее известному памятнику рыцарского эпоса — французскому образцу эпоса «Песнь о Роланде». Из его контекста видно, что всякий человек определялся принадлежностью к семье. [2, с. 15] Семья была иерархической структурой. «Под руководством своего главы она подавляла индивида, предписывала ему и собственность, и ответственность, и коллективные действия». [3, с. 65] Линьяж (кровная общность, состоявшая из родственников) определяла реалии жизни рыцаря, его мораль, его обязанности. Члены линьяжа были связаны узами солидарности, проявляющейся на поле боя, в вопросах чести и особенно в кровной мести. Этот мотив в «Песни о Роланде» реализован абсолютно четко — в сцене боя с полчищами Балигана — эмира Вавилона и повелителя Египта Карл призывает:

«Отмстите лишь за родичей сполна
За всех, кто в Ронсевале пал вчера». [4, с. 32]

Действия представителя линьяжа переносятся и на остальных его членов. Мотив реализуется постоянно, Роланд — главный герой эпоса, племянник императора Карла Великого, например, долго отказывается затрубить в Ронсевальском ущелье в Рог, чтобы позвать Карла на помощь, боясь обесчестить тем самым своих родственников, что еще раз показывает нам важность семьи в жизни рыцаря.

В пример можно привести и то, что позор отчима Роланда Ганелона не минует и его семью: недаром родственники так отчаянно пытаются защитить его, в том числе, рискуя собственной жизнью. Когда его родственник Пинабель погибает в поединке с другом Роланда Тьерри, казнят не только Ганелона, но и тридцать его родственников. И Ганелон едет в посольство к сарацинскому царю Марсилию прежде всего не в своих интересах, а в интересах семьи: если не поедет, то лишится феода и опозорит семью, а если поедет и погибнет, то чести его роду прибавится, а его сын Балдуин, в знак заслуг своего отца, унаследует феода и его честь и достоинство (заслуги отца во многом переносились на сына). Фактически, единство ры-

царского войска во многом объясняется именно общностью его в виде линьяжа. Где это было нарушено, немедленно следовали военные поражения. [4, с. 50]

Линьяж соответствует агнатическому роду, цель и основа которого — сохранение общего имущества — патримония. Специфика его феодальной разновидности заключается в том, что для мужчин линьяжа военные функции и отношения личной верности были столь же важны, как и экономическая роль семьи. Но этот комплекс чувств и интересов нагнетал в феодальной семье крайнюю напряженность, драматизм в отношениях преобладал над верностью. Соперничество двух братьев: власть была в руках того из братьев, за кем прочие признавали способности командира. Часто это соперничество вело к открытой вражде: не исключено, что корни вражды Ганелона и Роланда лежат как раз здесь. Ганелон считает, что пасынок не может быть более достойным, чем родной сын. [5, с. 80]

Особое значение в семье придавалось отношениям племянника и дяди. В «Песни о Роланде» несколько таких пар (Карл — Роланд, Марсилиус — Аэльрот), причем чаще всего именно племянники командуют войсками в отсутствие дяди. Сын — прямой наследник, чаще всего лишь упоминается.

Женщина в семье находится в подчиненном положении, она не в чести в мужском, военном обществе, однако женщины из высших слоев общества пользуются определенным уважением. Трудно что либо сказать о положении женщин в «Песни о Роланде», только можно заметить, что роль жены царя Марсилиуса Брамимонды при дворе довольно значительна: она общается с послом, дает советы самому правителю. Роль другого женского персонажа — Альды, «дамы сердца» Роланда в «Песни» сведена к минимуму. Дети в «Песне о Роланде» не присутствуют вовсе.

Таким образом, женские образы занимают довольно скромное место в «Песни о Роланде», между тем как в ряде других поэм им принадлежит значительная роль.

Итак, рассмотрев некоторые образцы рыцарского эпоса, мы можем сделать вывод о том, что его значимой частью являются отразившиеся в нем реалии повседневной жизни, формы поведения, ценности, материальная культура эпохи. На примере эпосов «Песнь о Нибелунгах» и «Песнь о Роланде», сделаем заключение о том, что неотъемлемой частью жизни средневекового общества являлись пиры и рыцарские турниры, семья была важным показателем уровня социального статуса человека.

Литература:

1. Песнь о Нибелунгах / В. Г. Адмони, В. М. Жирмунский, Ю. Б. Корнеев, Н. А. Сигал — М.: Наука, 1972. — 343 с.
2. Щербаков, А. Б. Классификация эпических поэм средневековой Франции по Бертрану де Бар-сюр-Об и ее правомочность // IX Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. Материалы научной конференции. — М., 1997. — 108 с.
3. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини — М.: Прогресс, 1987. — 384 с.
4. Песнь о Роланде / Библиотека Всемирной Литературы, т. 10 / Перевод со старофранцузского Ю. Корнеева — М.: Художественная литература, 1976. — 121 с.
5. Кожинов, В. В. Происхождение романа / В. В. Кожинов — М.: Советский писатель, 1963. — 440 с.

Политические репрессии в СССР в отношении «буржуазных специалистов» в области культуры и искусства 1920–1930 гг.

Люцай Ирина Андреевна, студент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова

Ключевые слова: политические репрессии, И. В. Сталин, культура и искусство

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. в СССР основным направлением идеологической жизни общества была борьба за утверждение марксистско-ленинской идеологии в сознании народа. В это же время заметно ужесточились требования партии к представителям культурной жизни общества, начался активный поиск тех, кто сомневался в правильности избранных правительством методов социалистического строительства. Шел процесс формирования такой культуры, которая была свойственна тоталитарному обществу, то есть культуры, находящейся под контролем государственной власти, стремящейся руководить духовной жизнью общества. И судьбы многих таких представителей культурной сферы общества складывались весьма трагично, о чем и пойдет речь в данной статье.

К 1930-м гг. обязательным художественным методом для советского искусства руководством станы во главе с И. В. Сталиным был объявлен метод социалистического реализма, то есть изображение действительности не такой, какая она на самом деле, а такой, какой она должна быть с точки зрения борьбы за социалистическое будущее. [1, с. 89] Главный маршал советской авиации периода Второй Мировой войны А. Е. Голованов, деятельность которого в то время была подчинена И. В. Сталину, много пишет о нем в своих мемуарах «Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945» — «Вся жизнь Сталина, которую мне довелось наблюдать в течение ряда лет, заключалась в работе. Везде и всюду работа. Везде и всюду дела и люди, люди и люди. Рабочие и ученые, маршалы и солдаты»... [2, с. 150] И культура для Сталина не была возможностью отдохнуть и отвлечься, а также являлась сферой для работы. И в этой сфере он действовал так же, как и в любой другой, стараясь помочь расти всему полезному, «защищая культурные растения от сорняков». [3, с. 37] И. В. Сталин считал, что культура и искусство — это та область, где формируются мысли и ощущения, передающиеся потом всему народу в произведениях литературы, в театре и кино и т.д. Поэтому ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы через эту сферу в общество просачивались всяческие неугодные настроения.

Идеологическое давление на деятелей культуры особо усилилось к 1925 г. Существовавшие творческие союзы превращались в часть партийно-государственного аппарата, внедрение единых художественных канонов осуществлялось насильственным, репрессивным путем. В 1926 г. была создана Федерация советских писателей, основной

задачей которой являлось «объединение различных писательских группировок, желающих активно участвовать в строительстве СССР и считающих, что наша литература призвана сыграть в данной области одну из ответственных ролей». [4, с. 164] В постановлении ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» было решено ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей и «... объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем». [5] Первый Всесоюзный съезд писателей в августе 1934 г. принял устав Союза Писателей СССР, содержащий определение социалистического реализма как основного метода советской литературы. Первым главой Союза советских писателей был назначен Максим Горький (А. М. Пешков), известный русский писатель, прозаик и драматург. Руководством ему был предоставлен особняк в Москве, ныне — музей Горького, а также дачу в Подмосковье и прочие привилегии, например, в честь писателя была переименована Тверская улица, самолет АНТ-20, построенный в середине 1930-х годов бюро Туполева, был назван «Максим Горький». Но за все эти привилегии необходимо было платить, и все творчество писателя должно было соответствовать сталинской пропаганде. После посещения Соловецкого лагеря особого назначения М. Горький написал хвалебную статью о сталинской карательной системе, несмотря на то, что рассказывали сами «лагерники» о своей жизни там. Этот случай описан в книге «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына. В 1934 г. М. Горький выступил со-редактором книги, в которой шла речь о построенном рабским трудом Беломоро-Балтийском канале, главной мыслью ее стал тезис о том, что в советских лагерях совершается успешная «перековка» бывших «врагов пролетариата». [6, с. 189] Но все это давалось непросто писателю. Существуют сведения, что в «верхах» знали о колебаниях писателя и в декабре 1934 г. М. Горький фактически был заключен под домашний арест в своём особняке. В мае 1934 г. неожиданно умер его 36-летний сын Максим, а 18 июня 1936 г. от пневмонии умер и сам М. Горький. И. В. Сталин заявил, что М. Горький был отравлен «врагами народа». Обвинения в отравительстве были якобы доказанными. Бывший глава ОГПУ и НКВД Генрих Ягода сознался, что организовал убийство Максима Горького по приказу Троцкого.

Судьба других писателей, не подчинившихся коммунистическому диктату, была, как правило, трагической. К числу тех, кто погиб в концентрационных лагерях и застенках НКВД относится талантливнейший русский поэт, прозаик, переводчик и литературный критик О. Э. Мандельштам, который в ноябре 1933 г. написал антисталинскую эпиграмму «Мы живём, под собою не чуя страны...», которую прочел полтора десяткам человек. Этот поступок Б. Пастернак назвал «самоубийством»: «То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, который я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал, и прошу вас не читать их никому другому». [7] В «Справке ГУГБ НКВД № 23 от 2 июля 1935 года с характеристикой стихотворений О. Э. Мандельштама «Холодная весна...» и «Мы живем, под собою не чуя страны...» опер-уполномоченного УСО ГУГБ Кравцова указывалось, что «стихотворение «Холодная весна» отображает отрицательное отношение Мандельштама к ликвидации кулачества на Кубани и Украине», «Стихотворение «Мы живем» является контрреволюционным пасквилем на тов. Сталина». [8] Таким образом, 14 мая 1934 г. О. Э. Мандельштам арестовали и отправили в ссылку в Пермский край, г. Чердынь, где поэт перенес несколько попыток самоубийства. По истечении срока ссылки в 1937 г. Мандельштам пытался добиться разрешения проживать в Москве и печататься, секретарь Союза писателей СССР В. Ставский в 1938 г. написал заявление на имя наркома внутренних дел Н. И. Ежова, где предлагалось «решить вопрос о Мандельштаме», [9] но его стихи названы «похабными и клеветническими». Следующий арест последовал 2 мая 1938 г. Суд вынес приговор — 5 лет каторжных работ, но Мандельштам умер в пересылке.

Подобная судьба постигла и И. Э. Бабеля — советского писателя, драматурга, журналиста. Из его произведений конца 20х — начала 30х гг. было видно, что он стоял на пороге понимания общественно-политических проблем этой эпохи — формирования тоталитарного государства как репрессивно-карательной машины, которая опиралась лишь на политическую идеологию, исключая всякую свободу личности. В его рассказах о ЧК, раскулачивании, расстрелах, арестах он затрагивал следующие вопросы: почему социализм нельзя строить без жестокости, почему советская власть человеческого лица, человеческих чувств, чуткости и понимания и мн. др. 15 мая 1939 г. писатель был арестован на даче в Переделкино, он обвинялся в «антисоветской заговорщической террористической деятельности» и шпионаже (дело № 419). В обвинительном заключении по следственному делу Бабель обвинялся в том, что «являлся активным участником контрреволюционной троцкистской организации, готовил теракты против руководителей партии и правительства». На допросах Бабель был подвержен тяжелейшим пыткам, а 26 января 1940 г. Военной коллегией Верховного Суда

СССР он был приговорён к высшей мере наказания и был расстрелян на следующий день.

20 июня 1939 г. в Ленинграде был арестован В. Э. Мейерхольд (Карл Казимир Теодор Майергольд) — русский советский театральный режиссёр, актёр и педагог. В 1920 г. в Москве был создан Государственный театр имени Вс. Мейерхольда (ГосТим) первоначально под названием «Театр РСФСР-1», затем с 1922 г. назывался «Театр Актёра» и Театр ГИТИСа, с 1923 г. — Театр имени Мейерхольда (Тим), в 1926 г. театру был присвоен статус государственного. [10, с. 145] В 1934 г. И. В. Сталин посмотрел спектакль «Дама с камелиями», он ему не понравился, и вскоре на Мейерхольда обрушилась критика с обвинениями в эстетстве. 8 января 1938 года театр был закрыт. После ареста в 1939 г., трёх недель допросов и пыток, Мейерхольд подписал нужное следствию обвинение: его обвиняли по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР — контрреволюционная деятельность. Заседание Военной коллегии Верховного суда СССР состоялось 1 февраля 1940 г. 2 февраля 1940 г. Мейерхольд был расстрелян.

В это же время выдающиеся российские советские художники-авангардисты К. Малевич, П. Н. Филонов и др. были лишены возможности выставлять свои картины. Пути самоопределения и судьбы многих деятелей культуры и искусства разных направлений складывались в эту переломную эпоху по-разному. По различным причинам за границей оказались русские таланты, такие как И. А. Бунин, А. И. Куприн, Ф. И. Шаляпин, А. Н. Толстой, М. И. Цветаева, Е. И. Замятин, К. А. Коровин и др. Однако многие оставались и в СССР. К середине 20х гг. относится появление советской драматургии, которая оказала огромное влияние на развитие театрального искусства. Музыкальная жизнь страны в данный период связана с именами Д. Шостаковича, С. Прокофьева, Т. Хренникова, Д. Кабалевского, И. Дунаевского и др. Художественные фильмы 30х гг. рассказывали о современниках, о событиях революции и гражданской войны, об «успешном строительстве социализма».

В 1923 г. был создан Соловецкий лагерь особого назначения (далее — СЛОН), ставший крупнейшим исправительно-трудовым лагерем и активной точкой роста в ходе насильственной трансформации страны. Его «особое назначение» заключалось в том, что он расширил полномочия внесудебных карательных органов по изоляции «особо опасных уголовных и политических преступников». [10, с. 65]

В июне 1924 г. был арестован и осужден на 3 года в СЛОН известный советский художник, профессор Академии художеств О. Э. Браз (1873—1936 гг.). Причиной его ссылки послужило то, что он был приглашен директором воздухоплавательного немецкого общества «Юнкере» экспертом по оценке художественных ценностей, которые советское руководство планировало продать этому обществу за большую сумму. Об этом узнали англичане, которые тоже хотели стать покупателями,

и О.Э. Браз был обвинен в том, что эти сведения англичанам передал он. Но, многие исследователи предполагают, что это был лишь предлог, а в действительности художник мог пострадать из-за того, что выступал против распродажи художественных ценностей Эрмитажа, где служил хранителем коллекции голландской живописи. В 1927 г. в СЛОН оказалась известная ленинградская художница С.И. Егорова, ученица И.Е. Репина. Она была арестована и осуждена на 3 года за распространение картин буддийского содержания, в частности за картину «Царевич Сидартх Сакия Муни Будда покидает свой дворец и жену». Советским руководством было отмечено, что эта картина для России вредна и не нужна. И таких случаев очень много, через этот сравнительно небольшой лагерь прошли сотни представителей деятелей советской культуры, и тех, чьи имена и сегодня известны всем, и тех, кто незаслуженно был забыт, или чье творчество и жизнь были оборваны в самом начале. Писатель Б.Н. Ширяев, тоже бывший узник СЛОН, писал: «Капля воды отражает в себе океан. Соловки отражали в себе все основные черты тогдашней жизни Советского Союза». [11, с. 52]

В начале 1930-х гг. стали проявляться признаки культуры личности И.В. Сталина. Началом этого явилась статья

К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», опубликованная в 1929 г. к юбилею генсека, в которой, по мнению многих исследователей, преувеличивались его заслуги. [12, с. 15] Постепенно И.В. Сталин становится единственным теоретиком марксизма-ленинизма, а все представители советской творческой интеллигенции, кто прямо или косвенно с этим был не согласен, были репрессированы как «буржуазные специалисты».

Таким образом, проанализировав репрессивную политику советского государства в отношении «буржуазных специалистов» в области культуры и искусства и рассмотрев ее на отдельных примерах, можно сделать вывод, что в 1920-х — начале 1930-х гг., в период зарождения репрессий, который обуславливался ужесточением требований партии к представителям культурной жизни общества, советская культура уже понесла большие потери. Потери эти выразились в убитых и замученных писателях и поэтах, художниках, музыкантах и театральных деятелях. Это время можно назвать своеобразной «подготовкой» к проведению более «бдительной и внимательной» репрессивной политики, которая переросла к 1937 г. в репрессии «большого террора».

Литература:

1. Верт, Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт. — М.: РОССПЭН, 2010. — 447 с.
2. Голованов, А.Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации 1941—1945 / А.Е. Голованов. — М.: Центрполиграф, 2007. — 320 с.
3. Стариков, Н.В. Сталин. Вспоминаем вместе / Н.В. Стариков. — СПб.: Питер, 2013. — 416 с.
4. Лысков, Д.Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века / Д.Ю. Лысков. — М.: ЭКСМО, 2009. — 274 с.
5. Постановлении ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1923 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» [Электронный ресурс] // URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0008_ssp&object=translation&l=ru (дата обращения: 02.11.2015)
6. Завелев, А.И. Истоки сталинизма: «Политическая история века» / А.И. Завелев. — М.: «Высшая школа», 1990. — 380 с.
7. Кушнер, А. «Это не литературный факт, а самоубийство» [электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/povyi_mi/2005/7/ku9.html (дата обращения: 10.11.2015)
8. Справка ГУГБ НКВД № 23 от 2 июля 1935 года с характеристикой стихотворений О.Э. Мандельштама «Холодная весна...» и «Мы живем, под собою не чуя страны...» [электронный ресурс] // URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/6/ne10.html#> (дата обращения: 10.11.2015)
9. Заявление секретаря ССП В.П. Ставского Наркому Внутренних дел СССР Н.И. Ежову о поэте О.Э. Мандельштаме [электронный ресурс] // http://www.nnre.ru/istorija/stalin_i_pisateli_kniga_pervaja/p5.php (дата обращения: 11.11.2015)
10. Костырченко, Г.В. Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция в СССР / Г.В. Костырченко. — М.: РОССПЭН, 2010. — 415 с.
11. Репрессированная интеллигенция: 1917—1934 гг. // Федерал. арх. агентство России, Рос. гос. арх. социал. — полит. истории, Центр. арх. ФСБ России. — М.: РОССПЭН, 2010. — 495 с.
12. Ширяев, Б.Н. Неугасимая лампада / Б.Н. Ширяев. — М., 1991. — 250 с.

Cossacks Wedding Ceremony Analysis in Northeast of Iran (by applying Joseph Campbell's Hero Quest)

Abbas Panahi, Associate Professor of Guilan University
Alaleh Abedi, MA Student of Iranology of Guilan University

Аббас Панахи, доцент;

Алале Абеди, студент

Гилянский государственный университет (г. Решт, Иран)

Cossacks are ethnic group or small community that traveled to northeast parts of Iran for communized-political, cultural, religious pressure after Russian 1917 revolution. This group obeys from ancient customs and regulations that show their ethnic identity and indexes. It is tried in this research to explore wedding ceremony among Cossacks from Yung, Campbell and others points of view regarding the quest of hero as in Joseph Campbell. If this hypothesis is suggested that finding new independency and identity needs surveying ways, this question is suggested that what hero is searching by his abstract and symbolic travel? Discussion method in this research is descriptive-analytic, and we understand after done studies that hero should pass eminence and regulations steps one by one by accepting invitation, receiving guidelines and supports of supporting forces and passing test paths and halls.

Key words: *Cossacks, northeast of Iran, hero, Campbell, regulations, wedding.*

Introduction

Social action study needs paying attention to concepts like certain time and place, social group and is tried in the present research to consider small group living in northeast of Iran.

Cossack in Turkish means a husband ruling her wife and in Dehkhoda encyclopedia means rebel and wanderer.

Cossacks are from immigrant ethnic groups dwelling in Iran and all are related to small camp from Cossackstan Mon-feshlagh region and yellow blood group. These are emigrant group that were living migrating before revolution in October 1917 [4, p. 2], and they escaped from red army and war by passing hard immigration and enter to Iran through Turkmenistan in years 1931–1946; as a result, they dwelled first in villages near Bandar-Torkman, Gonbad and Gorgan city, but they thought to make bigger community and living in urban region by partial growth of economic condition. Maybe the most important factor in deciding was their minority. In decade 30 years, this decision was accomplished and Cossacks moved from villages to the nearest cities; consequently, in late of decade 30, Cossacks dwelling places were emerged in Bandar-Torkman, Gorgan and Gonbad-e-Kawous. Cossacks presence in Gorgan and other adjacent cities has led to Cossackstan consulate establishment in Gorgan. Their religion is Hanafi Sunnite and their majority job has been ranching. They couldn't continue that job for losing their domesticated animals, so continuing the same kinds of earning a living was not possible for them. Some who had skills in technical affairs used them to continue life. Some tended to make tools and equipment that has experienced their culture and technics in their past lives. Tools were as four-wheel cart or rug; therefore, the flare of Cossacks' smithy kilns not only made their oven warm, but also they helped a lot to make the bed of earning a living of other Cossacks warm, as some of their work was riding carts. The places occupied by Sun-

nite Cossacks in mentioned cities are known as Cossacks quarter or "Belich quarter". Marriage custom among Cossacks is inner-espousing but outer-blood originated from paternal breed attitude. Moreover, they have especial customs and regulations regarding to their breed and blood values and identity which are derived from their remained cultural heritage.

It is tried in this research to practice exploration and analysis of stages and regulations about wedding and questions like the abstract travel reason of hero and used stages and regulations during path according to Joseph Campbell ideas become explored; therefore, it is necessary to interpret theoretical framework of Campbell and explain and know symbolizing some expressions.

Theoretical Framework

Joseph Campbell is as theoretician under influence of Yung school and his collective unconscious and analyzed hero's evolution and demeanor path in some stages. Departure, invitation to start travel, occult relief, passing the first threshold, whale stomach, being honored regulation, tests road, greeting with lady-God, placating with father and returning avoiding of returning and magic escape constitute Campbell book. Yung also believes that each of us has certain method to live but to high extent we are member of its collective spirit that its age is as long as centuries [16, p. 27]. In addition, symbols and signs in different regulations have been appeared in various shapes and consist of collective spirit and collective unconscious contents; in other words, sign is a concept more than what it seems and it is deeper and further meaning, and one of its significant features is its non-precision and non-secret [5, p. 7]. Accordingly, hero seeks eminence and new perception from himself with symbolized travel faces with various aspects of spirit like Anima, shadow, old sage and etc.

Cossacks Wedding Ceremony Description

Wedding is done as one of passing customs with changing social rank and accordingly based on fundamental patterns, which are in hidden layers of mind or the same as Yung old pattern leaning on saint forces, and some sings and regulations are used in it that play especial role.

Wedding among them is mostly inner-espousing and rarely seen in recent years that marriage is done between one Cossack and non-Cossack or with one in non-Sunnite religion. After suiting a girl for a boy and girl family accepts, espousing and weeding ceremony is done in 6 days. The most important notion before explaining regulations that should be considered is in regulation ceremonies related to middle Asia that design covering and colors role in describing concepts related to changing base is very important. From the start of espousing ceremony to the end of wedding ceremony bride is hidden under the coverage with the name of Ishik.

The first stage of wedding ceremony is a celebration held in groom home with sacrifices and bread, passerine and food (Baversagh) special for Cossacks are served.

It is a celebration which is with bringing gifts for bride, and groom relatives hang a ring of bank bill around bride neck; of course, celebration in this day is with entertaining by lunch from groom relatives and agents.

In this stage, the main celebration of bride family starts, brides go sightseeing with her friends, groom go sightseeing, too. After that he returns to his home, later bride friends take groom with gifts to bride home or a home wedding ceremony is going to be held there.

Fourth stage is entertaining day from groom, bridesmaids and her retinue. In groom home, there is bread ceremony and they become ready to take bride to home for the next day. Groom in this day learn how to respect elders from his retinue, too.

This stage and later ones are stages of taking bride home and other regulations. Bride friends make her ready and cover her by passing especial headgears. When groom and his relatives are arriving, he must certainly put off his shoes and inter to the room which bride is there, he should take his shoes with himself because bride's relatives may pour water into his shoes as complaint of taking bride by him.

In addition, bride says goodbye to the men of relatives and go to groom home by his dowry and her retinue. In this stage, as bride gets near to groom home, groom relatives same as his brother's wife and sister go for bride welcoming and unbrace the red scarf from bride's meddle and brace it on their meddles; moreover, they take out a curtain from bride's dowry and carry it in front of her and walk. When they arrive to groom home gate, they hold a rite that in it they sing a song which remind bride her tasks, unpleasantness and the same concepts, after that bride and her retinue enter and her retinue move away her Ishik, but consistently she has her Cossacks crown on her head. Of course, bride sister inhibits to take crown out then this crown is remained for a short time on her head then takes it out and put white scarf on the head

of new bride. Cossacks' cover their new bride mouth by a kerchief for a while, and accordingly changing the social base becomes approved.

Symbolized Analyses from Cossacks' Wedding Regulation Ceremony

1. Circle

Circle is a mythical symbol which has been arrived to use from mythical world view. In mythology and mythical symbols, "circle" is a symbol of multi-aspect and multi-vector that achieves into the union. Circle is originated from collective unconsciousness and has increasing force. On the other hand, it is symbol of sky, heaven and time and sometime it is used as supporter like chains and talisman [7, pp. 168–172]; in other words, it can be said that: as role of Yung, circle is the same as Mandela chart or main spirit core that is passing from space crystallization as uncertainty and non-limitation of quintessence [16, p. 342]. And also, it is union symbol and personal mortal world by immortal impersonal world (ibid, 2013: 3368) and the universe core symbol is "Alyadeh", and here it has both functions of magic and disaster turning, because this issue should be considered that hero in passing state is in a condition that is vulnerable and exposed toward unnatural forces that can have function of positive, negative or both polars; therefore, exposing person in the center of universe can put him in non-time condition and remind him the eternal creation moment and use all positive forces to support him.

Putting bank bill circle around bride neck and bracing red scarf around her meddle can be a good example to determine this issue. Because secret knowing hero get into holy space by staying in a circle, it means by entering a regulation into the center of universe, he experiences revocation in resuscitative holy space and he will be born in another pace, because holy space is underlying repetition of holiness influence and heaven union [1, p. 346].

2. Color Symbolized Impact

Color and design variation and various figures in groom and bride covers is a reason for magic or alchemy existence in hero nature. Color symbolizing tendency in dream always leads to various interpretation and thoughts, because colorful elements have considerable effect on story hero spirit. Each used color in coverage related to passing is indicator of one of human reasoning in classic anthropology. Colors are indicator of cosmic symbolism and may have valuable function religiously. Symbol is composer collection of universe and shows the entirety of universe [7, pp. 346–350].

Three colors from four in alchemy as black, white and red are remained that there is a kinds of activity and motion in red [16, p. 293]. Four colors impact are mythically colors which the first human made from combination of four fists of soil that angels brought from four corner quarters for God.

"Among Alakouf's of Arzonnar, human is at the center of ideal heaven and four vectors of this heaven are determined by four colors" (ibid, vol.3, 2014: 347).

Hero Travel Stages Analysis

1. Invitation and Travel Start

Marriage as one of passing rite is with various regulations and methods in different nations. These regulations include stages that their observation is necessary for hero and used symbols and customs in them have root from myths and legends. Passing all stages in symbolic travel framework reaches to independency and identity by seeking in objective (external) world that is the prerequisite of integrity for hero's new condition and circumstances. Campbell in one hundred-face book knew departure as positive respond to start travel and believed that by this acceptance, positive action power is made in hero and he passes from the first threshold by supporting powers [11, pp. 60–75]. Hero travel is a story about separation from family that is equals to motion of separation child from his mother and based on this old pattern, hero is seeking "himself" to find identity [14, p. 440]. In this travel progress hero passes this process based on collective patterns. Collective unconscious includes individual process that covers old patterns" [6, p. 2]. Then in some occasion he was put in wale stomach and inter to another stage. Heroes are always invited to travel in different stages; first, by inviting to travel in suiting rite from groom, then bride's retinue invitation from groom and then groom coming to take bride, after than groom's relatives coming to pass him from the last stage. All are invitation to travel and departure the female hero (bride). Heroes in passing progress of this way face with occult relief, threshold guards and old sage that either help heroes or prevent them from passing the stages. In these kinds of travel, hero faces with symbolic characteristics that are picture of his internal influences. Marriage is "ago" hero knowing and spirit feminine old pattern (Anima), and this acquaintance and spirit feminine observation from "ago" lead to consciousness, mental growth process and consequently lead to hero's social growth, because hero is symbol of consciousness ago, and by marriage and confronting with Anima or spirit feminine face practice on his consciousness ago.

2. Old Sage: Occult Relieves or Helper

Seeing an old sage is a symbol of need to perfect you with old sage or hidden wisdom accomplishment [7, p. 91]. In other words, wise sage is main symbol of father or main symbol of spirit, a symbol of our unconscious spiritual feature. The main symbol of spirit appears when human needs insight, fine advice, deciding and programming. Old sage means contemplation, identification, insight, wisdom and precision. Moreover, old sage is further symbol of some moral features that reveals spiritual aspect of this main symbol like welfare intent and readiness to help and get help [13, p. 61].

Old sage in people dreams may appear as prophet, guider, religion agent and etc. Moreover, helper that is a symbol of mysterious knowledge nature, image of human wisdom and collective unconsciousness. Old stage appears in process of hero's individuality in different and symbolic situations on him and make path smoother for hero to identify. His presence in mental and spiritual life of both heroes, their responds to accept anima invitation, noticing to inner voice for eminence and passing is essential.

According to Campbell role, this characteristic is indicator of fate kind and guard power and heaven peace promise which hero experiences it from the first in mother womb [11, p. 77], it starts from departure or passing process; as it is mentioned above, teaching respect to elders by groomsman or companion his friends for male hero and also teaching spouse responsibilities and making bride ready by close women for female hero reflex images of old sage or helper.

3. Wale Stomach

It is transferring human to another heaven, a newborn is shaped and it is symbolized as womb world [11, p. 96], in this symbol hero instead of winning on threshold forces, he is swallowed, died and then gotten born. Its evidence can be known as putting bride under veils and scarf and as she is covered symbolically. In other words, covering bride with Ishik can be known as starting the first stage and it is uncovered in the last stage as the new being born stage. This veil is like membrane which chrysalis passes it and is born [1, p.120]. Bride standing in a room both in her father or groom home is symbol of standing in wale stomach. Hero separates from "ago" and get into the universe contradictions in order to recognize his way and pass threshold.

Mircha Alyadeh tries to vivid returning to womb mystery training regulation about this kind of mythical boring that: "returning to quintessence" makes new birth, but this new birth is not the repetition of the first birth means physical birth. But it is new boring with meaning of theosophical new birth. From theosophical point of view, it is arriving to the new stage of life, holiness and ascendancy on spirit. The main idea is that to arrive to more excellent quality and rank in existence hierarchy, we should renew the germinal life and birth of course in mysterious and regulative way [1, pp. 86–88].

According to Henderson point of view, this rite in various regulations is symbolic death and new birth that means childish ago killing in hero which leads into his eminence and maturity [15, p. 60].

Moreover, standing in wale stomach can be explored according to taboo roles pint of view, because, according to primitive human that is in non-time and being newborn, he is always vulnerable to dangers; therefore, in this holy moment that is repetition of exemplifying face, considering some issues are essential and taboo like covering bride mouth with kerchief that is somehow standing in wale stomach, and it is from taboo issues.

4. Unconsciousness Wilderness

This stage is one of important stages in mythical travels, hero step into dream world by passing wilderness that individual process various test are accomplished there. In this passing that hero is in his unconsciousness, again the present of an old man that Yung named him old sage is essential here. A path can be here the one that each hero means bride and groom passes it by their helpers and by entering to unconscious area that is going to sightseeing in order to determine their status either in bride father home or groom father home.

5. Threshold Guards and Helpers

In this issue, there are helpers for each hero that are as their retinue and as heroes who have tribal or group lives who have some retinue to cope with possible anxieties in new situations. Because in hero travel process, it is considered as combat with external harmful elements and coping with them are considered as regulation rites that according to Yung idea, it is same as confronting with shadow. In hero passing process we face with threshold guards that have positive or negative functions and mostly they either prevent hero from passing that stage or urge hero enough to pass. Like resistance of bride sister to remove Ishik or pouring water in groom shoes that show the importance of water and its symbolic function, because water is substantial shape appearance of life quintessence and physical and spiritual birth element, and in all places, it is regulation purity tool. In Tibetan regulation rite, water is symbol of allegiance and testament that peripatetic passes [7, pp. 3–8]. Alchemists knew water as aqua-centra, vivid mercury, very murderous mercury, moonlight extract [16, p. 107]; moreover, conducting a rite to mention bride responsibility by groom retinue after hero stands in wale stomach and passing threshold, he enters to unconscious space and inner universe essence where

the whole universe is coming from there. By changing hat or crown, that is somehow passing cover, it is determined by passing threshold retinue and standing in new situation. Passing cover is important especially for head, because head has special holiness for containing spirit, “Siyam people think that a spirit yclept Khan has home in human head that is guard spirit and it should be protected seriously [10, p. 261]. Then, in this travel process, his retinue companion hero by group by establishing regulation rite, and for removing evil and disaster turning they cook regulation food to give sacrifice to Gods and devil forces in this way and preserve new-learning heroes from their evil. This rite can be compared by supper for Christians which is sacrifice in presence of God and make link between body and spirit. In supper also baptism and new boring take place and after that “priest determines identity change by a pray and by this way all creations are bread and wines and get free from physical malformed and find new identity” [16, p. 380]. Ancient Egyptians to remove evil used cow and insinuated all disasters and evil that may happened to them to cattle, then sold them to Greeks or throw them in river [10, p. 613]. Accordingly, by holding this rite’s heroes individuality (groom and bride) mixes in collective unconsciousness temporarily and then recycles by rituals and certain regulations by help of old sage and helpers.

Results

In regulations related to passing rites, passing stages and processes that some of them have root in myths are essential for their hero. In Cossacks wedding regulations, heroes make traveling to unconsciousness possible in symbolic travel framework by passing all stages. Although, this travel is accomplished by natural time and place coordinate, the process established in hero characteristic is achieving to ago insight to achieve to his identity and his hidden aspects of unconsciousness that according to old patterns it is accomplished without an individual or group being insinuating consciously.

References:

1. Alyadeh, Mircha (2003): *Myth, Dream, Secret*, translation of Roya Monajjem, Tehran: Elm.
2. ————— (2010): *Booklet in Religions History*, translation of Jallal Sattari, Tehran: Soroush.
3. ————— (2011): *Holy or Unholy*, translation of Behzad Saleki, Tehran: Cultural and scientific publication.
4. Panouf, Michele (1997): *Cossacks Ethnic Etymology*, article of studies middle Asia and Caucasus, sixth year, third period, no. 19.
5. Pournamdar, Taghi (2007): *Secret and Mysterious Stories in Persian Literature*, Tehran, cultural and scientific.
6. Taslimi, Ali and Seyyed Mojtaba MirMiran (2010): *Individuality Process in Shahnameh Leaning on Rostam Characteristic*, Searching literature, period 4, no. 14
7. Cavalier, Zhan; Gerberon, Allen (2009): *Symbols Culture*, 5 volumes, translation of Soudabeh Fazaeli, Tehran: Jeyhoon.
8. Fouroozanfar, Farzad (1983): *Cossacks, Anthropology Articles Collection*, second office, anthropology center publication, culture and higher education ministry.
9. Fakoori, Naser, (2003): *Thought History and Anthropology Theories*, Tehran, Ney publication.
10. Freezer, James Jorge (2009): *Golden Branch*, translation of Kazem Firouzmand, Tehran: Agah.
11. Campbell, Joseph (2013, A): *Myth Power*, translation of Abbas Mokhber, ch.5 Tehran: Markaz.
12. ————— (2013, B): *One hundred- face Hero*, translation of Shadi Khosroupanah, Mashhad: Gole AAftab.

13. Mornue, Antonio (2009): Yung, Gods and Modern Human, translation of Daryoush Mehrjouei, Tehran: Markaz.
14. Weglar, Christopher (2007): Mythical Structure in Movie Script, translation of Abbas Akbari, Tehran: NilooFar.
15. Henderson, Joseph Louis (2007): Ancient Myths and Today Human, translation of Mahmoud Soltanie, Tehran: Jammi.
16. Yung, Carl Gustave (2013): Human and His Symbols, translation of Mahmoud Soltanie, Tehran: Jammi.
17. ————— (1989): Four Exemplifying Faces, translation of Parvin Faramarzi, Mashhad: Aastan Ghods-e- Razavi.
18. ————— (2011): Psychology and Alchemy, Translation of Mahmoud Behforouzi, Tehran: Jami.

Проблема восприятия современных исторических фильмов в многонациональном обществе (на примере фильма Андрея Прошкина «Орда»)

Пилипцова Оксана Алексеевна, магистрант
Астраханский государственный университет

Фильм А. С. Прошкина «Орда» вызвал неоднозначную реакцию общественности. В статье анализируются негативные высказывания о фильме в среде-интернет-сообщества. Помимо исторических неточностей, критики обращали внимание на идеологическую и политическую составляющие картины. При этом их доводы сводились к нескольким основным аргументам. Автор приходит к выводу о необходимости нахождения баланса между объективностью и художественным вымыслом в историческом кино.

Ключевые слова: «Орда», исторический фильм, Андрей Прошкин.

Фильм «Орда» вышел в прокат в России 20 сентября 2012 г. По данным сайта «Kinopoisk.ru» при бюджете в 12 млн. долларов, кассовые сборы составили 2761 529 долларов [10]. При этом рейтинг пользователей на этом же сайте составила 6,017 баллов из 10, а на сайте «IMDb.com» — 6,3 баллов из 10 [9], [11]. С другой стороны, рейтинг кинокритиков согласно сайту «Kinopoisk.ru» составил 94 процента, то есть только две рецензии из тридцати четырёх носили негативный характер [12]. Однако среди этих рецензий, не было ни одной представляющей татарские СМИ, которые отозвались о фильме крайне негативно [5], [6], [8], [13]. Реакция татарской общественности не явилась неожиданной, сам режиссёр Андрей Прошкин в одном из интервью отметил, что он знает об особом отношении к Золотой Орде в Татарстане [7].

Исторические фильмы в России традиционно вызывают острую реакцию общества, что связано с частым искажением режиссёрами исторических фактов. Так И. Б. Михайлова в статье «Долой «ненастоящего» «Царя»! Кампания против кинофильма П. С. Лунгина в печати и Интернете» показала схожесть критических замечаний специалистов, напоминающих антикампанию. С другой стороны, нельзя не согласиться с автором, в том, что любой художественный фильм является прежде всего произведением искусства, и соответственно режиссёр имеет право на искажение временных и территориальных рамок, фактов и, даже, введение новых персонажей. Однако, целью всех этих действий должно явиться «более выразительное воплощение авторского замысла» [1, с. 205].

Исходя из этого, в данной статье намеренно не будут анализироваться исторические неточности картины. К тому же, в газете «Бизнес Online», было опубликовано интервью историка-консультанта фильма Вадима Рудакова, под названием ««Орда» выдержана в худших традициях старых советских фильмов о татаро-монголах и кочевниках», в котором подробно раскрываются исторические неточности картины. Однако, это интервью, отразившее видение непосредственного участника съёмочного процесса не отразило общественное мнение. В частности, Вероника Гудкова, обозреватель газеты «Аргументы и факты» в своей заметке «Фильм «Орда»: татары возмущены «искажением истории»» отметила, что «декорации Сарая-Бату... выполнены с максимальной достоверностью», тогда как историк заявлял, что в Сарае «не было ни одного золотоордынского здания» [7], [8].

В научной литературе представлено несколько статей, посвящённых изучению различных аспектов фильма «Орда». Так, С. С. Орищенко в исследовании «Чудо в художественном фильме Андрея Прошкина «Орда»», рассуждает о феномене чуда исцеления ханши Тайдулы, способствовавшего восстановлению могущества православной церкви [2, с. 960–965.]. В. А. Хохлов, в работе «Фильм «Орда»: реалии и мифы русско-татарского средневековья» анализируя различные составляющие картины приходит к выводу о государственном заказе в историческом кинематографе [3, с. 101–104].

Обсуждение фильма, началось ещё до его выхода в прокат в статье «Фильм «Орда»: и вновь по пути исторического обмана» из газеты «Етатар». Так Римма Бик-

мухамметова отмечает, что фильм снимается на деньги православных кругов. Отсюда, главная идея фильма, по её мнению, заключается в показе необходимости «сохранения русского национального самосознания, языка, традиций в условиях сильнейшего давления другого народа и другой религии». Однако, эта концепция, по её мнению, ошибочна, потому что «в Золотой Орде гонений на русских священников не было». Можно предположить, что журналист сравнивает Золотую Орду с современными представлениями татар [5]. Проблему осовременивания исторических фильмов рассматривает И. Б. Михайлова, она отмечает, что в фильме «Царь» некоторые критики (Е. Ямпольская, И. Я. Фроянов) видят Сталинское время [1, с. 198]. Сам режиссёр также отмечает, что тема Золотой Орды переключается с современностью [5].

По мнению историка Айрата Тухфатуллина «Джанибек — не дикарь, а настоящий демократ», а «период правления Джанибека — это период расцвета демократии». Андрей Прошкин ответил на это утверждение в одном из интервью, что у него «не было цели представить татар дикими или мягкими», однако в Средневековье были моральные ценности не совместимые с сегодняшними. С другой стороны, по мнению Риммы Бикмухамметовой фильм показывает «столкновение двух цивилизаций, двух народов, разных культур», а для этого стоило выбирать время правления хана Узбека, когда Золотая Орда была намного могущественней. Однако режиссёр фильма, говорит иное — «Я не хотел рассказать о месте человека в обществе, о его отношениях со Всевышним».

Режиссёр Рамис Наджмиев утверждает, что фильм «Орда» явился одним из средств пропаганды новой национальной идеи России, основанной на православии. По его мнению, «кино — это идеологическая площадка». Писатель Вахит Имамов считает, что «русские не имеют права возвышать себя путём обмана». По его мнению, Россия отстаёт от развитых стран Запада не из-за монголо-татарского ига, а из-за собственных, внутренних проблем [5].

В газете «Звезда Поволжья» вышла статья Г. Сабирзянова под заголовком «О кинофильме «Орда»». Согласно автору статьи, факт насильственного устранения Джанибеком старшего брата Тинибек, не является «свидетельством дикости правителя». Кроме того, по мнению Г. Сабирзянова, хан и его приближённые предстают в виде «дикого сборища на нарах». «Они грызут бараньи кости, жир с подбородков и рук обтирают о подола халатов из драгоценных тканей». Говоря о идее фильма, Г. Сабирзянов указывает на желание создателей фильма выразить ненависть ордынцам, желавшим покорить

славян и показать превосходство православной культуры. Такая идея, по его мнению, связана с «своеобразным снобизмом со стороны части русской интеллигенции», не учитывающей интересы всех частей общества [13].

Историк Рафаэль Мухаметдинов в статье «Золотая орда и стереотипы обывателя» назвал фильм откровенно пропагандистским, в котором акцент делается на «невежественности, тупости и примитивизме завоевателей». «Все ордынцы вымазаны одной чёрной краской. Ни одного нормального человека» [6].

Из перечисленных выше суждений критиков можно выделить основные положения:

1. Фильм «Орда» — государственный заказ (Р. Бикмухамметова; Р. Наджмиев; Вахит Имамов; Г. Сабирзянов; Р. Мухаметдинов).

2. Татары представлены диким народом (А. Тухфатуллин; Г. Сабирзянов; Р. Мухаметдинов).

3. Идея фильма — показать борьбу двух культур, наций и религий (Р. Бикмухамметова; Г. Сабирзянов; Р. Мухаметдинов).

Таким образом, позиция критиков совпадает по большинству положений, что говорит о сильном, негативном отношении в среде татарской общественности к фильму. Интересно, что рецензенты не только осуждали картину Андрея Прошкина, но и предлагали механизм решения выявленных недостатков. Так, ряд из них, выступили за создание татарского исторического фильма, посвящённого Золотой Орде (Р. Наджмиев; Вахит Имамов; Р. Мухаметдинов) [5], [6].

По нашему мнению, проблема, поднятая татарской общественностью заключается в сложности объективного отражения исторической реальности. Согласно философскому энциклопедическому словарю «объективность» — это способность непредвзято и без предрассудков вникать в содержание дела, представлять объект так, как он существует сам по себе, независимо от субъекта. Однако, в истории знание формируется на основе оценок, которые априори субъективны. Тем не менее, по мнению К. Юнга художественное произведение должно быть объективным, то есть «не обременённым чисто личностными особенностями» [4].

Здесь, как нам кажется заключается своеобразный парадокс исторического кино. С одной стороны, необходимо стремиться к объективному отражению исторического прошлого, а с другой, художественное произведение требует субъективного отражения идей его создателей. В нахождении баланса между этими категориями, по нашему мнению заключается сложность создания исторических картин.

Литература:

1. Михайлова, И. Б. Долой «ненастоящего» «Царя»! Кампания против кинофильма П. С. Лунгина в печати и интернете / И. Б. Михайлова // Новейшая история России. — Спб., — с. 192–208.
2. Орищенко, С. С. Чудо в художественном фильме Андрея Прошкина «Орда» / С. С. Орищенко // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. — Самара, 2014. — с. 960–965.

3. Хохлов, В. А. Фильм «Орда»: реалии и мифы русско-татарского средневековья / В. А. Хохлов // Новый исторический вестник. — М., 2012. — с. 101—104.
4. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/855/%D0%9E%D0%91%D0%AA%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (дата обращения: 15.12.2015).
5. URL: <http://etatar.ru/top/40658> (дата обращения: 15.12.2015).
6. URL: <http://tatar-centr.blogspot.ru/2012/11/rss.html> (дата обращения: 16.12.2015).
7. URL: <http://www.aif.ru/culture/36127> (дата обращения: 16.12.2015).
8. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/66786/> (дата обращения: 17.12.2015).
9. URL: http://www.imdb.com/title/tt2331066/ratings?ref_=tt_ov_rt (дата обращения: 15.12.2015).
10. URL: <http://www.kinopoisk.ru/film/533055/box/rus/> (дата обращения: 15.12.2015).
11. URL: <http://www.kinopoisk.ru/film/533055/votes/> (дата обращения: 15.12.2015).
12. URL: <http://www.kinopoisk.ru/film/533055/press/> (дата обращения: 15.12.2015).
13. URL: <http://zvezdapovolzhya.ru/kultura-i-iskusstvo/o-kinofilme-orda-03-11-2012.html> (дата обращения: 16.12.2015).

Происхождение Кутлук-Тимура, эмира хана Узбека

Сабитов Жаксылык Муратович, PhD, доцент

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Происхождение Кутлук-Тимура покрыто тайной, с одной стороны он широко известен в письменных источниках, с другой стороны, мы очень мало знаем о его происхождении. Есть обрывочные данные, которые еще никто не пытался свести в одну картину. Жарылкап Бейсенбайұлы в своей статье предположил, что Кутлук-Тимур был тем самым Кутлук-Тимуром (сын Абатай-нойонп), который был из племени кунгират и служил ильханам [1, 204—217]. К сожалению, помимо совпадения имен, тут нет больше никаких аргументов в пользу тождества этих двух персон. Кутлук-Тимур, сын Абатай, имел братьев по имени Утман и Нарбур и дочь Кэрэму-хатун [6, 162]. Как известно, Кэрэму-хатун (Кирамун) была седьмой женой Газан-хана. Ее двоюродная сестра Булуган-хатун, дочь Утмана была также женой Газан-хана [5, 93]. Как мы знаем, данный Кутлук-Тимур погиб в 1297 году [7, 178]. Якубовский А. Ю. в надписи на минарете в Хорезме, построенном при Кутлук-Тимуре прочитал «титул» Кутлук-Тимура: «мелик могущественный, патрон царей арабов и не арабов, блеск земного мира и веры, величие ислама и мусульман», а также имя его отца: Наджм ад-Даула ад-Дин [13, 36], такого же мнения придерживается Селезнев Ю. В. [10, 116]. Согласно арабским источникам, Кутлук-Тимур имел двух братьев: Мухаммед-ходжу и Сарай-Тимура [3, 361]. Мухаммед-ходжу мы отождествили с одноименным правителем Азака, имевшим нисбу аль-Хорезми, известным в первой половине 1330-х годов [9, 122]. Из сообщений Ибн-Батуты известно, что Кутлук-Тимур был сыном тетки Узбек-хана, а его сын Харун-бек был женат на дочери Узбек-хана [3, 235].

Селезнев Ю. В. отмечает, что Кутлук-Тимур стал наместником Хорезмского улуса около 1334—35 годов [10,

117]. Ранее мы поддержали такую точку зрения и посчитали, что Кутлук-Тимур перестал быть одним из четырех карачи-беков и стал региональным улусбеком, правителем Хорезма [9, 122]. Здесь, по всей видимости, мы немного ошибались. Ибн Батута называет Кутлук-Тимура великим эмиром, в то время как Ису гургена называет старшим эмиром, начальником эмиров, а Нагатай (Нагудая) просто эмиром [3, 221]. По всей видимости, Кутлук-Тимур сохранял высокий статус. Как известно в октябре 1335 года, была убита Багдад-хатун, которая вела переписку с Узбек-ханом и приглашала его прийти в Иран. Узбек-хан, вдохновленный потенциальной поддержкой, вторгся в Иран [4, 200]. Это вторжение началось в конце 735 года хиджры (видимо лето 1335 года). В начале 736 года хиджры (видимо в августе или сентябре 1335 года) в Султанийу пришло известие о вторжении Узбек-хана [4, 184], а 13 раби 736 года хиджры (30 ноября 1335 года) Абу Сеид скончался [4, 281]. В это же время умирает Кутлук-Тимур в Хорезме (9 раби 736 года хиджры). Его смерть и появление войска Арпа-хана вынуждают Узбек-хана отступить [4, 186].

Ранее мы писали, что согласно Якубовскому А. Ю. отца Кутлук-Тимура звали Наджм ад-Даула ад-Дин. В Фасиховом своде написано, что в 709 году хиджры (1309—1310): «Султан Мухаммад Худабанде Улджайту-хан отправил Наджм ад-Дин Кутлук Тимура [в Хорезм], назначив его хорезмшахом» [12, 41][11, 46]. То есть, скорее всего, эпитет Наджм ад-Даула ад-Дин относится к самому Кутлук-Тимуру, а не его отцу. Таким образом, мы можем точно утверждать, что Кутлук-Тимур не принадлежал изначально к родоплеменной элите улуса Джучи, скорее всего его отец жил во владениях ильхана и был

одним из эмиров ильхана. Кроме того здесь очень интересным является тот факт, что Кутлук-Тимура назначил правителем Хорезма ильхан Улджайту, хотя мы знаем, что Хорезм был составной частью Улуса Джучи (Золотой орды). Вполне возможно, это назначение было результатом компромисса между ханом Тохтой и ильханом Улджайту. Как мы знаем, мать Кутлук-Тимура была тетей Узбек-хана, то есть либо сестрой матери Узбек-хана, либо сестрой Тохта-хана и дочерью Менгу-Тимура. Ибрагимов Н. поддерживает вторую точку зрения [2, 75], [8, 114]. Если вторая версия верна, то отец Кутлук-Тимура должен был занимать высокое место в иерархии среди элиты Ильханата, иначе бы он не смог жениться на представительнице Золотого рода и стать гурgenом. У нас есть одно косвенное свидетельство, которое может служить аргументом в пользу одной из версий происхождения Кутлук-Тимура. Как мы отмечали выше, одного из братьев Кутлук-Тисмура звали Сарай-Тимур. Как известно из первоисточников, некий Сарай-Тимур был сыном эмира Джарука и Джанибек-хан оставил его в Тебризе в помощь Бердибеку в 1357 году [4, 191]. Мы можем предположить, что эти два Сарай-Тимура являются одним и тем же человеком, следовательно, отца Кутлук-Тимура звали Джарук. В ильханате проживали следующие люди с именем Джарук: Джарук, сын Тумакана, сына Кули, сына Орда-эджена, но, он имел сыновей по имени Нокай и Сатилмиш [5, 39] и вряд ли может быть отцом Сарай-Тимура. В третьем томе Рашид ад-Дина нет ни одного

эмира с именем Джарук [7, 332], есть эмир Ярук-бахши китаец [7, 143], а также несколько человек по имени Черик [7, 342]. Но, судя по их биографиям, ни один из них не мог потенциально претендовать на родство с Золотым родом. Если же посмотреть другие части Рашид ад-Дина то, мы можем обнаружить Джарука, сына Тачар-нойона, который жил во времена Рашид ад-Дина [6, 189]. Его полная генеалогия звучит следующим образом: Джарук, сын Тачар-нойона, сына Куту-Бука-нойона (его брат Дженгун-нойон во времена Хулагу был эмиром тутгаулов, сам Куту-бука был убит в 1265 году в битве с Ногаем [7, 69]), сына Тамука-нойона из племени суканут, которое было подразделением племени барин [6, 188–189]. Отец Джарука хорошо известен. Как сказано в Муизз ал Ансаб: «Эмир Тагачар из племени суканут, почтенный эмир, наместник Рума (Малой Азии)» [5, 94]. У Рашид ад-Дина Тогагар встречается часто в повествовании [7, 340], он был назначен наместником в Малой Азии в 1295 году [7, 170], а уже в 1296 году, он был убит эмиром Харманчи [7, 172].

Таким образом, мы можем предполагать, что Кутлук-Тимур вместе с братьями Мухаммед-ходжой и Сарай-Тимуром, являются детьми эмира Джарука, сына Тогагар-нойона, который занимал видное место в аристократической иерархии в ильханате, что позволило ему жениться на дочери Золотоордынского Менгу-Тимур-хана. Возможно, Джарук временно после смерти отца оказался в улусе Джучи (сведений о нем у Рашид ад-Дина почти нет), где и женился на тетке будущего Узбек-хана.

Литература:

1. Бейсенбайұлы, Ж. Құтлықтемір ұлғұбек және оның інілері // Елдікті ұлықтаған әулет (Династия возвеличившийся государственности). Ғылыми мақалалар жинағы. — Алматы: Айтұмар, 2012. — 272 с.
2. Ибрагимов, Н. Ибн Батута и его путешествие по Средней Азии. Москва. Наука. 1988. 128 с.
3. История Казахстана в арабских источниках. Т. 1. Алматы. Дайк-Пресс. 2005. 711 с.
4. История Казахстана в персидских источниках. Т. 4. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 620 с.
5. Муизз ал Ансаб. История Казахстана в персидских источниках. Том 3. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 672 с.
6. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Том 1. Часть 1. Москва 1952. 198 с.
7. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Том 3. Баку. 1957.
8. Сабитов, Ж. М. Узбек-хан: проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. с. 111–115.
9. Сабитов, Ж. М. Эмиры Узбек-хана и Джанибек-хана // Золотоордынское обозрение. Golden horde Review. 2014. № 2. Казань. с. 120–134.
10. Селезнёв, Ю. В. Элита Золотой Орды. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.
11. Тулибаева, Ж. М. «Муджмал-и Фасихи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 45–52.
12. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент. Фан. 1980.
13. Якубовский, А. Ю. Развалины Ургенча. Известия ГАИМК. Том 6. Выпуск 2. с. 36.

Ногайский компонент в этногенезе казахов

Сабитов Жаксылык Муратович, PhD, доцент

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Как утверждают лингвисты, Ногайский и Каракалпакский языки наиболее близки Казахскому языку [1], и вместе они относятся к Ногайской подгруппе Кипчакских языков [8]. При этом, разница в этих языках даже меньше, чем разница между различными диалектами внутри одного европейского языка [12, 274].

Вопросы о ногайском компоненте в этногенезе имеют долгую историографию. Еще Шокан Валиханов писал о ногайском наследии и эпосах, которые сохранились у казахов [3, 163]. Но, несмотря на большую в хронологическом плане историографию, до сих пор не ясен вопрос о ногайском компоненте в этногенезе казахов. Наиболее распространенный концепт, утверждает, что Младший жуз у казахов происходит из Ногайской Орды, в то время как Старший жуз происходит из Могулистана, а Средний жуз из государства кочевых узбеков (иногда данный концепт встречается в усеченном виде, повествуя о происхождении Младшего жуза от Ногайской Орды). При этом стоит отметить, что данный концепт, как и многие другие концепты, воспринимает ногайско-казахские этнические отношения слишком схематично. Также стоит отметить, что, по нашему мнению, казахи и ногайцы — это больше политические партии, существующие в рамках одного постзолотоордынского этноса (татар и узбек здесь выступали как экзоэтнонимы, внешние названия со стороны других народов) [10]. Близкая точка зрения высказывалась Радиком Темиргалиевым [12, 274]. Если исходить из такого понимания истории, то становятся объяснимыми факты смены «национальности» многими общими героями постордынской истории. К примеру, Алаш, сын ногайского бека Ямгурчи, был «ногайским» мурзой, потом на время стал «казахским» князем (при Касыме и Буйдаше), а потом обратно сменил «национальность» и стал «ногайским» аристократом. Другим примером являлся знаменитый Жалантос (Ялангтуш) из рода Алшин, начинавший карьеру как «узбекский» эмир, и закончивший свою карьеру «казахом», фактическим руководителем Младшего жуза. Из больших эпизодов ногайско-казахских переходов, стоит выделить следующие события:

1. Наиболее известным эпизодом, в казахском фольклоре является смерть Ормамбета [3, 327] [4, 61–65], которого традиционно отождествляют с Ураз-Мухаммедом, беком Большой Ногайской Орды, умершим в 1598 году [14, 126]. Именно с этим событием связывается окончательное размежевание казахов и ногайцев, «о котором со слезами вспоминали старики». Также стоит отметить, что со смертью Ормамбета связывают свое отделение и каракалпаки [13, 223]. Тынышпаев М. считал, что Алшыны присоединилась к казахам, около 1600 года, после смерти Ормамбет-бия [16, 54]

2. Более ранним эпизодом был переход 300 тысяч ногайцев к казахам во времена правления Касым-хана (1510-ые) и переход этих ногайцев обратно (1520-ые), а позже 300 тысяч казахов к ногайцам во главе с Ходжа-Мухаммед-ханом (Кожаш-ханом) [11].

Если эти переходы четко зафиксированы в различных источниках, то еще некоторые переходы могут быть реконструированы на основе логики развития событий. Мы видим, что отток населения из Ногайской Орды в Казахское ханство и обратно обусловлен политическими кризисами, вызванными либо смертью предыдущего правителя и войнами за его наследство, либо поражениями данного государственного образования от внешних врагов. В истории Ногайской Орды, было еще два широких политических кризисов, в результате которых часть населения Ногайской Орды, сменило свою «партийную» принадлежность, став «казахами».

1. Политический кризис 1550-х годов, в результате которого Ногайская Орда распалась на Большую Ногайскую Орду, Малую Ногайскую Орду (Казыев улус), Алтыульскую Орду. Как известно, в 1557 году, Алтыульская Орда присоединилась к Казахскому хану [15, 122], хотя в источниках отмечается их малочисленность [15, 124]. Также известно, что часть населения Алтыульского улуса известны как Джембойлуки [15, 132]. Распространено мнение, что часть Алтыульской Орды (Джембойлуков) впоследствии вошла в состав казахов Младшего жуза [15, 134].

2. Политический кризис, вызванный нашествием калмыков в 1630-х годах. Тогда Большая Ногайская Орда прекратила свое существование, часть ее ушла к малым ногаям, часть подчинилась калмыкам, еще одна часть потенциально могла уйти к казахам (часть Джембойлукской и Едисанской Орд). Вполне возможно именно это событие окончательно разделило казахов и ногайцев, так как появилась преграда в виде Калмыцкого ханства.

К сожалению, источники не дают нам прямых свидетельств о том, какие рода перешли от ногайцев к казахам. Но есть косвенные свидетельства, позволяющие нам выдвинуть гипотезы о переходе тех или иных родов к казахам.

Как писал Исхаков Д.М. на основе Стамбульской версии Утемыш-хаджи: «Вообще в связи с упомянутым объединением Едисан заметим, что оно состояло из кланов (уруг) Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак, Алчы (Алчын), Мангыт, Кытай и Курлеут» [2, 45], [6, 50].

Таким образом, можно утверждать, что казахские племена Аргын, Кыпчак, Алшын, Курлеут (входит в состав современных казахских Кыпчаков) могли полностью или частично (что более вероятно) входить в состав Едисан-

ской Орды в середине XVI века (времена написания Чингиз-наме). Причем они были крупными племенами, каждое из которых в среднем мог выставить один сан войска (10 тысяч), отсюда пошло и название 7 санов (Едисан). Вполне возможно, эти рода ранее входили в состав Казахского ханства при Касыме, а позже перешли к ногайцам.

Очень интересной в плане расселения Казахских племен является карта «Nova descriptio geographica Tatariaetaepnae» (Новое описание географии великой Татарию), составленная пленным шведским офицером Филлиппом-Иоганном Страленбергом в 1730 году [7]. На ней мы видим такие племена среди казахов как Алшин и Уйсун, которые живут возле реки Яик (Урал) уральских казаков и Большой Ногайской Орды (NogaiMaioг и сапуsMamai), чуть севернее каракалпаков и Аральского моря. Чуть юго-восточнее их живут такие казахские племена как Tribus IuB, Tribus Tzelzckli. Если первое племя можно отождествить с юзами, то второе племя ранее уже отождествляли с родом Шекты, другим вариантом может быть отождествление это племени с названием Шанышкылы. Южнее этих двух племен находились Кунграты (Коньраты), которые расположились южнее Каракумов, севернее Саурана и западнее Сузака. Восточнее Сузака жило племя Кердери. Южнее Саурана и реки Сырдарья жило племя Найман. Юго-восточнее их жило племя Mingatagan, которое можно отождествить с союзом двух племен Минг и Катаган. Южнее их жило племя Аргун (Аргын). Юго-восточнее Аргунов по реке Сырдарья жило племя Катаган. При этом территория казахов включает в себя территорию Кыргызов, Фергану (Маргилан, Наманган). Плюс по карте можно судить о зависимости каракалпаков (живут в Западном Казахстане). Восточнее Отрара жило племя Zatakaу, которое ранее отождествляли с племенем Шомекей [9].

По нашему мнению эта карта использовала данные первой половины XVI века, так как катаганы еще находятся в составе казахов (их разгром был осуществлен в 1628 году). Восточнее казахов находится степь Аблайтайджи, который жил в XVII веке, активно участвовал в политике с 1630-х годов и умер в 1674 году. На Западе Большая Ногайская Орда, которая были независимой до переселения калмыков Хо-Урлюка (1628–1633 годы). Впоследствии, по нашему мнению, вышеуказанные племена Минг, Юз откочевали в Фергану. Хотя, как мы знаем, племя Минг подчинялось казахам еще в 1716 году, согласно письму Каип-хана османскому императору. Племя Катаган ушло к другим народам из-за разгрома в 1628 году.

Такие «рода» как 12 Байулинских и 6 Алимунлинских родов известны под общим названием Алшын и отмечены на карте. То же самое касается таких родов как Сары-уйсун, Шакшам, Дулат, Албан, Суан, Ысты, Шапрашты, Ошакты, Сргелы, которые известны под общим названием Уйсун.

Из тех казахских родов, которые на данный момент есть у казахов, но не отмечены на карте можно выделить

следующие рода: Тама, Табын, Керейт, Рамадан, Телеу, Жагалбайлы, Кыпшак, Уак, Канглы, Жалаир, Керей.

Таким образом, мы можем предположить, что данные рода либо были малыми в данную эпоху (поэтому они не отмечены на карте), либо они были в составе Большой Ногайской Орды.

Чтобы понять данный вопрос можно обратиться к такому памятнику фольклора как Кырымнын кырык батыры (40 батыров Крыма).

По нашему мнению, у авторов данного цикла (отдельные дастаны из цикла существовали и ранее образования Малой Ногайской Орды) упоминание того или иного батыра, связано с наличием или отсутствием его племени среди Ногайцев в середине XVI века. Из родовых героев Казахских племен в данном эпосе упомянуты КараКыпшак Кобланды, Тама Нарык и его сын Чура Нарыков (Шора-батыр), Уаки Ер-Кокше и Ер-Косай, Уйсуну Айса и Ахмет (Амет, сын Исы, хотя здесь возможен второй вариант Айса — это Иса, брат Едиге из рода Мангыт, а Ахмет его сын), Алшын Алау [5, 395].

Таким образом, мы можем предположить, что вышеуказанные племена (Кыпшак, Тама, Уйсун, Уак, Алшын) имели прямое отношение к Ногайской орде. Мы знаем, что эпос Кырымнын Кырык батыры, говоря о потомках Едиге, заканчивается на Карасае и Гази [5, 394]. Как мы знаем, Гази основал фактически Малую Ногайскую Орду на Кавказе. Мы можем предположить, что данный эпос сложился при нем и в Малой Ногайской орде. Название эпоса (Батыры Крыма), упоминание Султана Адиля (крымский принц Адиль Гирей) и кызылбашей (войско иранского шаха), только подтверждают данный тезис, так как ногайцы могли в составе Крымского войска участвовать в турецко-иранских войнах в тот период. Исходя из этого, можно предположить, что части этих пяти племен (Кыпшак, Тама, Уйсун, Уак, Алшын) присутствовали как в Малой Ногайской Орде, так и в Большой Ногайской Орде. Позже, они перешли к казахам, причем рода Алшын, Уйсун, известные по карте Страленберга перешли к казахам после смерти Ормамбет-бия. В пользу этой точки зрения, можно выдвинуть факт их проживания в Западном Казахстане, на границе с Большой Ногайской Ордой. При перемене границ, Уйсуну и Алшыны остались жить там же (в Западном Казахстане), но стали называться не «ногайцами», а «казахами». Племена Тама, Уак и Кыпшак, скорее всего, оказались у казахов позже, после калмыцкого вторжения 1630-х годов. Также некоторые подразделения рода Аргын, входившие в состав Едисанской Орды, могли войти в состав казахов в это же время. Не исключено, что некоторые рода таких племен как Кыпшак, Тама, Уйсун, Уак, Алшын присутствовали в Казахском ханстве и ранее. Существование одних и тех же племен в разных частях Дешт-и Кыпшака было нормальным явлением для средневековья.

Где находились племена Табын, Керейт, Рамадан, Телеу, Жагалбайлы, Канглы, Жалаир, Керей в это время не ясно. Если с Жалаирами мы можем предполагать, что

они были в составе казахов раньше (сведения Кадырали Жалаири позволяют согласиться с данным тезисом), то с другими родами не ясно. Либо эти рода были чересчур малы и поэтому не попали на карту Страленберга, либо эти рода пришли к казахам из Большой Ногайской Орды и Алтыулов (Джембойлуков).

Подводя итоги статьи, стоит отметить, что, к сожалению, мы не можем идентифицировать племенной состав Казахского ханства ранее середина XVI века. Исходя из этого факта, наши реконструкции основываются на косвенных данных. Такие рода как Алшын, Аргын, Кыпшак, Курлеут входили в состав Едисанской Орды (первая половина и середина XVI века). Такие рода как Алшын, Уйсун, Кыпшак, Тама, Уак входили в состав Малой Ногайской Орды при Гази и Карасае (вторая половина XVI века). Среди казахов в период первой трети XVII века отмечены

такие племена как Алшын, Уйсун, Найман, Аргын, Кун-грат, Катаган, гипотетически Жалаир и др.

Исходя из этого, мы можем предположить, что рода Алшын, Уйсун, Аргын перешли в состав Казахского ханства после смерти Ормамбет-бия, причем родственные им подразделения из этих же племен, могли уже быть внутри Казахского ханства. Племена Тама, Уак, Кыпшак, Курлеут (подрод внутри Кыпшаков) попали в состав Казахов уже после Калмыцкого вторжения. Племена Табын, Керейт, Рамадан, Телеу, Жагалбайлы, Канглы, Керей либо в то время (первая треть XVII века) были малочисленными (поэтому не попали на карту Страленберга), либо перешли из Ногайских Орд (Большая Ногайская Орда, Алтыульская Орда (Джембойлуки) и в меньшей степени Малая Ногайская Орда) к казахам после Калмыцкого вторжения 1630-х годов.

Литература:

1. Daniel, J. Hruschka, Simon Branford, Eric D. Smith, Jon Wilkins, Andrew Meade, Mark Pagel, Tanmoy Bhattacharya Detecting Regular Sound Changes in Linguistics as Events of Concerted Evolution//Current Biology. Volume 25, Issue 1, 5 January 2015, Pages 1–9.
2. Kafali, M. Altin orda hanliginin kurulus ve yukseleş devirleri. Istanbul. 1976.
3. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.
4. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 416 с.
5. Жирмунский, В. М. Тюркский Героический эпос. Ленинград. Наука. 1974. 728 с.
6. Исхаков, Д. М. Исторические очерки. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 164 с.
7. Карта «NovadescriptiogeographicaTattariaemagnae» (Новое описание географии великой Татарии), составленная пленным шведским офицером Филиппом-Иоганном Страленбергом в 1730 году. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b59037801/f1.zoom>
8. Мудрак, О. А. Язык во времени. Классификация тюркских языков. <http://polit.ru/article/2009/04/30/mudrak/>
9. Сабитов, Ж. М. Казахские жузы и клановая система Золотой Орды//Молодой ученый. 2015. № 11. С.1165–1170.
10. Сабитов, Ж. М. О происхождении этнонима узбек и «кочевых узбеков»//Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 166–173.
11. Сабитов, Ж. М. Хронология правления казахских ханов XV-середины XVI века//Сборник материалов I городского Форума историков Қазақ хандығы — қазақ мемлекетінің тұғыры. Астана. 2015. С.84–93.
12. Темиргалиев, Р. Ж. Ак Орда. История Казахского ханства. Алматы. 2013. 296 с.
13. Толстова, А. С. Исторические предания Южного Приаралья. Москва. Наука. 1984. 248 с.
14. Трепавлов, В. В. «Орда Самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVI веков. Москва. Квадрига. 2013. 224 с.
15. Трепавлов, В. В. «Шесть сыновей». Западный Казахстан в период распада Ногайской Орды//Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. 2006. № 1–2. с. 121–137.
16. Тынышпаев, М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент. 1925. 66 с.

О происхождении Урус-хана

Сабитов Жаксылык Муратович, PhD, доцент

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Одним из самых дискуссионных вопросов генеалогии Джучидов на сегодняшний день является вопрос о происхождении Урус-хана. Некоторые исследователи

на основе Натанзи и зависящих от него источников защищают Орда-эдженское происхождение Урус-хана. Другие исследователи на основе Муизз ал Ансаб, Чингиз-наме,

Таварихи Гузидаи Нусрат-наме, Кадырали Жалаири и др. считают, что Урус-хан был Тукатимуридом.

Изначально первая точка зрения возникла из-за того, что в XIX веке помимо Натанзи не были введены в исторических оборот другие генеалогические источники о потомках Орда-эджена и Тука-Тимура в XIV веке. Известия Рашид ад-Дина обрываются известиями 1310-х годов об улусе Орда-эджена и его потомках.

Вопрос о достоверности сообщений Анонима Искандара (Натанзи) имеет глубокую историографию. Большинство исследователей безоговорочно принимали сообщения Анонима на веру, не исследуя момент путанности генеалогии и хронологии Анонима, а также причину появления других ошибок, таких как путаница с Белой и Синей Ордой и потомками золотоордынского темника Ногая, которые якобы правили на Востоке улуса.

Еще Юдин В. П., в своей неизданном предисловии к Материалам по истории Казахских ханств, писал: «Помещенные в МИКХ родословные и прочие известия позволяют сделать категорический вывод о происхождении династии Казахских ханов от Тука-Тимура» [34, 42]. Пищулина К. А. писала: «В исторической литературе Урус-хана... принято считать потомками Орда-эджена, хотя прямых данных об этом в источниках нет. Этот источник (Натанзи) считает, однако, Сасы-Буку, происходящим не от Орда-эджена, а от эмира Золотой Орды Ногая, что не подкрепляется другими данными... Орда-Сартактан-Куинджи-Баян. Генеалогическая связь Сасы-Буки с этой линией потомков Орды не доказана, хотя по традиции Урус-хан, считается восходящим к потомкам орда-эджена» [33, 320]. Далее она пишет: «но если Урус-хан и был из династии Тука-Тимуридов, то все же родство его с Кичик Мухаммедом, бббб было слишком отдаленное» [33, 321]. То есть, несмотря на историографическую традицию, имеющую корни еще с первой половины XIX века, Пищулина К. А. не считала этот вопрос до конца решенным.

В Казахстанской историографии из-за эффекта Мертона версия Султанова Т. И. об Орда-эдженовском происхождении Урус-хана широко распространена [3, 12]. Несмотря на ряд критических статей [2][8][9][14][18][28], данная точка зрения до сих пор преобладает в Казахстанской историографии [31][32, 678].

Историография вопроса хорошо разобрана у Костюкова В. П. [8, 195–204]. Аргументы в пользу Тука-Тимуридского происхождения Урус-хана озвучивала Тулибаева Ж. М. [28]. Юлай Шамильоглу писал: «Большинство ученых все еще благосклонно относятся к информации Натанзи, ограничившись простым исправлением его путаницы в наименованиях Синей и Белой орд. Однако учитывая предыдущее обсуждение надежности Натанзи, какие могут быть оправдания для использования его в качестве «уни-

кального» источника по истории улуса Орды без самых серьезных предосторожностей?» [26, 165–168]. Гаев А. Г. писал: «Натанзи создавал художественное произведение, при этом произвольно осмысляя, komponуя и с помощью фантазии и увязывая в единую канву известные ему разрозненные исторические факты и сюжеты. Т. е. Аноним Искандара является не генеалогическим и даже не вполне историческим сочинением, а больше назидательно-публицистическим, показывающим молодому тимуридскому царевичу Искандеру в соответственно подобранных и подчас гротескно обработанных исторических картинах, что такое хорошо и что такое плохо» [2, 14]. Костюков В. П. указывал на многочисленные ошибки Анонима и писал о том, что аргументы защитников Анонима «имеют самое косвенное отношение к методике научного анализа». Вопрос о достоверности сведений Анонима Искандара очень важен, так как Натанзи является той основой, на которой базируются все точки зрения о происхождении Урус-хана от Орда-эджена. Можно с уверенностью сказать, что решив вопрос с определением уровня достоверности сообщений Натанзи, можно решить вопрос о происхождении Урус-хана.

Сасы-Бука у Натанзи назван сыном Ногая, сына Тумакана, сына Кули, сына Орда-эджена. При этом Натанзи, говоря о жизни этого Ногая, говорит об известном Золотоордынском темнике Ногае, сыне Татара, сыне Бувала. Таким образом, правители Восточного Дашт-и Кыпчака назывались у Натанзи потомками Ногая. Этому противоречат все известные источники, которые говорят о потомстве Ногая. Трое детей Ногая погибли в борьбе с Тохтой а его внук бежал в Болгарию (Шишеман). То есть генеалогия Сасы-Буки у Натанзи стоит не правильная. Исследователи XIX века отождествили данного Сасы-Бука с сыном Баяна Сасы. Но данное отождествление кроме созвучия имен (не полного созвучия, среди потомков Орда-эджена были еще лица с полным совпадением имени, например, Сасы-Бука, брат Кублука) и совпадения династии не имеет под собой аргументации.

Выше мы показали, что Баян с 1308–09 годов не правил в улусе Орда-эджена, скорее всего он являлся правителем улуса Йекмуш (Бекмариш), на юго-восточных или восточных границах реальных (не номинальных) владений Тохты и Узбека.

Структурно известия Натанзи об улусе Джучи можно разделить на два уровня:

1. Сведения, почерпнутые им из Рашид ад-Дина [6, 249]. Здесь стоит отметить, что Натанзи дает следующую генеалогию Урус-хана: Сын Чимтая, сына Эрзена, сына Сасы-Буки, сына Ногая (это Золотоордынский темник Ногай), сына Кули, сына Орда-эджена [22, 265]. Данная генеалогия Ногая очень похожа на генеалогии Ногая из двух рукописей Рашид ад-Дина¹ (ру-

¹ Данный факт заметил еще Костюков В. П. [8, 200]

копись Государственной Публичной библиотеки Узбекистана в Ташкенте из собрания Джурабека XIV века и рукопись Парижской Национальной библиотеки: Ancien Fonds Persan 67). В этих генеалогиях Золотоордынский темник Ногай, воевавший с отрядами Хулагу [6, 120], имеет следующую генеалогию: Ногай, сын Джураука, сына Тумакана, сына Кули. Ногай с этой генеалогией встречается среди потомков Кули, согласно Рашид ад-Дину, но он не является тем Золотоордынским темником, воевавшим с Хулагу (его прадед Кули был современником Хулагу, а он сам к тому времени еще не родился), а является всего лишь его тезкой [6, 98]. В рукописи из собрания Джурабека сверху ошибочной генеалогии поправлено: сын Татара, сына Бувала [6, 146]. То есть можно считать, что рукопись Парижской библиотеки была всего лишь черновиком Рашид ад-Дина, либо копией черновика. Рукопись из собрания Джурабека была уже отредактированной (правленной) версией черновика (или ее копией). Остальные 6 рукописей, привлекавшихся для перевода Рашид ад-Дина, были уже чистовиками, списанными с правленной версии (или же их копиями), так как в них названа нормальная генеалогия: Ногай, сын Татара, сына Бувала. То есть, скорее всего, в распоряжении Натанзи была дефектная копия Рашид ад-Дина (черновик) содержащая неправильную генеалогию Ногай (потомок Орда-эджена). Позже он, домысливая данные, сообщенные ему представителем свиты Шадибека, отождествил Ногай, хана Сыгнака 1360-х годов и Золотоордынского темника Ногай (который согласно его источникам (черновику Рашид ад-Дина) был потомком Орда-эджена). На основании схожести имен (оба под именем Ногай) и места правления (Восточный Дашт-и Кыпчак, «вотчина потомков Орда-эджена»), Натанзи отождествил двух Ногаев.

2. Оригинальные известия.

Ранее в своих статьях мы разбирали оригинальные известия Натанзи и пришли к следующим выводам, которые также совпадают с выводами Гаева А. Г. [2, 13]:

Возможными объяснением противоречивых генеалогий Натанзи являются домысливания самого Натанзи, когда он отождествил ханов Восточного Дашт-и Кыпчака 60–70-х годов XIV века (Кара-Ногай, сын Сасы (Шахи), Туглук-Тимур, Мубарак-ходжа, Кутлук-ходжа и Урус) с потомками Орда-эджена (Сасы-Бука, Эрзен, Мубарак-ходжа, Чимтай, Урус). Он делал это на основе отождествления двух Ногаев: Золотоордынского темника Ногай, жившего в конце XIII века и Кара-Ногай, правившего в Сыгнаке в 1360-х годах. Данные о ханах Левого крыла Натанзи почерпнул из одного контакта с представителем свиты Шадибека [18, 153–154]. Источником сведений был он, а не некая тюркская летопись или Сыгнакский архив, как считали прежде.

Также сведения Натанзи о правителях Левого крыла в эпоху Узбек-хана (Сасы-Бука, «сын хана Ногай», который владел востоком улуса Джучи) противоречат данным арабских авторов, где правителями левого крыла в эпоху Узбек-хана (как минимум до 1328 года) были Мангытай, брат Баяна и сын Мангытая Кубак (Калак).

Также нами разбирался вопрос о происхождении генеалогий Чингизидов из Муизз ал Ансаб [17][19] и Таварихи Гузидайи Нусрат-наме [20].

Ниже в таблице мы представим две точки зрения о достоверности разных источников по генеалогии потомков Орда-эджена и Урус-хана (на основе методов внутренней критики источника).

	Натанзи	Муизз ал Ансаб	Таварихи Гузидайи Нусрат-наме	Утемыш-хаджи
Внешняя критика (копии данного сочинения, их связь между собой)	Есть три копии данного сочинения: Института Востоковедения, Британского Музея и летопись Парижской Национальной Библиотеки [6, 248–249]	Существует 5 копий данного сочинения. Из них переведенным является только Парижская копия. По нашему мнению Парижская копия отличается от остальных трех тем, что у тех трех копий не было дополнений по генеалогиям Чингизидов со времен Шахруха, в то время как в Парижской копии были дописаны генеалогии Чингизидов во времена Абу Сеида и Хусейна Байкары [16]	Есть две полные копии данного сочинения: Лондонский и Ленинградский список: Ленинградский список является сокращенной копией Лондонского списка.	Есть две копии данного сочинения: среднеазиатский список, переведенный Юдиным В. П. и список из коллекции Ризы Фахретдина и переданный им Ахмет-Заки Валиди Тогану.

Какие сведения о потомках Орда-эджена содержат в себе данные копии	Содержат в себе данные по генеалогии и хронологии восточного Дашт-и Кыпчака XIV века.	Содержат в себе данные немного отличающиеся от сведений Рашид ад-Дина, но не существенно (приведены имена детей Кублука)	В Ленинградском списке не приведена генеалогия потомков Орда-эджена (генеалогии начаты с Бату и его потомков). В Лондонском списке есть генеалогия потомков Орда-эджена (этот отрывок до сих пор не переведен на современные языки), который в большей части своей, является копией генеалогий Орда-эджена из Рашид ад-Дина. Но вполне возможно в данном отрывке будут приведены и оригинальные сведения о потомках Орда-эджена (к примеру, генеалогия Пишкадэ оглана и его брата (сподвижники Абулхаир-хана) из куйуна Эдженлик)	В данном сочинении не приводятся сведения о потомках Орда-эджена.
Источники появления сведений.	<p>Первая версия: Бартольд В. В. 1. Рашид ад-Дин 2. Тюркская летопись, составленная уйгурскими писцами [6, 249–250]</p> <p>Вторая версия Исин А. 1. Некий архив Ак-Орды, оказавшийся в Исфahanе [5].</p> <p>Третья версия Сабитов Ж. М. 1. Черновик Рашид ад-Дина (отсюда неверная генеалогия Ногаия и неверное отождествление двух Ногаев) 2. Устные сведения представителя свиты Шадибека (или другого человека из восточного Дашт-и Кыпчака), который встречался с Натанзи всего один раз.</p>	Сведения Рашид ад-Дина и (или) его первоисточника, дополненные генеалогиями, записанными во времена Шахруха. В Парижской рукописи добавлены данные по Чингизидам, времен Абу Сеида и Хусейна Байкары. Скорее всего, источником этих данных в парижском списке был Султан-Баязид, из потомков Тука-Тимура (родственник крымским Гирияем), служивший как Абу Сеиду, так и Хусейну Байкаре [15].	Сведения Рашид ад-Дина, дополненные генеалогиями, записанными во времена Абулхаир-хана и его внука Мухаммеда Шейбани.	Сведения из устных рассказов.

<p>Какие ошибки допущены в данном источнике</p>	<p>Многочисленные ошибки по хронологии и генеалогии как Джучидов так и Чагатаидов. Ошибки по локализации Ак-Орды. Неправильный перевод (про Бузана и Бердибека) или оставление без перевода целых фраз (про Кепека мангута) Ошибки с определением места правления потомков Золотоордынского темника Ногая и т.д.</p>	<p>Не правильно указаны генеалогии потомков Гияс ад-Дина, сына Шадибека (они не его потомки)</p>	<p>Есть ошибки в именах внуков Тука-Тимура, что привело к появления неправильной генеалогии Урус-хана (перепутали Кара-ходжу и Тимур-ходжу). Путаница в детях и потомстве Кичи Мухаммеда.</p>	<p>Полноценный внутренний критический анализ данного источника не проводился.</p>
<p>Отец Урус-хана и его происхождение</p>	<p>Урус-хан, сын Чимтая, сына Эрзена, сына Сасы-Буки, сына Нукая, сына Кули, сына Орда-эджена.</p>	<p>Урус-хан, сын Бадька, сына Тимур-ходжи, сына Бактука (Бакубука, Тактак), сына Ачика, сына Урангташа, сына Тука-Тимура</p>	<p>Урус-хан, сын Бадька, сына Ходжи, сына Уз-Тимура, сына Тука-Тимура</p>	<p>Урус-хан, сын Бадька, потомка Тука-Тимура.</p>
<p>Ошибался ли автор источника либо он врал сознательно о генеалогии Урус-хана и его потомков (версия сторонников Натанзи)</p>	<p>Натанзи опирался на уникальные сведения из неизвестного источника тюркского происхождения (согласно Исину А. из архива Ак-Орды)</p>	<p>Автор врал сознательно о генеалогии Урус-хана («Тимуридский заговор»)</p>	<p>Автор врал сознательно о генеалогии Урус-хана («Шибанидский заговор, который базируется на Тимуридском заговоре»)</p>	<p>Автор врал сознательно о генеалогии Урус-хана («Шибанидский заговор, который базируется на Тимуридском заговоре»)</p>
<p>Ошибался ли автор источника либо он врал сознательно о генеалогии Урус-хана и его потомков (версия противников Натанзи)</p>	<p>Первая версия: Шамильоглу Ю. и др.: Сведения Натанзи абсолютно не достоверны. Огромное количество ошибок у него свидетельствует в эту пользу. Вторая версия: сведения Натанзи взяты из двух источников: черновика Рашид ад-Дина и сведений из устного рассказа очевидца событий в Восточном Дашт-и Кыпчаке XIV века (был один контакт персоязычного автора и тюркоязычного источника сведений). Далее Натанзи домыслил большинство сведений, сообщенных ему. Возможно, из-за буквального перевода титул оглан был переведен буквально как сын, а не как титул Чингизида (шахзаде).</p>	<p>Автор не ошибался и не врал в силу незаинтересованности в фигуре Урус-хана.</p>	<p>Автор ошибся в определении генеалогии Урус-хана (спутал несколько предков, в других местах генеалогия правдива)</p>	<p>Автор не ошибался (полная генеалогия Урус-хана не приведена) и не врал в силу незаинтересованности в фигуре Урус-хана.</p>

Если исходить из первой точки зрения сторонников достоверности Натанзи, то стоит отметить:

1. Есть большое противоречие, насчет того как сведения из Восточного Дашт-и Кыпчака появились у Натанзи. Версия об архиве Ак-Орды в Исфахане фантастична, так как если бы такой архив попал бы в Иран, он без сомнения оказался в руках придворных царедворцев Шахруха (например, у Хафиза Абри), а не у Натанзи. И кроме того он бы не содержал бы такого большого количества ошибок, которое встречается у Натанзи. Такое огромное количество ошибок может быть только объяснено одноразовым контактом самого Натанзи с источником сведений (информатор), который говорил с персоязычным Натанзи на другом языке (тюркский) через переводчика. Одной из такой ошибок могло быть следующий пример: во многих летописях имена Джучидов приведены с приставкой огул или оглан², которое буквально переводится как сын. Натанзи мог и не знать, что огул или оглан является титулом Чингизидских царевичей (аналог шахзаде в персидском языке) и поэтому он титул оглан принял за указание родства («сын»). Например, у Натанзи: «После него (Эрзена) сын его Мубарак-ходжа начал смуту». В оригинале фраза могла звучать: «После него Мубарак-ходжа-оглан начал смуту». Или другой пример: «После него посадили Тимур-ходжу, сына Орда-шейха», в реальности мог звучать как «После Орда-шейха посадили Тимур-ходжу-оглана». С учетом того, что ошибок перевода у Натанзи предостаточно, не стоит исключать такого механизма появления генеалогий у Натанзи.

2. Сведения из Муизз ал Ансаб. Как мы отмечали выше, данные по генеалогиям Тукаимуридов в Парижскую копию Муизз ал Ансаб были добавлены Султан-Баязидом, потомком Тука-Тимура и близким родственником крымских ханов в середине или второй половине XV века. Если бы он увидел бы «сконструированную генеалогию» своего родственника Урус-хана в Шахруховской версии Муизз ал Ансаб, то он бы обязательно бы поправил бы Парижскую летопись (Хусейна Байкары) путем приписки определенных фраз к генеалогическим таблицам (примеры с фразами о спорном отцовстве присутствуют в Муизз ал Ансаб).

Помимо источниковедческих аргументов можно привести рациональные аргументы против версии о сначала Тимуридском, а потом Шибанидском заговоре против потомков Орда-эджена.

1. Барак в своем территориальном споре с Улугбеком, апеллировал не к правам Орда-эджена, а к правам Урус-хана. То есть если бы даже Тимуриды хотели оспорить права Барака в своих исторических сочинениях, то им бы стоило придумать версию о самозванстве либо самого Барака, либо его отца, либо самого Урус-хана. Практического смысла называть Барака потомком Тука-Тимура

не было, так как это ничего не меняло, ведь Барак апеллировал не к XIII веку (времена Орда-эджена), а ко временам Урус-хана.

2. Хорезмские и Бухарские Шибаниды также не имели никакой практической пользы от объявления Урус-хана Тукаимуридом, кроме того интересы двух ветвей Шибанидов были противоположны, поэтому объединять их интересы в одно целое, «с целью принизить происхождение Урус-хана» не стоит. Также можно отметить, что к тому времени особой роли не играло «старшинство происхождения» (нематериальный ресурс), в степных междоусобицах большую роль играли материальные ресурсы.

3. Аналогов таких генеалогических подлогов не было в истории. В истории либо были примеры с придумыванием фиктивной генеалогии и самозванством (обычно это проводилась самими представителями рода). Такими примерами является Алтун-Бешик в Кокандской историографии и генеалогия Идегея от халифа Абу Бекра. Либо приводились аргументы в пользу возвеличивания своего рода путем трансляции тех или иных мифов. Например, Тимуридский миф о братьях Кабуле (предок Чингиз-хана) и Качули (предок Тамерлана). Либо Шибанидский миф о Боз-Орде, ставящий Шибанидов, выше других Джучидов («Чингиз-хан поставил им Серую Юрту, а Тука-Тимуру не дал даже крытой телеги»). То есть выше перечислены примеры позитивного генеалогического подлога или мифа (создана представителями рода с целью возвеличивания своего рода). Примеров же негативного генеалогического подлога или мифа (создана представителями соперничающего рода с целью унижения рода соперников) в практике евразийских тюркских государств нет. При этом стоит отметить, что если бы кто-то и хотел обесценить происхождение того или иного рода, он бы не останавливался на полумерах, как предлагают сторонники т.н. Шибанидского заговора, а шел бы до конца, объявляя потомков Урус-хана не-Чингизидами. Т. е. объявлять потомков Урус-хана другими Чингизидами не выгодно, так как те все равно остаются Чингизидами.

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что согласно бритве Оккама, наиболее логичным объяснением противоречия генеалогий из Натанзи и других источников является то, что никакого «генеалогического заговора» Тимуридов и Шибанидов против потомков Урус-хана не было. Сам Натанзи имел два источника данных:

1. Черновик или копию черновика Рашид ад-Дина с дефектной копией генеалогии Золотоордынского темника Ногай (Ногай, сын Джарука, сына Тумакана, сына Кули, сына Орда-эджена). В его сочинении данная генеалогия осталась в форме Ногай, сын Кули, сына Орда-эджена.

2. Рассказ тюркоязычного очевидца событий в Восточном Дашт-и Кыпчаке с 60–70-х годов XIV века (пред-

² Огул или оглан — перевод с тюркского языка буквально «сын», титул потомков Чингиз-хана; встречается в текстах конца XIV и XV вв.;

положительно человека из свиты Шадибека). Получив данные о том, что ханы Восточного Дашт-и Кыпчака правили после Сасы-Ногай (Сасы-Бука — это один из вариантов написания Сасы-Нокай). Здесь Сасы-Нокай это известный по Утемыш-хаджи Кара-Ногай, сын Сасы, который правил в Восточном Дашт-и Кыпчаке с 60-х годов XIV века (гипотеза Гаева А. Г. подтверждается).

Натанзи не критично отождествил двух Ногаев, а также на основе не понимания значения термина огул (оглан) из речи своего тюркоязычного источника предположил, что данный титул Джучидов переводится как сын (буквальный перевод). Таким образом, появились столь специфические генеалогии у Натанзи, которые противоречат всем известным генеалогическим источникам по Джучидам.

В своей недавней работе Ускенбай К. З. в параграфе «Происхождение Урус-хана: Ордаид или Тука-Тимурид» пишет о происхождении Урус-хана. Ускенбай К. З. на протяжении 12 страниц критикует Тука-Тимуридское происхождение Урус-хана. Но при этом Ускенбай К. З. сознательно не цитирует многие работы, которые критикуют его точку зрения. В его монографии не указаны наши работы с критическим анализом данных Натанзи и других источников по генеалогии Джучидов, на чем мы остановимся ниже. К примеру, Ускенбай К. З. пишет: *«Исследователи, критично относившиеся к данным Натанзи, не делали этого же в отношении сведений анонима Муизз ал Ансаб, полагая, что он сообщает достоверную информацию»* [23, 181]. Но здесь Ускенбай К. З. сознательно вводит читателей в заблуждение. Нами до 2013 года (год выхода монографии Ускенбая К. З.) было написано как минимум 3 статьи, прямо касающиеся вопроса достоверности данных Муизз ал Ансаб [15] [17] [19], а также затрагивающие его в контексте сравнения данных из Муизз ал Ансаб и Таварихи Гузидайи Нусрат-наме [20]. Наряду с этими работами, нами были опубликованы две статьи с анализом сведений из Натанзи, на которые Ускенбай К. З. также не ссылался [14] [18]. Сознательное отсутствие реакции на научные аргументы оппонентов у данного исследователя нами отмечался ранее [27]. Также стоит отметить, что другие критики достоверности сведений Натанзи упоминаются в монографии Ускенбая К. З. ритуально, без критики научных аргументов со стороны Ускенбая К. З.

К примеру, Гаев А. Г. ритуально упоминается в работе Ускенбая К. З., причем главный аргумент Гаева А. Г. о недостоверности Натанзи [2, 12–13] также не упоминается Ускенбаем К. З., видимо, в силу отсутствия аргументов против идей Гаева А. Г..

Не упоминает Ускенбай К. З. и сведения Султана Т. И. о том, что согласно Натанзи, Урус-хан был потомком золотоордынского темника Ногай, который воювал с Тохтой, а сам этот Ногай был сыном Кули, сына Орда-эджена [22, 265]. Генеалогия происхождения золотоордынского темника Ногай от Орда-эджена не верна.

Мы уже приводили сравнительный анализ данных генеалогий Джучидов и Чагатайидов согласно Натанзи с одной стороны и Муизз ал Ансаб (и отчасти Рашид ад-Дина) с другой стороны [14, 119], где показали, что Натанзи очень часто путается в генеалогиях. Также мы отмечали, что источником сведений Натанзи была не некая историческая рукопись, а одноразовый контакт с информатором [18, 154]. Впоследствии Натанзи отождествил двух Ногаев: первого из черновика сборника летописей Рашид ад-Дина и второго Ногай, тука-тимурида правившего в Сыгнаке в 1360-х годах [18, 154]. Ускенбай К. З. здесь не просто игнорирует работы, но еще и фантазирует о том, что некий источник на тюркском языке был еще источником и для Гаффари и для Рази, при этом, игнорируя мнение Султанова Т. И. о том, что Гаффари заимствовал свои сведения у Натанзи [21, 141].

Ускенбай К. З. утверждает, что *«Урус-хан происходит от Орда-эджена. Генеалогия следующая: Орда-Сартактай-Коници-Баян-Сасыбука-Эрзен-Чимтай-Урус»* [23, 181]. Здесь Ускенбай К. З. лукавит (данная генеалогия это реконструкция XIX века, а не данные первоисточника), в реальности у Натанзи следующая генеалогическая схема Орда-Кули-Ногай-Сасыбука-Эрзен-Чимтай-Урус [21, 140]. Причем Сасыбука, по Натанзи, является сыном Золотоордынского темника Ногай, который после смерти отца (Ногай) в битвах с Тохтой, правил 30 лет до 1320–1321 года (то есть еще с 1290-х годов) в Восточном Дашт-и Кыпчаке и умер в Сауране [6, 255]. То, что один из сыновей Ногай оказался в восточном Дашт-и Кыпчаке и правил там 30 лет, начиная с 1290-х годов, кажется совсем невероятным. Также из трех сыновей Ногай известных нам Сасыбука не встречается. Таким образом, мы вслед за Гаевым А. Г. отмечаем, что данный Сасы-Бука (Сасы-Ногай в других летописях Тимуридского круга) тождественен Ногаю, сыну Сасы [2, 12]. Как писал Костюков В. П. *«К. З. Ускенбай, неумолимо защищающий гипотезу об ордаидском происхождении казахских ханов, в недавно опубликованной статье изложил весь арсенал аргументов в пользу принадлежности Урус-хана к роду Орду. Если из представленных доказательств исключить пространные апелляции к мнению авторитетов и ничем не подтвержденные обвинения «пршибанидских» источников в сознательном укрывании истины, в остатке обнаружатся лишь два довода, сформулированных М. Тынышпаевым. Один из них — ссылка на генеалогические списки, в которых «в качестве дальнего предка казахских ханов записано искаженное имя, означающее, скорее всего, «Ежен-хан», т.е. Орда-Ежен». Что это за имя, и в каком ряду имен оно стоит, не сообщается. Кроме того, прозвище Ежен по основному своему смыслу должно прилагаться к младшему сыну, каковым, согласно некоторым родословиям, являлся именно Тука-Тимур. Второй аргумент, казалось бы, более серьезный — неестественно краткая генеалогия Урус-хана в пе-*

редаче автора «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и Абу-л-Гази. М. Тынышпаев был совершенно прав, обратив внимание на этот дефект родословия Урус-хана, возводящего его к Тука-Тимуру. Но, как известно, дефект появляется только в поздних источниках, а «Му'изз ал-ансаб», источник значительно более ранний, концентрирующийся исключительно на генеалогии, более основательный и точный, дает удовлетворительно полную линию предков Урус-хана, на два поколения большую, чем у «прошибанидских» историков. Положим, этого мог не знать М. Тынышпаев, но какой резон в повторении заведомо устаревшего и несостоятельного аргумента находит современный исследователь?» [9, 138]

Как отмечал, Костюков В.П. тезис о Ежен-хане — это единственный оставшийся аргумент в пользу Орда-эдженского происхождения казахских Чингизидов. Ускенбай К.З. отсылает нас к словам Тынышпаева М.: «у чингизидов осталась память о каком-то хане Ежене (некоторые тюринцы) считают его даже предком, между тем как Токай-Темир совсем неизвестен» [23, 174]. Здесь стоит отметить, что в казахских шежирах рода торе XVIII—XIX веков вплоть до Шокана Валиханова (он восстановил шежиры казахских ханов по восточным летописям) абсолютно отсутствует такое имя как Ежен-хан или Урус-хан, при этом казахские чингизиды даже имени Джанибек-хана (правнук Урус-хана) не помнили, хотя помнили имена его сыновей (Усек и Жади́к) [3, 74—150]. Так что здесь полагаться на народную память не стоило. При этом стоит отметить, что из слов Тынышпаева М. следует, что не все казахские чингизиды происходили от некоего Ежен-хана, а только «некоторые». Если посмотреть казахские шежиры рода торе уже XX века (например, шежиры Шотамана Валиханова, опубликованное в газете Ана тілі), то можно найти имя Ежен. Так звали сына Мамырхана, сына Кушек-хана. Как мы знаем, данный Мамырхан правил в Кукчаматайской волости [3, 82], а его внук Худайменды Едженов (сын Еджена) жил богато в Кендже-Каптагай-Матаевской волости, ему было 35 лет [7, 423] в 1850 году в Аягузском округе [7, 388], также был еще один султан из Чингизидов 31 года по фамилии Едженов, живший в Мамбетей-То-

быктинской волости [7, 148] в 1842 году в Каркаралинском приказе [7, 144]. Как мы знаем, сам Тынышпаев М. был из рода Садыр-Найман (родственен Матай-Найманам, среди которых жили потомки Еджен-султана, сына Мамырхана) [11, 202]. Таким образом, мы можем предположить, что Тынышпаев М. встречал потомков Еджен-султана, жившего в конце 18-начале XIX века. И зная о том, что существует научный спор от кого происходят Казахские Чингизиды, он решил, что называемый ими предок Еджен и есть Орда-эджен. Кроме того, стоит отметить, что в казахских преданиях Ежен-хан обозначается как китайский правитель. К примеру, Машхур-Жусуп Копеев записал рассказ, как к Ежен-хану ездил Асан кайгы [1, 224]. Также в других шежирах говорится о поездке Аблай-хана к Ежен-хану [29, 39] и о поездке Асан Кайгы к хану калмаков Ежену [30, 175], а Шакарим Кудайбердыев писал о том, что «Жена Галдана, мать Амирсаны, была дочерью китайского хана Ежена... Амирсана едет к своему деду Ежен-хану. Ежен-хан просит китайских правителей областей, граничащих с землей калмаков, помочь Амирсане воссесть на ханский престол, но вместо этого китайцы совершают нападение на калмаков и разоряют их. Амирсана, видя такое разорение своего народа, порывает с китайцами» [25]. Помимо этого, известно письмо ханши Бопай и ее детей (жена и дети Абулхаир-хана) к джунгарскому Цэван-Дорджи-Аджа-Намжилу 1749 года. В тексте письма адресат назван как Аджан-хан [32, 226]. То есть хан Калмаков Ежен-хан, к которому ездил Аблай-хан это широко известный джунгарский хан Цэван-Дорджи (1733—1750), правивший недолго с 1745 по 1749 год [32, 394].

Таким образом, подводя итоги, стоит отметить, что никаких серьезных аргументов в пользу Орда-эдженского происхождения Урус-хана не осталось. Натанзи заимствовал неправильную генеалогию Ногая из черновика Рашид ад-Дина, позже некритически отождествил Ногая из черновика Рашид ад-Дина и Ногая, правителя Сыгнака 1360-х годов [18, 154], чем породил большой историографический миф, проживший более чем полтора века. Более достоверной является генеалогия Урус-хана, возводящая его к Тука-Тимуру.

Литература:

1. Артыкбаев, Ж.О. Среднее Прииртышье в контексте проблем истории Евразийских степей. Том 1. Павлодар. 2007. 267 с.
2. Гаев, А.Г. Генеалогия и Хронология Джучидов//Древности Поволжья и других регионов. Выпуск 4. Том.3. Нижний Новгород. 2002. с. 9—55.
3. Ерофеева, И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII—XIX вв. (история, историография, источники) Алматы: ТОО «Print-S». 2003. 178 с.
4. Исин, А. Ак-Орда в исследованиях современных медиевистов // Ш.Ш. Уәлиханов мұрасы әлемдік тарих контекстінде. Халықаралық ғылыми форумы материалдары. Семей. 2010. с. 41—46.
5. Исин, А. Отражение политических интересов в династийных историографиях XIV—XVII веков//Отан тарихы. 2011. № 3. с. 175—181.
6. История Казахстана в персидских источниках. Том 4. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 620 с.

7. История Казахстана в русских источниках. Том 8. Часть 1. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 716 с.
8. Костюков, В. П. «Улус Джучи и синдром федерализма»//Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. Уральск. 2007. С.169–207.
9. Костюков, В. П. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV в.//Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. 2009. № 1. С. 138–149.
10. Муизз ал Ансаб. История Казахстана в персидских источниках. Том 3. Алматы. Дайк-Пресс. 2006. 672 с.
11. Найман. Книга 3. Алматы: Историческо-исследовательский центр Алаш. 2008. 430 с.
12. Почекаев, Р. Ю. Ордыноведение на рубеже веков [Рецензия на: История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV вв. / Гл. ред. М. А. Усманов, Р. С. Хакимов. — Казань, 2009. — 1056 с.]// Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 4. — Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 250–255.
13. Почекаев, Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. Евразия. 2012. 464 с.
14. Сабитов, Ж. М. Аноним Искандара как генеалогический источник// Золотоордынская цивилизация. Выпуск 1. Казань. 2008. С.117–122
15. Сабитов, Ж. М. Источники появления генеалогий Джучидов в Муизз ал Ансаб// Вестник Евразийского Национального Университета. № 5 (84). 2011. с. 100–103.
16. Сабитов, Ж. М. Муизз ал Ансаб: Восстановительная критика// Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. Казань. 2013. — С.121–125.
17. Сабитов, Ж. М. Муизз ал Ансаб как источник по истории Монгольской империи// Монголика. Выпуск 9. Санкт-Петербург. 2011. С.55–63.
18. Сабитов, Ж. М. Натанзи как источник по истории Золотой Орды//Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. Казань. 2010. С.150–154
19. Сабитов, Ж. М. Рецензия на новый перевод Муизз ал Ансаб//Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. Казань. 2010. С.236–244
20. Сабитов, Ж. М. Таварихи Гузидаи Нусрат-нама как источник по генеалогии Джучидов//Золотоордынская цивилизация. Выпуск 2. Казань. 2009. С.108–116
21. Султанов, Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы. Дайк-Пресс. 2001. 276 с.
22. Султанов, Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. Москва. 2006. 445 с.
23. Ускенбай, К. З. «Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII — начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи». Казань: Фэн. АН РТ. 2013. 288 с.
24. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. [Текст]: факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина / подготовка к изд. Ю. Г. Баранова; комментарии и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-ата. Гылым. 1992. 296 с.
25. Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. — Алма-Ата: СП Дастан, 1990» с переводом и примечаниями Б. Г. Каирбекова. <http://www.kyrgyz.ru/?page=78>
26. Shamiloglu, U. Tribal Politics and Social organization in the Golden Horde. Columbia University. 1986.
27. Сабитов, Ж. М. Рецензия на монографию: Ускенбай К. З. «Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII — начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи»//Научный Татарстан. 2014. № 4.
28. Тулибаева, Ж. М. Улус Урус-хана// Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность. Сборник статей участников IX Московской научной конференции. Москва, РУДН, 23 мая 2008 г. — М.: Изд-во РУДН, 2008. с. 225–233.
29. Бабалар сөзі. Том 32. Астана. Фолиант. 2006. 400 с.
30. Бабалар сөзі. Том 85. Астана. Фолиант. 2012. 416 с.
31. Табулдин, Г. Акпанбекова Г. Генеалогия основателей Казахского ханства Керей и Джанибек султанов// Материалы международной научно-практической конференции «От Казахского ханства к независимому Казахстану»22–23 мая 2015 года. Астана. 2015. с. 231–236.
32. Эпистолярное наследие Казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Том 1. Алматы. 2014. 696 с.
33. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Том 2. Алматы. Атамура. 2010. 624 с.
34. Юдин, В. П. «Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда». Алматы. 2001. 384 с.

Конфессиональная политика государства в отношении сектантства и старообрядчества в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков

Секирин Андрей Александрович, аспирант
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена исследованию эволюции конфессиональной политики Российского государства в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX — начале XX веков. Особое внимание уделено анализу основных нормативно-правовых актов, регулирующих правовой статус сектантов и старообрядцев, а также государственно-конфессиональную политику в Российской империи, в отношении данных религиозных групп населения с середины XIX и до начала XX веков, до издания манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 года.

Ключевые слова: сектантство, старообрядчество, секты, государственно-конфессиональные отношения, конфессиональная политика, преступления против веры, раскольники, сектанты, вероисповедания, нормативные акты, законодательство, Православная Церковь.

Confessional state policy against sectarianism and the Old Believers in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries

Sekirin Andrey, a postgraduate student
Belgorod State National Research University

The article investigates the evolution of the religious policy of the Russian state against sectarianism and the Old Believers in the second half of XIX — early XX centuries. Particular attention is paid to analysis of the main legal acts regulating the legal status of sectarians and Old Believers, as well as church-state policy of the Russian Empire, in relation to these religious groups with the middle of the XIX and early XX centuries, before the publication of the manifesto «On strengthening began toleration» April 17th, 1905.

Keywords: sectarianism, Old Believers, a sect, church-state relations, confessional politics, crime against the faith, schismatics, sectarians, religion, regulations, legislation, Orthodox Church.

Правовой статус подданного в Российской империи был неразрывно связан с его сословной принадлежностью, а также с принадлежностью к той или иной религии, отсюда в свою очередь, вытекал весь комплекс корреспондирующих друг другу прав и обязанностей. Соответственно, правовой статус подданных принадлежавших к различным, конфессиональным группам и религиозным сообществам был различен, и определялся, прежде всего, тем статусом, которым обладала та или иная религия на территории Российской империи.

Согласно законодательству империи, все религии, исповедуемые её населением, делились на три категории «первенствующая и господствующая» [1, с. 5–6], которой являлась, как указывалось в законодательстве «... есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [1, с. 5]. Все остальные вероисповедания в империи, подразделялись на остальные две категории «признанные терпимые» вероисповедания или «дозволенные» и «вредные непризнанные» или «недозволенные», о которых необходимо сказать отдельно. Признанными или дозволенными религиями империи

были: католики, протестанты, мусульмане, иудеи и буддисты. К этим религиозным группам, принадлежала значительная часть населения империи. Подданные исповедующие данные вероисповедания, могли свободно исповедовать свою веру, обладать имуществом, приходы и религиозные группы этих вероисповеданий, обладали правом ведения метрических книг, обучали религии своих последователей. Единственное, что пресекалось, и запрещалось — это миссионерство, прозелитизм среди православного населения. Причём, допускался переход из нехристианского вероисповедания в христианское, а также всячески поддерживался переход из любого вероисповедания в православие, обратный переход был запрещён.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, подробно, закрепляло составы преступлений против веры, за отпадение от православия в другую религию, за переход из христианского вероисповедания в нехристианское. Глава вторая раздела второго «О Преступлениях против веры и ограждающих оную постановлениях» Уложения, статьи с 190, по 222, полностью

посвящены составам преступлений, связанным с отпадением от православия, совращением в другую веру, то есть главным объектом защиты было обеспечить государственную поддержку «системы привилегированного положения Православной церкви» [2, с. 324–347].

Третью обширную категорию согласно законодательству империи составляли так называемые непризнанные вредные или недозволенные вероисповедания, причём особенностью имперской политики в рассматриваемый период была классификация данных религиозных групп по степени их «вредности». Данная классификация была установлена в 1842 году по согласованию со Священным Синодом, постановлением Особого комитета по делам раскольников, и в свою очередь, включала деление данных религиозных групп на «вреднейшие, вредные и менее вредные» [3, с. 222–224].

Менее вредными или терпимыми непризнанными признавались в первую очередь старообрядцы различных направлений и толков, которые до манифеста 1905 года именовались «раскольниками» [4, с. 65]. С приходом к власти Александра II, в условиях политики реформ, и некоторой либерализации общественной жизни, был разработан новый закон о старообрядцах. Закон 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению некоторых духовных треб» [5, с. 219–221], разрешал старообрядцам занимать общественные должности, заниматься торгово-промышленной деятельностью, получать паспорта на общих основаниях. Они могли строить и открывать молитвенные здания, но с разрешения министра внутренних дел и обер-прокурора Синода. Однако, им по-прежнему запрещалось сооружать колокольни при молитвенных зданиях и проводить крестные ходы, «употребление вне домов часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского или священнослужительского одеяний, а также раскольничье пение на улицах и площадях» [4, с. 68–69]. Так же браки между старообрядцами и православными, допускались лишь, после присоединения раскольника к Православной церкви и венчания в ней: «Брак правоверных с раскольниками допускается не иначе, как по принятии сими последними Церкви святой соединения с присягой» [4, с. 70].

Запрет сохранялся на печатание и распространение старообрядческой духовной литературы, прежде всего богослужебных книг и старообрядческих молитвенников: «Изобличенные в издание старопечатных книг не в московской синодальной или единоверческой типографии, а равно в продаже и распространении каким-либо образом книг сего рода, подвергаются за сие: в первый раз — денежному взысканию не свыше двухсот рублей, во второй раз — денежному взысканию не свыше четырехсот рублей. Изобличенные в том свыше двух раз приговариваются сверх денежного положенного за второй раз взыскания, к заключению в тюрьму на время от двух до четырех месяцев. Найденные у них книги отбираются и отсылаются к епархиальному начальству» [4, с. 79].

Таким образом, несмотря на послабления в имущественных и некоторых гражданских правах, в отношении возможности публичного отправления культа и распространения раскольнических взглядов среди православного населения, закон в отношении старообрядцев оставался по-прежнему предельно строгим, статьи 195 и 196 Уложения, предусматривали такие же санкции за «совращение» в раскол, как за «совращение вне христианскую веру» [2, с. 333].

Рассматриваемый период, характеризуется постепенным изменением правового статуса последователей старообрядчества в сторону безусловного признания их гражданских прав, в том числе и постепенного, хотя и ограниченного права на свободу вероисповедания, при безусловном запрете распространять свои взгляды среди православного населения империи, данный политико-правовой статус, оставался неизменным вплоть до 1905 года. Условно, исторически в старообрядчестве выделяют два больших направления или две большие группы, это «поповщина» и «беспоповщина» [4, с. 25–29], причём с течением времени, отличия этих двух направлений друг от друга проявились в вопросах не только ни признания «никонианских» обрядов и священства, но с течением времени выявили серьёзные различия экклезиологического и догматического характера, причём как с Православной церковью, так и с друг другом. Характерно, что если в «поповщине», ещё сохранялась церковная иерархия, хотя и не имеющая апостольского преемства, то различные «толки» и направления «беспоповщины», продолжали дробиться на более мелкие группы, причём многие из них уже фактически превращались в «движения сектантского типа» [4, с. 29]. Таким образом, деятельность старообрядческих общин «беспоповских» согласий, носила по убеждению властей не только «антицерковный и антисоциальный, но и антигосударственный характер» [4, с. 44]. Следовательно, старообрядческие направления, в особенности «беспоповских» согласий, с точки зрения политики государства, уже во многом смыкались с сектантскими движениями.

В самом «низу», правовой лестницы законодательства империи, по степени их вредности находились «непризнанные нетерпимые» или «вреднейшие» религиозные группы, к которым относились различные секты, которые, несмотря на довольно жесткую политику имперских властей по отношению к ним на всём протяжении XIX века, во второй половине века, в численном отношении продолжали увеличиваться, что соответственно вызывало необходимость государства проводить к ним двойственную политику.

С одной стороны, в рассматриваемый исторический период государство стремилось продолжить борьбу с религиозным инакомыслием, с другой, общая некоторая либерализация общественной жизни и социальной сферы, в период правления Александра II, период реформ, не могли не сказаться на политике государства в отношении сектантов.

Весь период, государственной политики в отношении сектантов и старообрядцев с середины XIX века, вплоть до «манифеста 1905 года» [6, с. 258–262], характеризуется следующими определенными чертами:

– Кодификация и систематизация, и доработка, законодательной базы в отношении сектантов. Следует сказать, что к этому времени в государстве сложилась уже достаточная серьёзная законодательная база в отношении сектантских сообществ, по мере появления новых сект, государство разрабатывало соответствующие правовые нормы, регулирующие положения данных религиозных сообществ и их взаимоотношения с государством.

– Выработка государственными и церковными властями, большого комплекса вне законодательных мер, направленных на борьбу с сектантами.

Данный период государственной политики в отношении сектантства, был обусловлен, помимо продолжающегося существования, старых сект: молокан, духоборов, скопцов, хлыстов, многочисленных старообрядческих толков, которые продолжали преследоваться в уголовном и административном порядке, так же появлением новых так называемых «рационалистических» сект: штундистов, пашковцев. Распространение и появление, которых было связано не только с активизацией различных религиозных поисков внутри российского общества, но и появлением и распространением в России, «различных протестантских сект и религиозных объединений иностранного происхождения» [4, с. 52–53].

Кодификация и систематизация законодательства, в отношении сектантства с середины века, была обусловлена тем, что к этому периоду сложилась уже определенная законодательная база по вопросам борьбы с сектантством, была выработана классификация сект, и имелся довольно большой опыт противосектантской деятельности государства и церковных властей, сложившейся в предыдущие периоды, соответственно политика государства в данный период была направлена в первую очередь на поиск новых, более эффективных методов борьбы с сектами, учитывая, как предыдущий опыт, так и сложившиеся исторические реалии.

Значительное влияние на политику государства в отношении сектантства, оказывала и сложившаяся в 60–70-е годы, общественно-политическое положение в стране, вызванное некоторой либерализацией общественной жизни в результате политики реформ Александра II, в том числе и в церковной сфере. Также происходило и существенное изменение, в общественном сознании, в восприятии и отношении к религиозному инакомыслию, многие общественные деятели высказывались за необходимость введения свободы вероисповедания и недопустимость уголовного преследования людей за их религиозные убеждения и взгляды.

Консервативно-охранительную политику, и методы борьбы с сектантством отстаивал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, пользовавшийся поддержкой и доверием императора Александра III. К.П. Победоносцев, отстаивавший идею единства церкви и государ-

ства, играл важную роль в формировании антисектантской политики, в последней четверти XIX века.

Как уже было сказано, в соответствии с изменениями в общественно-политической жизни, происходили и изменения политики государства в отношении сектантства, соответственно это сказалось и на законодательстве этого периода. В 1860–1870-е годы, судебные органы и местная власть воздерживались от активного преследования штундистов и других, близких к ним сообществ. «Утверждалось, что иноверцы, по преимуществу гражданских законов не нарушают, сложившемуся порядку в государстве угрозы не представляют, что гонения на них, с одной стороны ожесточают сектантов и провоцируют столкновения и конфликты, а с другой, как правило, оказываются бесполезными, зато создают вокруг последователей, ореол мучеников» [7, с. 58].

Соответственно, в этот период, наметилось определенное противостояние, между государственными властями и церковью, если органы власти, вынуждены были в этот период несколько смягчить и либерализовать политику по отношению к сектантским движениям, то церковь, продолжала, прежде всего, миссионерскую деятельность в отношении сектантских групп, о которой следует сказать потом особо. Политика церкви была направлена, с одной стороны на тесное сотрудничество, с местными властями и судебными органами, а с другой, опиралась на помощь и поддержку, в вопросах государственной поддержки на обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, деятельность которого была направлена, на сохранение консервативно-охранительного курса в вопросах взаимоотношений государства и церкви, и в вопросах конфессиональной политики, в отношении иноверцев.

Общая либерализация общественно-политической жизни в этот период соответственно отразилась и на законодательной политике в отношении сектантов и инаковерующих. В конце 1870-х годов власти решили даровать русским протестантским движениям права, которыми пользовались баптисты. Как уже было сказано выше «закон от 3 мая 1883 года» [5, с. 219–221], по сути, предоставил всем инославным и иноверным верующим ряд гражданских прав, прежде всего, право организовывать общественные собрания в целях молитвы по правилам своей веры, однако организация соответствующих богослужений, не нарушала «общие правила благочиния и общественного порядка» [5, с. 219].

Согласно данному закону «паспорта на отлучки внутри империи выдаются раскольникам всех сект, за исключением скопцов, на общем основании» [5, с. 219], тем самым даровалось одно из важнейших гражданских прав, право на передвижение, хотя как следует из общего смысла и буквы данного закона, это право оставалось в значительной степени очень ограниченным, так как осуществлялось под строгим контролем министерства внутренних дел. Закон способствовал расширению и остальных гражданских прав инаковерующих, прежде всего им позволялось занимать общественные должности.

Также с разрешения губернатора или начальника области, им позволялось поновлять и ремонтировать часовни и молитвенные здания, пришедшие в ветхое состояние, а в местностях, где сектанты и раскольники, составляют значительное число населения, но не имеют молитвенных зданий, и часовен, им разрешалось использовать для богомолений существующие строения, хотя в законе было специально указано, что на подобных зданиях, хотя и разрешается использовать крест или изображение креста, «но внешне и по форме, эти строения и здания, не должны были использовать или напоминать православную символику и православный храм, также запрещалось использовать колокольни и наружный колокольный звон» [5, с. 220].

Таким образом, несмотря на дарование некоторых гражданских прав, религиозным иноверцам, в том числе в вопросе отправления культа, однако ограничения, установленные в этом законе всё же показывают, что государство продолжало стоять на защите интересов Православной церкви, то есть свобода богомолений раскольниками и сектантами, допускалась данным законом лишь в той степени, в какой она не противоречила интересам и господствующему положению Православной церкви.

Однако, закон 1883 года, несмотря на дарование определенных гражданских прав, и свобод сектантам и старообрядцам, заключал в себе три фундаментальных противоречия, что на практике при реализации его норм, приводило к существенным правовым сложностям в сфере правоприменительной практики, что в свою очередь во многом нивелировало действие данного правового акта в целом.

Во-первых, действие норм данного закона не распространялось на значительную часть русских сект, которые согласно общей классификации имперской религиозной политики продолжали считаться «особо вредными», к таким, прежде всего, относились хлысты и скопцы, в отношении которых осуществлялось преследование в уголовном и административном порядке, государство продолжало рассматривать данные религиозные группы, как изуверские секты, «последователи которых посягали на жизнь свою и чужую, и занимались фанатическими противонаравственными, гнусными действиями» [8, с. 158].

Во вторых, данный закон противоречил многим правовым актам, и в целом политике государства по отношению к инаковерующим, которая сложилась на протяжении века. Его нормы, дававшие некоторые послабления старообрядцам и сектантам, явно не могли переломить ситуацию в целом, которая по инерции, да кто муже в условиях конкурирующих друг с другом правовых норм которые ограничивали действия одних религиозных групп и давали послабления другим. Всё это приводило к тому, что в сфере правоприменительной практики, закон фактически оказался неработающим, его нормы оставались на бумаге, как правило, местные духовные и светские власти, относились к сектантам по прежнему довольно

жестко и руководствовались в отношении них, прежде всего нормами уголовного и административного законодательства, что явно не способствовало реализации и норм данного закона в целом.

В третьих, как уже было сказано выше, данный законодательный акт в ходил в противоречие, прежде всего с политикой Православной церкви и духовных властей, которые, несмотря на принятие данного акта, продолжали рассматривать все сектантские движения как «зловредные ереси» [4, с. 47], представляющие угрозу устоям государства и церкви, и в отношении которых продолжала проводиться, прежде всего, активная миссионерская политика.

Таким образом, все эти противоречия, которые сложились в политике государства по отношению к сектантам, явно не способствовали реализации норм данного закона на местах, и правоприменительная практика в отношении данных религиозных групп больше опиралась не на нормы данного правового акта, а на сложившиеся устои государственной политики в отношении сектантов в целом.

Ещё одной существенной проблемой российского законодательства в отношении сектантов и вообще всех инославных и инаковерующих, было наличие достаточного большого количества коллизий в российском праве, это было связано, прежде всего с тем, что кодификация права, проводилась в несколько этапов, вновь принимавшиеся законодательные акты по одним и тем же отраслям права и сферам правового регулирования, порой не отменяли предыдущие нормативные акты, что порождало путаницу и сложности в правоприменительной практике и явно не способствовало, совершенствованию правового регулирования в целом. Наличие подобного рода правовых коллизий и законодательных актов, нормы которых вступали в противоречие друг с другом, в сфере регулирования однородных общественных отношений, было характерно и для сферы регулирования государственно-конфессиональных отношений и политики государства по отношению к сектантским религиозным движениям. Наиболее характерно подобного рода коллизии проявлялись в вопросах регулирования правового статуса сект.

С одной стороны, государство стремилось несколько либерализовать положение сектантов и старообрядцев, предоставляя им определенные права, издавая соответствующие нормативные акты, но с другой, наличие конфессионального деления религиозных групп, на вредные, вреднейшие, терпимые и тому подобное, а также существование норм уголовного и административного законодательства в отношении данных религиозных движений, приводило, по сути, к тому, что, несмотря на установление определенных прав вероисповеданиям, государство продолжало преследовать сектантов в уголовном и административном порядке.

Соответственно, нормы закона от 3 мая 1883 года, вступали в определенное противоречие с нормами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, если закон, устанавливал определенную совокупность гражд-

данских прав раскольников и сектантов, то уложение, прежде всего отделение второе «О ересях и расколах» [2, с. 217], устанавливало уголовную ответственность, за «распространение и соращение». Однако уголовная ответственность наступала не только за распространение сектантских вероучений среди православного населения, но и за сам факт создания или организации сектантского религиозного сообщества, статья 206 уложения, прямо устанавливала подобную ответственность: «Виновные как в распространении существующих уже между отпадшими от церкви православной ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых повреждающих веру сект, подвергаются за сии преступления...» [2, с. 335–337], далее следовала санкция данной статьи. Таким образом, возникала правовая коллизия в том, что государство, по сути, законом 1883 года, даровала совокупность гражданских прав тем субъектом права, то есть раскольникам и сектантам, которых оно преследовала в уголовном порядке, как общественно опасных субъектов, запрещая, уголовным законом по сути, как само существование, так и возникновение новых религиозных движений подобного типа. Нормы, следующих 207-й и 208-й статей уложения, прямо перечисляли данные религиозные движения, последователи которых преследовались в уголовном порядке. Статья 207: «Последователи сект именованных духовборцами, иконоборцами, молокаными, иудействующими, скопцами, а равно и другие принадлежащие к ересям, которые установленным для сего порядком признаны или впоследствии будут признаны особенно вредными, за распространение своей ереси и соращение в оную других, по совершенном в избличении сем преступлении...» [2, с. 337–338], «Последователи означенных в прошедшей 207 статье и вообще признанных особенно вредными сект, а равно и скопцы, которые, скрыв принадлежность свою к такой секте, припишутся к городскому сословию в местах, где сие законами им воспрещено, подвергаются за сие лживое о себе показание...» [2, с. 337].

Таким образом, государство фактически данными нормами выводила из под действия закона 1883 года, значительную часть сектантства, которая продолжала преследоваться в уголовном порядке, что, безусловно, значительно сужало тот круг субъектов права, на которые распространялось его действие, а статья 208, устанавливала запрет переход сектантов в городское сословие, что в значительной степени ограничивало их гражданские права, это было сделано в целях, сокращения экономической базы сектантства и раскола, опиравшейся на купеческие и промышленные капиталы, что явно противоречило общему духу и букве закона 1883 года, о даровании инаковерующим определенных гражданских прав, как следует из сравнения закона 1883 года и уложения о наказаниях уголовных и исправительных, совокупность этих прав была довольно ограниченной, и распространялась она на довольно узкий круг субъектов.

Как видно из статей уложения, практически все русские секты были выведены из под действия закона 1883 года,

в отношении них, продолжало действовать деление, установленное Святейшим синодом в 1842 году: «вреднейшие или особо вредные — иудействующие, хлысты, духоборцы, иконоборцы, молоканы, скопцы, а также те беспоповцы, которые отвергали молитвы за царя, социальные устои государства и общества, и таинство брака; вредные — остальные беспоповцы; менее вредные — поповцы-раскольники» [3, с. 222–224]. Министр внутренних дел принимал решение, об отнесении остальных сект к той или иной группе, однако с течением времени, данное деление сект, на более или менее вредные, было признано нецелесообразным, и было принято решение, рассматривать вопрос о правовом статусе каждой секты, сначала в Министерстве внутренних дел, а затем в Синоде.

Отдельно необходимо отметить правовой статус скопцов, которые согласно законодательству империи относились к особо вредным изуверским ересям, статья 211 уложения, прямо предусматривала ответственность за так называемое оскпление, которое считалось фанатичным изуверским актом: «За оскпление других, по заблуждению фанатизма, хотя и без употребления насилия, виновные в том раскольники приговариваются: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет... За оскпление самого себя, избличенные в том подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке в Закавказский край, или в Сибирь на поселение...» [2, с. 219]. Таким образом, как видно, нормы данной статьи, а также статьи 212, предусматривали ответственность «за сам факт принадлежности к подобного рода сектам, так как не без основания предполагалось, что вступление в подобного рода религиозное сообщество, подразумевает и приобщение лица к изуверской членовредительской деятельности» [2, с. 340]. При определении состава преступления, объективная сторона состава, не требовала установление самого факта оскпления и членовредительства, достаточно было установить, что члены данной религиозной общины, исповедуют учение изуверской секты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на принятие закона 1883 года, который устанавливал определенные гражданские права для раскольников и сектантов, наличие уголовной ответственности за сам факт принадлежности к сектантским сообществам, явно нивелировал нормы данного закона, а существующие противоречия между светскими властями в центре и на местах, и церковью, по вопросам политики в отношении сектантов, приводило к тому, что нормы данного закона оставались фактически не работающими.

Гибель императора Александра II от рук террористов и воцарение Александра III, и последовавшая за этим так называемая политика «контрреформ», явно не способствовала дальнейшей либерализации курса в отношении сектантов и инаковерующих в целом. Как реакция на убийство отца, спустя немногим, более месяца после восшествия на престол, новый император опубликовал ма-

нифест «О призыве всех верных подданных к служению веру и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России» [9, с. 53–54], ставший более известным как манифест «О незыблемости самодержавия». Этот документ, составленный при непосредственном участии обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, фактически стал лейтмотивом всего царствования Александра III. Выражая общую консервативно-охранительную политику нового императора, которая непосредственно затрагивала и сферу государственно-конфессиональных отношений, которые как было сказано выше, были одной из важнейших сфер правового регулирования в Российской империи, так как в условиях конфессионального государства, определяли конституционно-правовой статус населения империи.

Конфессиональная политика империи в период правления императора Александра III, носило ярко выраженный консервативно-охранительный характер, во главе которой стоял уже упоминавшийся выше обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Он видел свою главную задачу в укреплении и распространении православия, как главной опоре государства, усилению единения Церкви, государства и народа. Естественно, что в условиях такой политики, все иные вероисповедания, а тем более религиозные движения сектантского типа, явно не могли, надеется на существенную либерализацию политики по отношению к ним.

Несмотря на принятие закона от 3 мая 1883 года, который несколько либерализовал правовой статус старообрядцев, даровав им совокупность определенных гражданских прав, в отношении сектантов, его нормы практически не работали, кроме того, с начала 80-х годов, при непосредственном участии Синода и К. П. Победоносцева, явно наметилась политика усиления духовной цензуры, и четко выделился консервативно-охранительный вектор конфессиональной политики государства в отношении религиозных сообществ. Была значительно активизирована миссионерская деятельность Православной церкви в отношении инославных конфессий и сектантов, о которой будет сказано отдельно. В свою очередь в условиях, нарастающего консервативного вектора в политике государства, Священный Синод, активно принимал меры направленные на борьбу с сектантством.

Прежде всего, стоит сказать, что предложенные Синодом меры направленные на предупреждение и распространение раскола, были направлены и против сектантов. Основной целью данных мер было, как можно больше ограничить деятельность сектантов и сократить их численность, а при активной миссионерской деятельности Церкви в этот период склонить к Православию.

Синод, предоставил епархиальным архиереям ряд полномочий, направленных на борьбу с сектантством и расколом: «1) организовывать и проводить публичные бе-

седы с раскольниками и сектантами; 2) устраивать противосектантские церковные библиотеки; 3) открывать церковно-приходские школы, с целью просвещения детей сектантов; 4) организовывать наблюдение за православными, живущими в сектантской среде; 5) епархиальные миссионеры и приходские священники обязаны были ежегодно предоставлять сведения о наличии и численности сектантов, непосредственно епархиальному архиерею» [10, с. 161–162]. Кроме того, священнослужителям в приходах было поручено наблюдать за распространением литературы, которая могла носить сектантский или еретический характер.

Однако Министерство Внутренних дел и Синод, вынуждены были констатировать, что, несмотря на достаточно активную борьбу с сектантами, численность последних не только не сокращалась, но даже продолжала увеличиваться, особенно это касалось роста так называемых «рационалистических» сект: баптистов, духоборов, молокан, штундистов и других. «Некоторые из них, в частности штундисты смогли воспользоваться некоторыми нормами закона 3 мая 1883 года, так как в данном законе не было разграничений религиозных групп на более и менее вредные и таким образом, штундисты могли воспользоваться практически теми же правами, которыми данный нормативный акт наделял раскольников» [10, с. 162].

В распространении сектантства, в особенности рационалистических движений, государство усматривало для себя непосредственную угрозу, так как именно подобно рода группы населения, исповедующие устойчивую религиозную идеологию, которая явно или косвенно, была направлена на изменение социальной структуры общества, и вступала в прямое противоречие с вероучением Православной церкви. Активность сектантов и значительное распространение данной секты, особенно в южных губерниях Европейской части страны, вынудили правительство и Синод перейти к решительным действиям в отношении рационалистических сект, в первую очередь молокан и штундистов, и 4 июля 1894 года, правительством был подготовлен, специальный нормативный акт, который фактически запретил всякую деятельность штундистов на территории империи: «О Высочайше утвержденном положении Комитета Министров относительно признания штундистской секты более вредною и о воспрещении штундистам общественных молитвенных собраний» [11, с. 327–328]. На принятии данного положения, особенно настаивал К. П. Победоносцев, он, как и другие консерваторы, воспринимали данные религиозные движения, как враждебное и чуждое для России явление, как результат влияния, и проникновения в страну западноевропейской культуры и идей, соответственно, в отношении сектантов Синод и органы власти, продолжали проводить жесткую политику, не делая им ни каких уступок, какие, к примеру, были даны законом от 3 мая 1883 года, старообрядцам.

Принятие нормативного акта от 4 июля 1894 года, который запретил штундистов и их молитвенные собрания,

было обусловлено, как сказано выше, наличием серьёзных коллизий в законе от 3 мая 1883 года. Закон предоставил, определённую совокупность гражданских прав старообрядцам, и нормами которого стали пользоваться и штундисты, опираясь на противоречия и пробелы данного нормативного акта, который позволял приравнять к раскольникам, в том числе и сектантские движения.

Таким образом, по мысли Синода, принятие положения от 4 июля 1894 года, должно было снять противоречия, которые содержались в законе от 3 мая 1883 года, и чётко установить круг субъектов, на которые распространяются нормы данного закона, исключив, таким образом, из-под его действия сектантов, в первую очередь штундистов. Так же, в процессе правоприменительной практики, выявилось, что наличие коллизий в данном законе, и отсутствие строго установленного круга субъектов, на которые распространяется действие его норм, приводит к путанице и недоразумениям, в действиях суда и местных властей, в процессе рассмотрения дел связанных со штундистами, что в свою очередь значительно затрудняет борьбу с ними. Таким образом, принятием положения от 4 июля 1894 года, штундисты были запрещены и тем самым, выведены из-под действия норм закона о раскольниках. В законе от 4 июля 1894 года, было прямо сказано об этом: «Комитет министров, войдя в обсуждение объяснений Министра Внутренних Дел по вопросам о признании штунды более вредною сектою и об отсутствии в борьбе с нею единства между действиями администрации и суда, пришел к следующим общим выводам: 1) В законе 3 Мая 1883 года не содержится разграничения сект на более и менее вредные, вследствие чего последователи штунды, признанной особо вредною как Святейшим Синодом, так и гражданской администрацией, могут рассчитывать на те льготы и права, которые предоставлены обыкновенным раскольникам; преследование же их деяний на почве означенного закона представляется крайне затруднительным» [11, с. 327], таким образом, власти осознали, что сектанты пользуются нормами закона о раскольниках, в целях улучшения своего положения.

В докладе Министра Внутренних Дел, было сказано, что пользуясь нормами данного закона, штундисты развернули активную деятельность, особенно в губерниях Юго-Западного края, и что их деятельность направлена на распространение своего учения среди православного населения: «... выяснено, что молитвенные собрания штундистов, внося смуту в жизнь местных приходов, не только способствуют укреплению сектантов в их религиозных убеждениях, но и служат самым удобным способом распространения этого лжеучения среди православных» [11, с. 327], тем самым была установлена прозелитическая деятельность штундистских общин среди православного населения и соответственно, вопрос о запрещении деятельности штундистов, оказался решенным.

В законе от 4 июля 1894 года устанавливалось: «Признавая затем, что особо вредное значение штунды пред-

ставляется вполне выясненным и что главным источником распространения её являются именно молитвенные собрания, ... объявить секту штундистов более вредною, с воспрещением штундистам общественных молитвенных собраний» [11, с. 328], таким образом, вводя запрет на деятельность сектантов, правительство, как и раньше принудительными мерами, в виде императивных правовых норм, пыталось добиться религиозного единообразия в стране, однако, все подобные правовые акты, имели скорей обратный результат, они не только ни сокращали количество сектантов, но и приводили, к отрицательным общественным эффектам, создавая вокруг последователей сектантских движений, определенный ореол мучеников, вызывая определенное общественное сочувствие.

Как уже было сказано выше, общий консервативно-охранительный вектор политики государства в вопросе государственно-конфессиональных отношений, был направлен и на усиление духовной цензуры, строгим контролем над изданием и распространением духовной литературы, которая являлась одним из способов распространения сектантских идей. К.П. Победоносцев, не безосновательно считал, что свободное распространение религиозной литературы, неодобренной Синодом, ведет лишь к брожению умов, подрывает влияние и авторитет Православной церкви, что, в конечном счете, создаёт угрозу и государству. «Русское самодержавие, по мнению Победоносцева, в первую очередь, имеет глубокие религиозные корни, опирается не просто на Церковь, как на религиозный институт, но и на глубокую религиозность населения, на единство государства, Церкви и народа» [12, с. 43], поэтому любые идеи и религиозные группы, которые могли представлять угрозу Православной церкви, и подрывали это единство, воспринимались государством, как потенциальная угроза, следовательно, оно употребляло все имеющиеся средства для противодействия сектантам.

Таким образом, усиление духовной цензуры и контроля над издававшейся религиозной литературой, не могло обойти вниманием, общества и организации, занимающиеся её выпуском и распространением, так как было выявлено, что данная литература, содержит в себе сектантские вероучения. По предложению Победоносцева, Кабинетом Министров, было принято решение о прекращении деятельности так называемого «Общества поощрения духовно-нравственного чтения» [13, с. 239], основанного в 1876 году, которое занималось распространением среди населения Библии и духовно-нравственной литературы.

Изучив содержание брошюр, которые распространялись данным обществом, власти, сочли, что они наполнены протестантскими идеями и носят сектантский характер, как говорилось в указе Синода: «... вредны по своему направлению и противны Православному Христианскому учению» [14, с. 192–194]. Так как основателем данного общества был В.А. Пашков, отставной полковник и основатель так называемой секты паш-

ковцев, которая проповедовала протестантские идеи, такие как, «оправдание верою», и по своему вероучению была близка баптистам и штундистам. Сам Пашков, задумав объединить все евангелические секты в России, в некую единую организацию. Для осуществления этой идеи в Санкт-Петербурге с 1 по 5 апреля 1884 года, проходил съезд практически всех евангелических общин со всей страны, однако 6 апреля, участники съезда были арестованы и после допросов в Петропавловской крепости, высланы из столицы. Синод установил, что под вывеской «Общества поощрения духовно-нравственного чтения», действовали пашковцы, поэтому 24 мая 1884 года, было принято положение об окончательном закрытии общества, прекращению издания распространяемой им литературы, и о запрете деятельности В. А. Пашкова и его последователей: «Признав эти брошюры, по их сектантскому направлению и другим недостаткам, непригодными для распространения в народе и подлежащими изъятию из обращения» [14, с. 193]. Вся издательская деятельность пашковцев была прекращена, а сам Пашков вынужден был уехать за границу.

Таким образом, как уже было сказано выше, духовная цензура со стороны Синода, осуществлялась за издательством и распространением религиозной и духовно-нравственной литературы, которая, по мнению К. П. Победоносцева, оказывала непосредственное влияние на умы людей. Поэтому в противовес изданиям, которые проповедовали протестантские и сектантские идеи, было начато массовое издание Православной миссионерской и духовно-просветительской литературы, которая по мысли обер-прокурора, должна была просвещать население в православном, патриотически-монархическом духе.

Помимо законодательного регулирования деятельности сектантов и инаковерующих, значительную долю в правовой сфере государства составляли и судебные дела, связанные с деятельностью различных религиозных сообществ, так как, наличие большого количества преступлений по религиозным составам, означало, что государство придавало большую общественную опасность подобного рода преступлениям. Оно усматривало в них угрозу самим устоям государства и общества.

Наличие большого количества нормативных актов, которые регулировали государственно-конфессиональные отношения в империи, как уже было сказано выше, порождало большое количество правовых коллизий, в силу того, что многие нормы законодательства противоречили друг другу, что в свою очередь, приводило к затруднениям в правоприменительной практике на местах, особенно в сфере судопроизводства по делам связанным с сектантами.

Судопроизводство по делам связанным с сектантством, отличалось значительной трудностью, что было вызвано не только большим количеством нормативных актов и противоречащих друг другу норм права, но и порой сложностью в установлении самого факта события преступления, что было обусловлено несколькими

факторами, в первую очередь в определении всех признаков состава преступления. Сложность заключалась также в том, что значительная часть сектантства вела себя скрытно, поэтому порой была сложность в установлении круга подозреваемых. «Другой сложностью, было то, что в процессе рассмотрения подобного рода дел, необходимо было точно установить субъект преступления, выявить сектантов и их религиозное сообщество, определить догматику и вероучение данной группы, а также для расследования подобного рода дел, необходимо было привлекать представителей церкви» [15, с. 294].

По мере распространения сект и появления новых, количество уголовных дел в отношении них росло, как по статьям связанным с совращением, так и по факту принадлежности к сектантским сообществам, однако, можно констатировать, что правоприменительная практика продолжала оставаться достаточно противоречивой, как вследствие наличия большого количества коллизий в законодательных нормах, так и значительной путанице на уровне местных властей и судебных органов.

Таким образом, государственно-конфессиональная политика в период правления Александра III, была основана, прежде всего, на сохранении господствующего положения Православной церкви и стремлением, если уж не запретить полностью, то всячески ограничить деятельность различного рода сектантских конфессий. Однако нельзя говорить, что политика государства в период царствования Александра III, носила исключительно запретительный характер по отношению к инаковерующим, и была полным разрывом с политикой в период правления Александра II. «Принятие и действие закона от 3 мая 1883 года в отношении старообрядцев, было значительным шагом по пути либерализации конфессиональной политики, несмотря, на ограниченный круг субъектов, на который распространялись его нормы и многочисленные сложности, связанные с реализацией правовых норм, которые были в нём закреплены» [13, с. 246].

Таким образом, государство, проводя консервативно-охранительную политику в конфессиональном вопросе стремилось, главным образом, сохранить привилегированное положение Православной церкви и обеспечить государственную поддержку системе духовной власти, сохранить и укрепить религиозные основы государства. «В данных условиях, существование и деятельность различного рода сектантов, воспринималась как непосредственная угроза государству и церкви, так как сектанты проповедовали вероучения, которые с точки зрения государства, подрывали его религиозные основы, таким образом, свобода вероисповедания, допускалась в той степени, в которой она не противоречила интересам Православной церкви и государства» [7, с. 59]. Любые законодательные акты, которые предоставляли какие-то гражданские права, определённым конфессиональным группам населения, таким как, например, старообрядцам, законом от 3 мая 1883 года, в значительной степени нивелировались, статьями уголовного законодательства,

строго стоявшего на защите интересов государства в профессиональном вопросе.

Предоставляя, определённые гражданские права, отдельным конфессиональным сообществам, государство в первую очередь, руководствовалось не желанием распространить свободу совести на все вероисповедания, а предоставляя совокупность этих прав, с одной стороны стремилось как-то создать правовое поле для их деятельности, как подданных империи, а с другой строго определить их правовой статус, чтобы их деятельность не могла наносить ущерб Православной церкви и государству. То есть, государством, налагался строгий запрет на возможность иноверцев, распространять своё вероучение среди православного населения, в этом, государство видело, сохранение стабильности всего общества.

Вступление на престол императора Николая II, первоначально не привело к каким-либо существенным изменениям в политике государства в отношении сектантов. Первое десятилетие его царствования вплоть до 1905 года, охарактеризовалось, в целом, приверженностью тому курсу, который проводился при Александре III. Обер-прокурором Синода, оставался К. П. Победоносцев, который неуклонно проводил политику усиления влияния Православной церкви, и противился любым попыткам реформирования государственно-конфессиональных отношений в империи, приоритет, как и прежде, отдавался консервативно-охранительным началам.

Однако к концу XIX — началу XX века, уже становилось очевидным, «что Синодальная система управления Православной церковью, переживала глубокий кризис, связанный, с подчинённостью церкви государству, превращению её в бюрократическое ведомство, что соответственно, делало необходимым проведение реформ как в сфере церковно-государственных отношений, так и государственно-конфессиональной политики в целом» [12, с. 55].

Происходило нарастание кризисных явлений в обществе связанных, по сути, с тем, что существовавшие правовые нормы, уже не могли урегулировать общественные отношения, сложившиеся в сфере взаимоотношений между государством и вероисповеданиями. Стоял вопрос, о подлинном реформировании церковно-государственных отношений и введении свободы вероисповедания в империи. Однако власти продолжали следовать консервативно-охранительному вектору в сфере правового статуса инаковерующих. Император Николай II, 26 февраля 1903 года издал манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [16, с. 113—114], который провозглашал незыблемость и неизменность политического строя империи, а в вопросах веры, хотя и утверждал следование законам империи, всё же подтвердил, что инославные и иноверные исповедания пользуются религиозной свободой только в той степени, в которой это установлено законом. Манифест, подтверждал господствующее положение Православной Церкви и стремления государства, содействовать улуч-

шению её положения: «Продолжать деятельное проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы» [16, с. 114].

Способом усовершенствования государственного порядка указывалось укрепление веры и строгое следование законам империи, инославным и иноверным исповеданиям, предоставлялась свобода в отправлении культа в соответствии с действующим законом и по своему вероучению: «Требую от всех исполнения Нашей воли, как высших так и низших, твёрдого противодействия всякому нарушению правильного течения народной жизни и уповая на честное исполнение всеми и каждым их общественного и служебного долга, Мы ..., признали за благо укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным Нашим, инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной» [16, с. 114]. Таким образом, власти с одной стороны провозглашали господствующее положение Православной церкви, а с другой признавали, за инославными и иноверными вероисповеданиями, возможность свободно исповедовать своё вероучение. Однако, данный нормативный акт, не затрагивал положение сектантов, все ограничительные нормы в отношении них продолжали действовать, данный манифест лишь фактически подтвердил желание государства поддерживать установленную законами империи терпимость в вопросах веры, об изменении правового статуса сектантов и о введении полноценной свободы вероисповедания по-прежнему не предусматривалось.

Государство, в вопросе конфессиональной политики, по-прежнему отстаивало положения, закреплённые в законе, в предыдущие десятилетия, хотя становилось очевидным, что к началу XX века, назрела необходимость коренных изменений в вопросах вероисповедной политики.

К началу XX века, назрела необходимость принятия нового уголовного законодательства, так как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое более полувека назад, несмотря на переиздание в нескольких последующих редакциях, уже явно не соответствовало сложившимся общественным отношениям и правовым реалиям, в том числе, и в, части защиты интересов государства в вопросах вероисповедной политики. 22 марта 1903 года, было утверждено новое «Уголовное Уложение» [17, с. 175—274], в котором глава вторая «О нарушении ограждающих веру постановлений», статьи 73—98, была посвящена преступлениям против веры.

О том, что государство по-прежнему относилось к преступлению против веры к тяжким и особо тяжким, говорит тот факт, что данный вид преступлений был помещён во

второй главе, в начале уложения, что подтверждало тот факт, что посягательства на основы религиозного строя, воспринимались государством как одни из самых общественно опасных деяний. Статья 73, прямо предусматривала ответственность за покушения на положение Православной церкви: «Виновный: в возложении хулы на славимого в Единосущной Троице Бога, на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Деву Марию...; в поругании действием или поношении Святых Таинств, Святого Креста, Святых мощей, Святых икон или других предметов, почитаемых Православною или иною Христианскою Церковью священными; в поношении Священного Писания или Церкви Православной и её догматов, или вообще веры Христианской, за сие богохуление или оскорбление святыни...» [17, с. 187–188].

Нормами данной статьи, государство, устанавливало защиту от посягательств на Православную церковь, изменениями по сравнению с Уложением 1845 года, было то, что государство устанавливало и ответственность на посягательство в отношении и «вообще веры Христианской». Здесь государство фактически приравнивало покушения и на инославные конфессии к покушению на интересы Православной церкви, это был шаг вперёд в правовой сфере, по сравнению с Уложением 1845 года, так как там, покушения на инославные вероисповедания, рассматривались, лишь как нарушения общественного и публичного порядка и спокойствия.

В отношении сектантов, новое Уложение 1903 года, по прежнему не делало никаких послаблений, любое распространение ими своего учения, особенно среди православного населения запрещалось, статья 90, прямо предусматривала ответственность за соращение православных: «Виновный в произнесении или чтении, публично, проповеди, речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих к переходу православных в иное вероисповедание или в расколоучение или секту, если сии деяния учинены с целью соращения православных...» [17, с. 190], таким образом, любой прозелитизм среди православного населения был запрещён. Как, и в Уложении 1845 года, в новом уложении, уголовная ответственность наступала не только за распространение вероучений раскольников и сектантов среди православного населения, но и за сам факт принадлежности к некоторым сектам, в первую очередь, к тем, в которых практиковалось членовредительство, статья 96, предусматривала ответственность в виде ссылки на поселение в отдалённые специальные территории: «Виновный в принадлежности к расколоучению или секте, соединенным с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя, или других, или с явно безнравственными действиями, наказывается: ссылкой на поселения в особо предназначенные для сих осужденных местности. Сему же наказанию подлежит виновный в оскотлении самого себя по заблуждению фанатизма» [17, с. 191].

Таким образом, как и в Уложении 1845 года, так и здесь, субъектом преступления по данной статье является лицо, которое по факту является членом изуверской секты, к таким в первую очередь относились скопцы и хлысты, причём ответственность наступала, не только за совершённые действия связанные с посягательством на жизнь и здоровье себя или других, но и за сам факт принадлежности к такому сектантскому сообществу.

Новое Уголовное Уложение 1903 года, по сравнению с предыдущим, пошло по пути смягчения санкций за некоторые виды преступлений. Государство пошло на смягчение наказания за соращение и распространение сектантских вероучений, так как жестокие преследования последних, как правило, приносили лишь обратный результат, к тому подогревали сочувствие к сектантам, в общественном сознании. Теперь главным средством борьбы с сектами становилось не уголовное преследование, а сила духовно-нравственного убеждения духовенства, тем самым, государство делало упор на миссионерскую деятельность Церкви среди сектантов.

В отношении прозелитизма среди православного населения, новое Уложение отличалось противоречивостью норм, которое было обусловлено с одной стороны стремлением государства сохранить привилегированное положение Православной церкви, а с другой, не допуская распространения инославных вероучений среди населения, предоставить различным религиозным сообществам определённые гражданские права. «Здесь государство основывало свою политику на коренном принципе, заложенном в основных законах империи — принципе веротерпимости, согласно которому каждый подданный империи, может свободно исповедовать ту веру, в которой он рождён или какую принял, а так как и Православная церковь может распространять своё вероучение только мерами духовно-нравственного воздействия, то государство устанавливало ответственность, в первую очередь, за принудительное или насильственное обращение лица в какую-либо веру» [18, с. 220].

Это был определённый шаг, по пути либерализации политики государства в отношении религиозных сообществ, однако, по существу, несмотря на то, что государство устанавливало ответственность за любое насильственное соращение в свою веру. Но так как, только Православной церкви позволялось распространять своё вероучение среди последователей иных вероисповеданий, эта норма фактически предусматривала ответственность за насильственное соращение в свою веру последователей иных вероисповеданий, так как подразумевалось, что обращение в Православие не может быть связано с принуждением.

Таким образом, государство устанавливало ответственность за соращение в другую религию связанное с принуждением или злоупотреблением властью. Новое Уголовное уложение в отношении сектантов предусматривало несколько видов наказаний: «за соращение православного в расколоучение или секту — ссылка на посе-

ление; за соvrащение сопряжённое с насилием — ссылку на поселение или каторгу на срок не свыше шести лет; за соvrащение в изуверские секты, в зависимости от вредности секты — каторгу не свыше шести лет или ссылку на поселение в специально предназначенные для такого рода лиц местности. Причём, в отношении изуверских сект, для определения тяжести наказания, учитывался, и кто именно подвергся соvrащению христианин или не христианин, соответственно, в отношении соvrащения православных и христиан вообще наказание было более строгим, чем за соvrащение не христиан. Ответственность за оскпление без насилия — каторгу не свыше шести лет, если же подобного рода деяние было, сопряжено с насильственными действиями санкция возрастала до десяти лет» [18, с. 221].

Так же новое уложение вводило ответственность за публичные действия, которые приводили к распространению раскола. Статья 92 Уложения устанавливала: «Виновный в публичном оказательстве раскола, законом воспрещенном, наказывается денежною пеней не свыше трехсот рублей» [17, с. 190]. «Ответственность по данной статье наступала в случае нарушения норм закона от 3 мая 1883 года, в отношении старообрядцев, нормы которого запрещали публичное оказательство раскола, под которым подразумевались действия направленные на публичное отправление старообрядцами своей веры» [18, с. 222].

Санкцией за подобного рода действия раскольников, государство восполнило пробел в нормах закона от 3 мая 1883 года, в котором, публичные отправления культа раскольникам, хоть и было запрещено, но уголовной ответственности, за данные действия законе не устанавливал. Уложение 1903 года, таким образом, вводило уголовную ответственность за деятельность раскольников в отношении публичной демонстрации ими своей веры, что являлось мерой вновь ужесточающей, политику государства в отношении старообрядцев.

Однако в полной мере, все нормы нового Уложения, так и не вступили в силу, наступала новая эпоха в политике государства по отношению к вероисповеданиям. Революционные события начала XX века и последовавшие за ними изменения в политическом устройстве государства, не могли не затронуть и сферу государственно-конфессиональных отношений. Под давлением революционных событий и осознав, что правовые нормы законодательства империи уже не соответствуют сложившимся общественным отношениям, в сфере регулирования положения различных конфессиональных групп населения, государство пошло на введение свободы вероисповедания. Принятие 17 апреля 1905 года Манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» [19, с. 258–262], ознаменовало собой, существенные изменения в политике государства в отношении, как сектантов, так и иноверцев в целом.

Пункт первый, главы первой манифеста постановлял: «Признать, что отпадение от Православной веры,

в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий...» [19, с. 258–259], таким образом, разрешался свободный выбор веры и переход из одного вероисповедания в другое. Пункт второй главы второй, устанавливал свободу в отношении собраний и публичного отправления культа, как старообрядцев, так и сектантов: «Признать, что постановления закона, дарующие право совершения общественных богослужений и определяющие положение раскола в гражданском отношении, охватывают последователей, как старообрядческих согласий, так и сектантских толков» [19, с. 259].

Таким образом, государство фактически отменяло все ограничения на существование и деятельность раскольников и сектантов, предоставляя им равную совокупность гражданских прав и уравнивая их правовой статус. Данные изменения в законодательстве империи привели к существенной либерализации в политике государства в отношении различных вероисповеданий и конфессиональных групп населения, положив конец преследованиям в стране, старообрядцев и сектантов. Свобода вероисповедания в России, была подтверждена изданием 23 апреля 1906 года «Основных Государственных Законов» империи, в статье 39 которых устанавливалось: «Российские подданные пользуются свободой веры» [20, с. 459].

Итак, рассмотрев и проанализировав эволюцию конфессиональной политики государства в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX века, можно сделать следующие выводы.

Во первых, наличие государственной религии, которой являлось Православие, обуславливало конфессиональный принцип государственной политики в отношении как сектантов, так и всех вероисповеданий вообще. То есть, государственная поддержка системы духовной власти, которая составляла, основу самодержавной монархической власти, следовательно, государство стремилось обеспечить в первую очередь, защиту интересов Православной церкви, ограждая её от возможных посягательств со стороны других религий. Данное положение заключалось, прежде всего, в том, что только Православная церковь могла, заниматься миссионерством и распространением своего вероучения среди всего населения империи, прозелитизм же других конфессий был запрещён.

Во вторых, иерархичность и противоречивость политики государства в отношении различных религиозных групп и конфессий. Данный принцип выражался, прежде всего, в законодательном разделении вероисповеданий империи на более и менее вредные, таким образом, государство стремилось вписать различные религиозные группы в государственную структуру империи, проводя деление конфессий по принципу лояльности государству и близости той или иной веры официальной идеологии. Причём, в отношении сектантов проводилась наиболее жесткая политика, так как данные религиозные группы

представляли собой, как правило, оппозицию существующей государственной и церковной власти, в своём вероучении, отвергали по преимуществу существующие общественно-политические и социально-экономические реалии, таким образом, государство видело в сектах, непосредственную угрозу для себя и всего общества. В отношении раскольников или старообрядцев, государство занимало негативную позицию, так как видело в них, в первую очередь оппозицию официальной Православной церкви, следовательно, государство воспринимало раскол как покушение на религиозные устои империи, которыми являлось Православие.

В третьих, для государственно-конфессиональной политики второй половины XIX века, характерно, возрастание противоречий в законодательстве и увеличение коллизий в правовых нормах, что было вызвано сочетанием в политике государства в данный период двух противоречащих друг другу принципов. С одной стороны политика «великих реформ» Александра II и последующая пореформенная либерализация многих сторон общественной жизни, естественным образом затрагивала и сферу государственно-конфессиональных отношений, что обу-

славливало принятие нормативных актов, которые предоставляли определённым конфессиональным группам некоторые гражданские права, например старообрядцам.

Но с другой стороны, наличие уголовной ответственности за религиозные преступления, фактически нивелировали действия данных законодательных актов. Кроме того, многочисленные коллизии в законодательстве регулирующее положение сектантов и различные вероисповедания, усугублялись противоречиями между местными органами и судебной и церковной властью, что создавало сложности в правоприменительной практике, оставляя данные нормативные акты фактически неработающими. Кроме того, общий консервативно-охранительный вектор государственной политики в отношении конфессий в период правления Александра III и первого десятилетия царствования Николая II, так же не способствовали изменению правового статуса сектантов. Только события начала XX века и введение в действие манифеста от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости», привели к введению свободы вероисповедания и фактическому прекращению преследований в отношении сект и иноверцев.

Литература:

1. «О вере», Свод Основных Государственных законов, издание 1906 года. // Свод Законов Российской Империи. В 16-ти томах и в 5-ти книгах. / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского, Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценборг. СПб., 1912. Книга первая. Том I—III. с. 5—6.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года. Комментарий к разделу второму «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. 432 с.
3. Мельников, П.И. Письма о расколе. // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). В 7 т. Изд. второе. СПб., 1909. Т. 6. 596 с.
4. Яцкевич, В.И. Краткие сведения о Старообрядческом расколе и сектах в Русской церкви с изложением действующего о них законодательства. М., 1900. 86 с.
5. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб», высочайше утвержденное положение Государственного Совета от 3 мая 1883 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Том III, 1883. № 1545. с. 219—221.
6. «Об укреплении начал веротерпимости», высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 17 апреля 1905 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Том XXV, 1905. № 26126. с. 258—262.
7. Верт, П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
8. Миссионерская памятка по вопросам православной веры и церкви, пререкаемым сектантами, с краткими историческими сведениями о русских сектах и их вероучении. / Сост. и изд. И.В. Смолин. СПб., 1911. 238 с.
9. «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России», высочайше утвержденный манифест от 29 апреля 1881 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Том I, 1881. № 118. с. 53—54.
10. Айвазов, И.Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III-го. М., 1913. 222 с.
11. «О высочайше утвержденном положении Комитета Министров относительно признания штундистской секты более вредною и о воспрещении штундистам общественных молитвенных собраний», циркулярный указ Святейшего Правительствующего Синода от 29 декабря 1894 года, № 7. // Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867—1900 гг. / Собр. и изд. А.А. Завьялов. СПб., 1901. с. 327—328.

12. Фирсов, С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х-1918 гг.). М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002. 639 с.
13. Фёдоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700—1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
14. Об изданных Обществом поощрения духовно-нравственного чтения брошюрах», циркулярный указ Святейшего Правительствующего Синода от 20 августа 1884 года, № 9. // Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867—1900 гг. / Собр. и изд. А. А. Завьялов. СПб., 1901. с. 192—194.
15. Лохвицкий, А. В. Курс русского уголовного права. / Изд. Журн. Мин. Юстиц. СПб., 1867. 653 с.
16. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», высочайше утвержденный манифест от 26 февраля 1903 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Том XXIII, Отд. I, 1903. № 22581. с. 113—114.
17. «Уголовное Уложение», высочайше утвержденное положение Государственного Совета от 22 марта 1903 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Том XXIII, Отд. I, 1903. № 22704. с. 175—274.
18. Религиозные преступления по новому Уголовному Уложению. // Законы о раскольниках и сектантах с разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената. / Изд. А. Ф. Сорова. М., 1903. 238 с.
19. «Об укреплении начал веротерпимости», высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 17 апреля 1905 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Том XXV, 1905. № 26126. с. 258—262.
20. «Основные Государственные Законы», высочайше утвержденный именной указ, данный Правительствующему Сенату от 23 апреля 1906 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Том XXVI, Отд. I, 1906. № 27805. с. 459.

Историография локального конфликта на постсоветском пространстве (на примере Карабахского конфликта)

Смолин Антон Алексеевич, студент

Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Научный анализ специальной, посвящённой Карабахскому конфликту литературы, позволяет утверждать, что существует большое количество исследований, отражающих разные, часто ненаучные точки зрения на предмет истории, характера протекания и последствий конфликта. Научная литература по данному вопросу объединяет в себе самые разнообразные подходы.

Актуальность обращения к теме локальных конфликтов на постсоветском пространстве, с точки зрения историографии, вызвана отсутствием систематического подхода к интерпретации этнополитической конфронтации в Закавказье. Карабахский конфликт — это конфликт, имеющий давние исторические и культурные корни (в начале XX века Нагорный Карабах дважды (в 1905—1907 и 1918—1920 гг.) становился ареной кровопролитных армяно-азербайджанских столкновений), который вступил в активную фазу в годы перестройки на фоне резкого подъёма национальных движений.

Поднимая проблему систематизации историографии Карабахского конфликта на постсоветском пространстве, нами гипотетически сформулированы её наиболее дискуссионные аспекты: проблема идентификации причин и сущности (война, вооруженное столкновение, террористический акт) конфликта, определение характера боевых

действий, последствий, международного, этнического, национально-политического значения конфликта.

Проблема территориальной и этнической принадлежности региона, связанная с возвращением азербайджанских беженцев из Карабаха обратно на родину. Данному вопросу свои труды посвятили: британский исследователь-публицист Томас де Ваал [20] и швейцарский журналист Виген Четерян [16]. Эти работы можно отнести к журналистскому блоку исследований. Так же этим вопросом занимался азербайджанский интеллектуал Табиб Гусейнов [6] (сам родом из Нагорного Карабаха). В фокусе его исследований — освещение вопросов, связанных с ходом затянувшегося переговорного процесса противоборствующих сторон. Более многогранно этой проблеме посвящена работа индийской исследовательницы К. Б. Уша [23] (Центр кавказских исследований, Чандигар, Индия). В работе «Евразийские Исследования» она приходит к выводу, что особенностью дипломатических сношений в Карабахском конфликте является стремление сторон к имитации переговорного процесса, нежели чем стремления к достижению конструктивных и взаимоприемлемых решений, не говоря уже об их претворении в жизнь.

Особое внимание причинам карабахской войны уделит французский историк Клер Мурадян [22], он написал

статью «Нагорно-карабахский вопрос: межэтнический конфликт или кризис деколонизации?». Н. Дадвик [21] в своей статье «Нагорный Карабах и политика суверенитета» подробно рассмотрел причины карабахской войны.

Проблема описания знаковых аспектов карабахской войны: создание регулярной армии, конкретные боевые операции, и в особенности взятия, считавшейся неприступной, крепости Шуши. Хотя историография освобождения Шуши и строительства вооруженных сил НКР находится в стадии становления, проделана значительная работа в разработке отдельных теоретических вопросов, связанных с разными углами проблемы увековечивания современной им истории. Из трудов местных авторов-очевидцев можно отметить хронологию, составленную В. Б. Арутюняном [2].

Интересные факты, подробно описывающие весь ход карабахского движения от мирных демонстраций до ширококомасштабных военных действий, представлены в книге известного армянского писателя, публициста и общественного деятеля Зория Балаяна [5]. О военных госпиталях, развернутых в ходе Шушинской операции и заслугах военных медиков в войне посвящена книга основателя военно-медицинской службы Армии Обороны (АО) НКР Валерия Марутяна (1943–1998)[9]. Сведения, посвященные активному участнику Карабахской войны, в том числе и освобождения города Шуши, Вардану Степаняну (1966–1992), представлены в книге Амалии Едигарян [7]. К теме Карабахской войны и формированию АО НКР обращались так же Размик Петросян [10], Днеприк Багдасарян [4], Ованес Айвазян [1], Сенор Асратян [3].

Проблема идентификации локального конфликта.

Проблему затрагивали такие историки как С. М. Маркедонов [8], А. Н. Ямсков [19], Артур Цуциев [15], Ш. В. Александрович [18]. Особенностью карабахского конфликта является то, что этот конфликт тлеет на протяжении нескольких веков, со времен миграции тюркских племен и потери независимости Арцахских (карабахских) княжеств, которые находились попеременно под властью, то персидских шахов, то тюркских шейхов.

С точки зрения антропологического исследовательского метода события исследованы так же Галиной Старовойтовой и Ноной Шахназарян.

Проблему анализа социальных отношений в Карабахе поднимали такие исследователи как Н. Дадвик,

К. Мурадян, С. М. Маркедонов, А. Н. Ямсков, В. А. Шнирельман.

Проблема долговременных социальных последствий карабахской войны нашла своё отражение в монографии российской исследовательницы Ноной Шахназарян [17]. Так же данную проблему рассматривала этнолог Галина Старовойтова [13].

Проблема беспристрастного источниковедческого анализа документов. Исследователи не пришли к единой точке зрения, в каком плане рассматривать периодику — как единый комплекс источников либо как различные типы источников, расположенные в одном месте. Размещение на страничках периодики текстов различных жанров принуждает ряд исследователей ставить вопрос об отказе от рассмотрения повторяющейся печати как одного исторического источника. В. М. Рынков [12] предлагает рассматривать в качестве источниковой единицы каждую отдельно взятую публикацию в газете или журнале. Л. Н. Пушкарёв [11], отмечая разнородность материалов периодики, всё же видел в них единый комплекс.

Таким образом, систематизируя историографию, основываясь на проблемно-ориентированном подходе, удалось выделить семь проблем, которые поднимали историки:

- проблема территориальной и этнической принадлежности региона
- причины карабахской войны
- проблема описания знаковых аспектов карабахской войны
- проблема идентификации локального конфликта
- проблема долговременных социальных последствий карабахской войны
- проблему анализа социальных отношений в Карабахе
- Проблема беспристрастного источниковедческого анализа документов

Приведённая классификация наиболее спорных, дискуссионных проблем историографии конфликта далеко не исчерпывается предложенным списком. Она шире, так как историографический фронт работ по Карабахскому конфликту очень широк и продолжает свой рост, поэтому вопрос систематизации и анализа историографии остаётся актуальным.

Литература:

1. Айвазян, О. Генерал победоносной армии. Ереван, 2001. 286 с.
2. Арутюнян, В. Б. События в Нагорном Карабахе. Ереван, 1994. 380 с.
3. Асратян, С. Карабахская война. Ереван, 2010. 153 с.
4. Багдасарян, Д. С. Противостояние (мемуары). Ереван, 1998. 29 с.
5. Балаян, З. Г. Между адом и раем. Карабахские этюды. Ереван, 1995. 413 с.
6. Гусейнов, Т. Момент истины в Нагорно-Карабахском диалоге. 2010. URL: <http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/south-caucasus/azerbaijan/huseynov-a-moment-of-truth-in-the-nagorno-karabakh-talks.aspx> (Дата обращения: 07.11.2015).
7. Едигарян, А. Предки наши, Шуши свободен. Ереван, 1997. 123 с.

8. Маркедонов, С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Ереван, 2012. 455 с.
9. Марутян, В. У войны долгий след. Ереван, 1996. 213 с.
10. Петросян, Р. А. На позициях защиты Арцаха. Ереван, 1997. 230 с.
11. Пушкарёв, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 282 с.
12. Рынков, В. М. Периодическая печать: проблема дифференциации документальных и повествовательных источников / Ин-т истории СО РАН. URL: [http:// http://history.nsc.ru/snm/rynkov2.html](http://history.nsc.ru/snm/rynkov2.html) (Дата обращения: 10.12.2015)
13. Старовойтова, Г. В. «Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев», М., 1999. 96 с.
14. Ступишин, В. П. Кто есть кто в России и в ближнем зарубежье. М., 1993. 783 с.
15. Цуциев, А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Издательство «Европа», 2006. 228 с.
16. Четерян, В. Малые войны и большая игра, Ереван. 2003. 126 с.
17. Шахназарян, Н. В тесных объятиях традиции: война и патриархат. СПб., 2011. 124 с.
18. Шнирельман, В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С.44–45.
19. Ямсков, А. Н. Традиционное землепользование кочевников исторического Карабаха и современный армяно-азербайджанский этнотерриториальный конфликт // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. Ред.: Олкотт М., Малашенко А. М.: Московский Центр Карнеги, 1998, с. 168–197.
20. De Waal T. A Broken Region: The Persistent Failure of Integration Projects in the South Caucasus. // *Europe-Asia Studies*. 2012. № 2.
21. Dudwick, N. Nagorno-Krabakh and the Politics of Sovereignty. In *Transcaucasia, Nationalism, and Social Change. Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia*. Michigan, 1996.
22. Mouradian, C. The Mountainous Karabagh Question: Inter-Ethnic Conflict or Decolonization Crisis? // *Armenian Review*. 1990. № 43.
23. Usha, K. B. Ethnic conflicts and human security in South Caucasus and Caspian Region: the Case of Nagorno-Karabakh. <http://www.silkroadstudies.org/new/inside/publications/19NBook.pdf> (дата обращения: 10.12.2015)

ПСИХОЛОГИЯ

Личностные и психоэмоциональные особенности людей творческих профессий

Аскольдович Елена Вячеславовна, медицинский психолог
БУЗ ВО «ВГКП № 15 (студенческая)»

Хабарова Татьяна Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент
Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Феномен творчества долгое время ускользал от точного психологического эксперимента, так как реальная жизненная ситуация не укладывалась в его рамки, всегда ограниченные заданной деятельностью, заданной целью.

Для понимания творчества в целом необходимо знание особенностей творческой личности, поскольку факт, что творчество начинается именно с творческой личности, сомнений не вызывает.

Ключевые слова: *творчество, творческие профессии, исследование личностных и психоэмоциональных особенностей, уровень депрессивности, личностная и ситуативная тревожность, творческий потенциал, взаимосвязи признаков.*

Актуальность темы. Каждое из известных нам направлений психологического знания так или иначе затрагивало проблему творчества, и работавшие в этих направлениях исследователи делали попытки найти конкретные определения понятиям творчества, творческой деятельности, творческой личности. И совсем не удивительно то, что каждое направление изучало данный вопрос, исходя из положений своих собственных теорий, не задаваясь целью интеграции проведенных исследований.

В психологии наиболее изучено решение нестандартных творческих задач. Прогресс в изучении этого направления можно объяснить его близостью к исследованиям интеллекта и мышления, в данном направлении многие исследователи добились определенных результатов, без сомнения, важных для психологии творчества и психологической науки в целом. Но другие сферы творчества остаются за гранью точного описания (например, наименее изучены аспекты художественного творчества, поскольку они малодоступны методологии). До сих пор остаётся не ясным, что следует, собственно, изучать в этом многофакторном феномене, который именуется творчеством [1,2,3,4,6,7,10,11].

Проведённое нами исследование призвано определить, является ли профессионально обусловленная творческая деятельность проявлением личностных и психоэмоциональных особенностей творческого человека, которые отличают его от людей, не занимающихся творчеством. Данная статья опирается на исследование личностных и психоэмоциональных особенностей людей, за-

нимающихся творчеством и получивших специальное образование

Цель исследования: изучение личностных и психоэмоциональных особенностей людей творческих профессий.

В соответствии с целью исследования были сформулированы следующие задачи:

1. Изучить черты личности людей творческих профессий.
2. Определить уровень депрессивности людей творческих профессий.
3. Определить уровень личностной и ситуативной тревожности у людей творческих профессий.
4. Определить уровень творческого потенциала.
5. Выявить взаимосвязи между личностными и психоэмоциональными показателями людей творческих профессий.

В качестве основной гипотезы исследования было выдвинуто следующее предположение:

Личностные и психоэмоциональные особенности людей творческих профессий отличаются от личностных и психоэмоциональных особенностей людей, не занимающихся творчеством.

Материалы и методы исследования

Время проведения поперечного исследования — март-апрель 2008 года. Исследование проводилось как в группах, так и индивидуально.

Исследование личностных особенностей людей творческих профессий проводилось среди студентов старших курсов и выпускников высших учебных заведений: Российская Академия Художеств, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (С-Пб. ГАИЖСА им. И. Е. Репина), Театральная Академия (г. Санкт-Петербург), Колледж культуры и искусств (г. Архангельск) — и нескольких человек, уже давно работающих в сфере творчества (обучавшихся по специальностям «архитектор-художник», «художник-постановщик», «режиссёр театра», «дизайнер»). Контрольная группа набиралась из числа студентов и выпускников (молодых специалистов) Архангельского Государственного Технического Университета (АГТУ), Северного Государственного Медицинского Университета (СГМУ) и Поморского Государственного Университета (ПГУ), не занимающихся творчеством.

Экспериментальную группу составили люди творческих профессий ($n=24$), получивших специальное образование (большой частью, художественное), средний возраст которых составляет $22,71 \pm 5,36$ лет.

Контрольная группа ($n=22$) состоит из людей нетворческих профессий, средний возраст которых составляет $21,77 \pm 1,48$ года.

Предметом нашего исследования являются личностные и психоэмоциональные особенности людей творческих профессий. Изначально акцент делался в большей степени на художников и людей профессий, связанных именно со сферой изобразительного искусства.

Для сбора эмпирических данных использовались следующие методы:

- анкетирование;
- 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла;
- опросник депрессивности Бека;
- тест на исследование тревожности STAI («State — Trait Anxiety Inventory» Спилбергера);
- тест на оценку уровня творческого потенциала;
- тест «Дерево».

Для обработки эмпирических данных, полученных на первом этапе нашего исследования, использовались следующие методы математической статистики:

- проверка нормальности распределения резуль- тативного признака с помощью критерия Шапиро-Уилко;
- выявление различий в распределении признака, используя t -критерий Стьюдента;
- исследование взаимосвязи между признаками, используя коэффициент линейной корреляции Пирсона.

Математико-статистическая обработка эмпирических данных производилась с помощью программы «SPSS 10.0 for Windows».

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование личностных особенностей людей творческих профессий показало, что творческим людям более свойственны такие особенности, как самоуверенность, доминантность, конфликтность, нетрадиционность и независимость, чем людям, не занимающимся творчеством

(значимые различия по фактору Е (Доминантность-Подчиненность) личностного опросника Кеттелла при уровне статистической значимости $p \leq 0,05$).

Люди творческих профессий в большей степени склонны к пренебрежению правилами, невыдержанности в социальных отношениях, непостоянству, пренебрежению обязательствами перед людьми (значимые различия по фактору G (Сознательность-Безответственность), $p \leq 0,05$).

Также были выявлены значимые различия по фактору N (Дипломатичность-Прямолинейность) при уровне статистической значимости $p \leq 0,05$, что говорит о меньшей степени вежливости людей творческих профессий, они менее скованы правилами и стандартами общества, их интересы чаще могут быть неопределенными.

Творческим людям труднее действовать в сложной групповой иерархии, они склонны расточать свою энергию вместо того, чтобы направлять ее в определенное русло (значимые различия по фактору Q3 (Недисциплинируемость-Контролируемость), $p \leq 0,05$).

Полученные с помощью 16-факторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла данные и результаты математико-статистической обработки представлены в таблице 1.

У людей творческих профессий показатель уровня депрессивности выше, чем у не занимающихся творчеством испытуемых (значимые различия при уровне достоверности $p \leq 0,05$).

Эти результаты имеют общие черты с описанными в литературе особенностями творческого человека. Примером могут быть черты самоактуализирующегося человека (Маслоу А. Г., 1999): спонтанность, естественность, креативность, отстранённость, потребность в уединении, автономность, активность, сопротивление культурным влияниям.

Склонность противостоять мнению окружающих и способность рисковать и преодолевать препятствия как личностные особенности творческого человека, выявленные в данном исследовании, ранее были отмечены и Стернбергом (Дружинин В. Н., 1999).

По показателям реактивной и личностной тревожности не было выявлено значимых различий между людьми, профессионально занимающимися творчеством и людьми, творчеством не занимающимися. При этом в группе людей творческих профессий показатели тревожности находились на среднем уровне.

Люди творческих профессий продемонстрировали средний уровень творческого потенциала. Достоверно значимых различий между показателями уровня творческого потенциала сравниваемых групп выявлено не было.

Исследование взаимосвязей между личностными факторами и психоэмоциональными показателями людей, профессионально занимающихся творчеством, показало наличие ряда взаимосвязей.

Между фактором С (Эмоциональная устойчивость-Эмоциональная неустойчивость) и уровнем депрессивности существует обратная связь умеренной силы ($r = -0,442$,

Таблица 1. Сравнительные результаты личностных особенностей людей творческих профессий и людей, не занимающихся творчеством (результаты и достоверность различий $M \pm m$ стенов)

Обозначение фактора	Люди творческих профессий (24 человека)	Люди нетворческих профессий (22 человека)	Достоверность различий
A	5,50 ± 1,75	5,95 ± 1,99	p > 0,05
B	6,63 ± 2,46	6,00 ± 2,20	p > 0,05
C	6,29 ± 2,12	6,27 ± 1,75	p > 0,05
E	5,25 ± 1,73	4,55 ± 1,63	p < 0,05*
F	6,29 ± 1,33	5,77 ± 1,66	p > 0,05
G	5,08 ± 2,17	6,05 ± 1,29	p < 0,05*
H	6,17 ± 1,84	6,05 ± 1,79	p > 0,05
I	5,83 ± 2,06	5,91 ± 2,33	p > 0,05
L	4,17 ± 1,58	4,28 ± 1,45	p > 0,05
M	4,50 ± 1,47	4,05 ± 2,08	p > 0,05
N	5,75 ± 1,73	6,82 ± 1,56	p < 0,05*
O	5,33 ± 1,99	4,96 ± 1,91	p > 0,05
Q1	5,29 ± 1,90	5,41 ± 1,71	p > 0,05
Q2	5,25 ± 1,70	5,23 ± 1,88	p > 0,05
Q3	5,79 ± 2,06	6,59 ± 1,59	p < 0,05*
Q4	4,21 ± 1,41	4,00 ± 1,72	p > 0,05

Примечание: звёздочкой * отмечены значимые различия выборок; А — Отзывчивость-Отчужденность, В — Интеллект, С — Эмоциональная устойчивость-Эмоциональная неустойчивость, Е — Доминантность-Подчиненность, F — Рассудительность-Беспечность, G — Сознательность-Безответственность, Н — Смелость-Робость, I — Жесткость-Мягкость, L — Доверчивость-Подозрительность, М — Мечтательность-Практичность, N — Дипломатичность-Прямолинейность, O — Склонность к опасениям-Спокойствие, Q1 — Радикализм-Консерватизм, Q2 — Самодостаточность-Конформизм, Q3 — Недисциплинированность-Контролируемость, Q4 — Расслабленность-Напряженность.

$p \leq 0,05$), также эмоциональная устойчивость имеет умеренную обратную связь с реактивной тревожностью ($r = -0,485, p \leq 0,05$) и обратную связь средней силы с личностной тревожностью ($r = -0,534, p \leq 0,01$).

Обратная связь средней силы наблюдается между фактором Н (Смелость-Робость) и уровнем личностной тревожности ($r = -0,554, p \leq 0,01$).

Между фактором М (Мечтательность-Практичность) и уровнем реактивной тревожности существует обратная связь умеренной силы ($r = -0,462, p \leq 0,05$). Обратная умеренная связь наблюдается и между фактором М и уровнем личностной тревожности ($r = -0,485, p \leq 0,05$).

Связь умеренной силы существует между фактором O (Склонность к опасениям-Спокойствие) и уровнем реактивной тревожности ($r = 0,410, p \leq 0,05$). Между фактором O и уровнем личностной тревожности выявлена связь средней силы ($r = 0,555, p \leq 0,01$).

Между фактором Q4 (Расслабленность-Напряженность) личностного опросника Кеттелла и уровнем личностной тревожности существует средняя связь ($r = 0,573, p \leq 0,01$).

Связь средней силы была выявлена между показателями уровня депрессивности и личностной тревожности ($r = 0,531, p \leq 0,01$).

Таким образом, основная гипотеза исследования о том, что личностные и психоэмоциональные особен-

ности людей творческих профессий отличаются от личностных и психоэмоциональных особенностей людей, не занимающихся творчеством, нашла в нашей работе свое частичное подтверждение.

Учитывая актуальность изучения личностных и психоэмоциональных особенностей людей творческих профессий, желательно продолжить исследование, увеличив выборку обследуемых, чтобы получить более точные результаты.

Также среди перспектив данного исследования можно выделить включение в выборку людей творческих профессий более старшего возраста, т.е. людей, которые профессионально занимаются творческой деятельностью уже определенный период времени (можно предположить, что личностные особенности данной группы имеют ещё более специфические черты).

Еще одним направлением развития проведённого исследования можно предложить исследование различий между творческими людьми разных профессий (актёрами, художниками, писателями, режиссёрами).

Также интересным было бы исследование различий личностных особенностей между группами людей творческих профессий и людьми, занимающимися творчеством, но не получившими специального образования в данной сфере (непрофессиональными художниками, актёрами, музыкантами, писателями, режиссёрами и т.д.).

Выводы:

1. В ходе проведенного исследования выяснилось, что творческим людям более свойственны такие личностные особенности, как самоуверенность, доминантность, конфликтность, нетрадиционность и независимость, чем людям, не занимающимся творчеством. Люди творческих профессий в большей степени склонны к пренебрежению правилами, невыдержанности в социальных отношениях, непостоянству, пренебрежению обязательствами перед людьми. Также творческие люди имеют тенденцию к меньшей степени вежливости, они менее скованы правилами и стандартами общества. Творческим людям труднее действовать в сложной групповой иерархии, они склонны расточать свою энергию вместо того, чтобы направлять ее в определенное русло.

2. Показатель уровня депрессивности творческих людей выше, чем у не занимающихся творчеством испытуемых. Однако следует отметить, что данный показатель в группе творческих людей все же находится на низком уровне (отсутствие признаков депрессии).

3. По показателям реактивной и личностной тревожности люди, профессионально занимающиеся творчеством, не отличаются от людей, творчеством не занимающихся.

4. Люди творческих профессий продемонстрировали средний уровень творческого потенциала. Достоверно значимых различий между показателями уровня творческого потенциала сравниваемых групп выявлено не было.

5. В исследуемой группе людей творческих профессий существует ряд взаимосвязей между личностными и психоэмоциональными показателями. В частности, выяснилось, что эмоциональная устойчивость обратно пропорциональна таким показателям, как уровень депрессивности, реактивная и личностная тревожность. Также обратная связь существует между смелостью как личностной характеристикой и уровнем личностной тревожности. Склонность творческого человека к мечтательности обратно пропорциональна реактивной и личностной тревожности, что является довольно неожиданным результатом. Между склонностью к опасениям, подозрительности и реактивной и личностной тревожностью была обнаружена прямая связь. А уровень напряженности, в свою очередь, зависит от уровня личностной тревожности творческого человека. Также взаимосвязаны между собой уровень депрессивности и личностная тревожность.

Литература:

1. Вассерман, Л. И., Щелкова О. Ю. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение / Л. И. Вассерман, О. Ю. Щелкова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 736 с.
2. Дилео, Д. Детский рисунок: Диагностика и интерпретация. Пер. с английского Е. Н. Дубина / Д. Дилео, Е. Н. Дубин. — М.: Эксмо, 2006. — 265 с.
3. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. — СПб.: Питер Ком, 2008. — 368 с.
4. Куташов, В. А., Глухов А. А., Степанян Н. А., Рог А. И. и др. Статистика в медицинских исследованиях. Монография. Воронеж, 200 с.
5. Куташов, В. А., Барабанова Л. В., Куташова Л. А. Современная медицинская психология. Воронеж, 2013. — 170 с.
6. Куташов, В. А., Коротких Д. В. Психотерапия. Руководство. Том 1. Монография / Воронеж: ВГМА, 2014. — 729 с.
7. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность. Пер. с англ. Татлыбаевой А. М. / А. Г. Маслоу. — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.
8. Немов, Р. С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. — М.: ВЛАДОС, 2003. — Кн. 1: Общие основы психологии / Р. С. Немов. — 688 с.
9. Немов, Р. С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. — М.: ВЛАДОС, 2003. — Кн. 3: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики / Р. С. Немов. — 640 с.
10. Олешко, В. Ф. Психология журналистики. Учебное пособие / В. Ф. Олешко. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006. — 240 с.
11. Первин, Л., Джон О. Психология личности: Теории и исследования / Пер. с англ. М. С. Жамкочьян под ред. В. С. Магуна — М.: Аспект Пресс, 2001. — 607 с.
12. Подбор и проверка персонала / Сост. Литвинцева Н. А. — М.: Монарх, 2004. — 405 с.
13. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. — СПб.: ООО «Речь», 2004. — 350 с.

Язык и культура

Ахмедова Муяссар Ходиматовна, кандидат психологических наук, доцент
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Известно, что язык как важнейший элемент речи выполняет величайшую социальную миссию как передача последующему будущему поколению накопленных человеческим обществом опыта и знаний.

Язык как форма культуры увековечивает плоды мышления и культурные ценности во времени и пространстве, которые постоянно предполагают друг друга и способствуют взаимному существованию и развитию. Мышление свойственно только человеку. Оно существует совместно с трудовой и речевой деятельностью людей. Мышление проявляется через речь и кодируется в языке как его последствие.

Язык зеркало души нации. В языке отражается искусство, литература, история, традиции, мировоззрение, чаяния, патриотические чувства нации. Каждое слово и каждая его форма есть результат мышления и чувствования. С помощью языка выражаются особенности Родины и народа. Уважение к родному языку и уместное пользование его бесценными возможностями, умение ясно и действительно говорить и писать, достижение речевой грамотности является первостепенным долгом каждого, являющегося носителем данного языка.

В последние годы в связи с развитием общества весьма заметным становится повышение интереса и потребностей к изучению иностранных языков.

Также и сегодняшний день научно-технический прогресс оказывается главным стимулятором изучения не одного, а нескольких иностранных языков. В частности, повсеместные телекоммуникации, телевидение, интернет и радиоканалы доставляют своим потребителям существующую во всём мире информацию посредством нескольких языков. В целях использования ими этих же языков издаются различного рода указания и рекомендации. Следовательно, проблемы обучения языку и изучения языка во все времена оставались злободневными. Как отмечал один из просветителей-джадидов Махмуд ходжа Бехбуди, говоря о значении изучения языков, утверждал, что «необходимы не два, а четыре языка». При этом он имел в виду изучение турецкого, персидского и русского языков, которые были весьма популярными в его время. Потребность в знании нескольких языков является одной из важной.

Человек, изучая какой-либо язык, также осваивает несколько национальные качества, традиции и культуру носителей его. Человек, знающий несколько языков, оказывается в числе освоивших культуру нации или народа того или иного языка. Ибо язык наделён специфической только для него национальностью и культурой.

Как отмечал президент И. А. Каримов в своей знаменитой книге «Высокая духовность — непобедимая сила», «Самосознание, выражение национального сознания

и мышления, духовная связь между поколениями проявляется через язык. Все хорошие качества находят путь к сердцу человека, прежде всего, через колыбельную матери, впитывается посредством неповторимой прелести родного языка. Родной язык — это душа нации».

Язык результат возникновения культуры и её самой, что, в свою очередь, является результатом научных прогнозов в определённой культуре и языке.

В ходе освоения иностранного языка изучение культуры данной нации, приобретение опыта, освоение духовных знаний, и вообще, осознание места её истории, литературы, искусства в развитии общества является одним из важных этапов.

В истории мировой лингвистики наблюдается возникновение различных по сути подходов к явлению языка. На настоящем этапе развития языкознания особо приоритетным направлением оказывается исследование лингвистических единиц с антропоцентрической точки зрения. Причиной тому послужило то, что говорящий и слушающий как субъекты речевой деятельности оказались вне поля внимания исследователей. Ведение дискуссий о речевой деятельности без говорящих и слушающих стало обычным делом. Хотя, несомненно, что никакой язык невозможно полно и правильно изучить без его «хозяина — носителя».

Как отмечал в своё время Л. С. Выготский в своей теории развития личности, совместимость детского мировоззрения с окружающей средой и восприятие всего этого непосредственно связаны с социально-культурной средой, а также его культурным мировоззрением. Каждый язык отражает в себе историю, развитие, опыт, религию, национальные традиции, искусство, культуру, духовные ценности того народа, которому он принадлежит.

Богатство языка непосредственно связано с народным творчеством. Любое выражение, поговорка или поговорка и т.п. являются результатом проявления особенностей, своеобразной мудрости того или иного народа. Проявление богатства того или иного языка зависит от мастерства великих мастеров слова — поэтов и писателей, сумевших создать высоко художественные произведения.

В настоящее время, как всем известно, английский язык является самым распространённым. На данном языке разговаривают почти во всех странах мира. Как говорилось выше английский язык, как и любой другой иностранный язык, обладает специфическими только для него национальными и психологическими особенностями. Говоря иначе, следует отметить, что в английском языке нашли своё отражение менталитет, традиции, мировоззрение, мысли и чаяния английского народа.

Согласно исследованиям специалистов английского языка, стало известно, что английский народ является одним из самых этичных, вежливых, оптимистичных народов. Да и слов, которые выражают радость, вежливость, как наблюдается, также не мало.

В английском широко используются слова, которые выражают удивление, радость. Кроме этого в английском языке слова, выражающие прощение, сожаление отличаются силой выражения.

Национальный характер узбекского народа также зависит от характера выражаемых в языке слов, которые служат для выражения уравновешанности, милосердия, дружелюбности и т.п.

Подобного рода национальные особенности проявляются в языке также на примере слов-приветствий. Например, в привычках узбеков после обычных слов-приветствий типа “Ассалому алайкум” и в ответ “Во алайкум ассалом” принято спрашивать о самочувствии, здоровье друг друга, а потом — о семье, детях, а также о самочувствии остальных членов семьи.

Однако у англичан традиции приветствия отличаются от наших, и в английском языке существует свой комплекс слов-приветствий. Точно также в русском, немецком, китайском, японском народах процесс приветствия а комплекс слов, используемых при этом отличаются друг от друга.

У разных национальностей культура приветствия, провоза, приглашения, поведения на улице своеобразна. Такие же отличия наблюдаются как в узбекской, так и в английской культуре общения. Эти моменты нельзя не учитывать.

Только в случае всестороннего овладения иностранным языком, культурой, национальными традициями носителей данного языка возможны полное и свободное понимание и обмен информацией между представителями различных народов. В результате расширяется круг знаний, и межисследовательское сотрудничество, развиваются торговля, экономика, дружеские отношения, соглашения. Расширяются возможности для внедрения межгосударственных новых технологий и ввода инвестиций, что, в свою очередь, способствует развитию отдельной страны или отдельно взятого государства.

Знать язык, но не знать культуру его носителей всегда отрицательно влияет на процесс общения. Всестороннее овладение языком и его культурой открывают пути для развития всех отраслей. В настоящее время наряду с изучением иностранного языка всестороннее овладение его национальных особенностей и культуры становится велением времени.

Чаяния, желания, богатая культура и менталитет, своеобразные ценности нашего народа с тысячелетней историей нашли свое отражение в нашем родном языке. Узбекский язык вобрал в себя все особенности, свойственные узбекскому народу и это не преувеличение. Народная мудрость, сообразительность, любовь к добру и ненависть ко злу находят свое красочно разнообразное выражение во всех используемых нами словах, пословицах и т.п.

Как известно из истории, узбекский народ был признан самым трудолюбивым на территории Средней Азии, что нашло свое выражение в устном народном творчестве, а именно в пословицах и поговорках, дастанах и сказках. Пословицы, поговорки, и афоризмы существует и у других народов. Хотя они близки и похожи по значению, но их нельзя выразить словесно.

Интересно то, что у таких понятий как честность, добросовестность, свойственных для узбекского народа существует множество эквивалентов. Они в основном выражаются такими словами как совесть—инсоф, совесть—виждон, вера—иймон, объективность—халислик, бескористие — бегаразлик, смелость—мардлик, доблесть—жўмардлик, честность — халоллик и др. Эти слова в других языках не имеют точного перевода. Существуют лишь близкие по их значению слова.

Вообще, все особенности, свойственные узбекскому народу, нашли своё неповторимое отражение в нашем малом родном языке. Каждый рождённый человек в ходе освоения речи и языка непосредственно осваивает и национальные особенности родного языка. Однако наибольшей эффективности в этом деле возможно достичь лишь тогда, когда сущность национальных особенностей, исторические факторы и др. изучаются путём анализа логических знаний о них. К сожалению, не всегда такое осуществляется. Ибо человек в ходе освоения каких-либо знаний или сведений, прежде всего, опирается на свои источники знания. Новые сведения он подсознательно сверяет, находит, анализирует сходства и отличия в них, делает свои выводы по ним, а также основываясь на них, усваивает их в соответствии со своими потребностями. Именно при таком процессе, если человеку не хватает необходимых знаний и сведений или, если они неверные, изучаемое понятие закрепляется в таком виде или наоборот.

Как известно из истории, узбекский народ с древних времён внёс и вносит свой большой вклад в развитие цивилизации. Узбекский менталитет вобрал в себя такие качества, как мудрость, сообразительность, приветливость. Они нашли своё выражение и в нашем языке. В этом смысле особую привлекательность приобретают наши пословицы и поговорки типа Илм олиш нинада кудук қазиш билан тенгдир — учиться труднее, чем рыть колодец; Еридан айрилган етти йил йиғлар, Элидан айрилган ўлгунча йиғлар. — Кто лишился своей земли плачет семь лет, а кто — своего народа — до смерти. Она юртинг омон бўлса, ранг-у рўйинг сомон бўлмас. — Если у тебя есть родина, значит, с тобой ничего не случится.

Форма “Вы” со значением уважения, почитания свойственна только узбекскому языку: — Итак, Алишербек, Вы чей отрок? — спросил неизвестный человек.

— Гиясидина Кичкины, — ответил Алишербек. (Айбек)

В нашем языке нашли свое выражение и такие качества узбекского народа, как скромность, быть незаметным в проделанной работе и это тоже можно назвать одним из основных свойств языка. Это мы можем увидеть

при употреблении местоимения «биз — мы» 1-лица мн. числа вместо местоимения «мен — я» 1-лица ед. числа. Например: вместо «Я выиграл на конкурсе» говорится «Мы выиграла на конкурсе».

Следовательно, мы в процессе изучения какого-либо языка сталкиваемся с менталитетом, национальным характером, другими различиями, которые отличает его от других языков. Такое обстоятельство вызывает большой интерес к изучению иностранного языка у каждого же-

лающего. Появляется чувство уважения по отношению к традициям, национальным особенностям того народа, язык, которого изучается.

В заключении следует отметить, что изучение иностранного языка даёт возможность знания самых последних достижений НТП, ближе познакомиться с традициями, обрядами, образом жизни, культуры других национальностей, установления связей на международном уровне, а также сотрудничества с ними.

Литература:

1. Каримов, И. Юксак маънавият — энгилмас куч. Тошкент. 2008. 83-б.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь. / Собрание соч. в 6-ти томах. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
3. Ёкубов, И. Чет тилини ўрганиш, ўргатиш ва маданият. Чет тилини ўқитишда янги педагогик ва ахборот коммуникация технологияларидан самарали фойдаланиш масалалари Республика илмий-амалий конференция материаллари. Тошкент. 2014 й 28 март. 77—78б.
4. Сафонова, В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. — Воронеж: Истоки, 1996.

Исследование проявлений агрессивности первокурсников колледжа

Бобровникова Наталия Сергеевна, аспирант

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

В статье рассмотрены понятия агрессии и агрессивности, причины, шкалы и показатели агрессивности. Представлены результаты исследования агрессивности первокурсников колледжа по психолого-педагогической методике «Опросник Л. Г. Почебут». Рассмотрены основные направления профилактики агрессивности в подростковой среде.

Ключевые слова: буллинг, агрессия, агрессивность, вербальная агрессия, физическая агрессия, предметная агрессия, эмоциональная агрессия, самоагрессия, коррекция, профилактика.

Человечество на протяжении всего своего существования постоянно сталкивается со всевозможными проявлениями агрессии, доказывая, что она является неотъемлемой частью жизни индивидуума и социума. Даже повседневная жизнь ничем не выделяющегося человека пестрит ссорами, скандалами и прочими проявлениями враждебности. К примеру «дедовщина» в армии, или ссоры в школе и колледже, одно из направлений агрессии называемое буллингом. Буллинг (англ. bullying) — агрессивное преследование одного из членов коллектива (особенно коллектива школьников и студентов, но также и коллег) со стороны остальных членов коллектива или его части. К сожалению, сейчас это явление приобрело огромную актуальность [7, с.82].

Разбираясь в самом понятии «агрессивность» можно понять, что в переводе с латинского языка «агрессия» означает «нападение». В современном мире термин «агрессия» имеет бесчисленное количество значений. Следует отметить, что данное проявление всегда связано отрицательными эмоциями, и с негативными мотивами, а также с установками на разрушающие деяния.

Агрессивность — устойчивая характеристика субъекта, отражающая его предрасположенность к поведению, целью которого является причинение вреда окружающему, либо подобное аффективное состояние (гнев, злость) [2].

Агрессия — сильная активность, стремление к самоутверждению акты враждебности, атаки, разрушения, то есть действия, которые вредят другому лицу или объекту [1, с.15].

Среди отечественных исследователей психологов этой проблемой активно занимаются Т. Г. Румянцева и И. Б. Бойко. Они считают, что агрессия — это некая форма социального поведения, которая реализуется в контексте социального взаимодействия, но при всем этом поведение будет считаться агрессивным только в двух случаях: когда имеют место губительные для жертвы последствия, и когда нарушаются нормы поведения [6, с. 42—43].

Основной причиной агрессии принято считать различные конфликты, в том числе внутренние, при этом такие психологические процессы как эмпатия, идентифи-

кация, децентрация — сдерживают агрессию, так как являются ключом к пониманию других и осознанию их самостоятельной ценности [4, с. 806—808].

Как уже говорилось ранее, виды агрессии очень разнообразны. Попробуем разобраться в основных разновидностях, для более четкого определения понятий. Изучив основные литературные источники, можно сделать вывод, что в практической психологии принято использовать классификацию американских психологов А. Басса и А. Дарки, включающую пять составляющих:

- физическая агрессия — на другого индивидуума используется физическое воздействие;
- косвенная агрессия — происходит скрытым путём (недобрые подшучивания, создание сплетен) или не направлена на конкретного человека (беспричинные крики, топание ногами, другие проявления взрывов ярости);
- раздражение — повышенная возбудимость на внешние раздражители, которая зачастую приводит к всплеску отрицательных эмоций;
- вербальная агрессия — проявление негативных чувств через вербальные реакции (визг, крики, ругань, угрозы и т.д.);
- негативизм — оппозиционное поведение, которое может проявляться как в пассивной, так и в активной форме борьбы против установившихся законов и традиций [3].

Х. Хекхаузен, выделяет инструментальную и враждебную агрессию. Враждебная наносит огромный вред другому человеку, а также является самоцелью. Инструментальная же используется как некое промежуточное явление в достижении какой-либо цели (например, вымогательство).

Наиболее распространёнными в обычной жизни проявлениями агрессивности можно назвать: повышение голоса, злословие, оскорбления, принуждение, физическое воздействие. А вот скрытые формы агрессии включают в себя вредоносное бездействие, уход от какого-либо контакта, причинение вреда себе вплоть до самоубийства [7].

В подростковом возрасте происходит переоценка всех ценностей, которые были ранее важны для ребенка. Подросток пытается встать на новую социальную «ступень», соответствующую его новым интересам. Эти обстоятельства: переход от опекаемого взрослыми детства к самостоятельности, смена привычного школьного обучения на другие виды социальной деятельности, а также бурная гормональная перестройка организма — делают подростка особенно уязвимым и податливым к отрицательным влияниям среды [5, с. 141—142]. При всем этом, признание в кругу сверстников становится одной из важнейших задач. Юноша или девушка усваивают новые модели поведения, а также формы агрессивного поведения, как способы получения желаемого. В итоге для многих ребят участие в драках, буллинге, является привычным поведением.

Для исследования был выбран ГПОУ ТО «ДПК» Тульской области г. Донской. В колледже работает ста-

бильный высокопрофессиональный педагогический коллектив, члены которого постоянно совершенствуют свою классификацию. Подтверждением высокого образовательного уровня ежегодно становится большой процент поступающих в ВУЗы.

В середине учебного года нами было проведено исследование, целью которого стало определение уровня адаптивности и степени агрессии. Участниками исследования стали студенты первых курсов различных специальностей колледжа — 240 человек. Была использована психолого-диагностическая методика «Тест агрессивности (Опросник Л.Г. Почебут)». Данная методика довольно проста в обработке и имеет необходимые показатели и шкалы агрессии:

- Вербальная агрессия (ВА) — человек вербально выражает свое агрессивное отношение к другому человеку, использует словесные оскорбления.
- Физическая агрессия (ФА) — человек выражает свою агрессию по отношению к другому человеку с применением физической силы.
- Предметная агрессия (ПА) — человек срывает свою агрессию на окружающих его предметах.
- Эмоциональная агрессия (ЭА) — у человека возникает эмоциональное отчуждение при общении с другим человеком, сопровождаемое подозрительностью, враждебностью, неприязнью или недоброжелательностью по отношению к нему.
- Самоагрессия (СА) — человек не находится в мире и согласии с собой; у него отсутствуют или ослаблены механизмы психологической защиты; он оказывается беззащитным в агрессивной среде [8, с. 383—385].

Различные проявления агрессивности и внутренний диссонанс подростка может привести к отрицательным последствиям: затяжным депрессиям, росту численности суицида, дискомфортной обстановки внутри коллектива, и даже наркомании и преступности. А значит можно с уверенностью утверждать, что проблема подростковой агрессии касается каждого взрослого человека и является вопросом для изучения молодыми учеными [9, с. 108—110].

Для диагностики агрессивного поведения в общеобразовательном учреждении мы использовали опросник Л.Г. Почебут. Данная методика наглядно показывает поведение в стрессовых ситуациях и особенности адаптации подростка в новой социальной среде. На рисунке 1 можно увидеть результаты диагностики. Таким образом, высокий уровень вербальной агрессии наблюдается у 31% студентов, что говорит об употреблении словесных оскорблений большинством подростков в данной группе. Средний уровень вербальной агрессии свойственен 60% исследуемых, у 9% — низкий уровень. По шкале физической агрессии высокие результаты отмечены у 30% учащихся, средние показатели у 64%, низкие у 6% подростков. Это говорит о том, что большинство ребят время от времени прибегают к применению физической силы. Предметная агрессия — подросток срывает злость на окружающих предметах, на высоком уровне на-

Рис. 1

блюдается у 16% исследуемых, на среднем уровне у 81%, на низком у 3%. Эмоциональная агрессия, а именно эмоциональное отчуждение, на высоком уровне была отмечена у 23% подростков, средний уровень свойствен 71% и низкий — 6%. Высокий уровень самоагрессии, т.е. агрессии направленной на самого себя — 26%, что вызвано неуверенностью в себе, связанной с недостатком тепла от близких и отсутствием взаимопонимания с окружающими. Средний уровень по данной шкале наблюдается у 68% подростков, низкий — у 6%.

Таким образом, можно отметить, что для первокурсников чаще характерно проявление вербальной агрессии, чуть реже встречается физические проявления и самоагрессия, ну а реже всего подростки используют предметную агрессию. Эта статистика приводит нас к выводу, что подростковая агрессия — это проблема всеобщего масштаба. Но все же стоит отметить, что общий результат

(Рис. 2) получился довольно небольшим — 12%, что говорит о хорошей адаптационной способности большинства студентов.

Профилактика и предупреждение агрессии в молодежной среде должны стать не только социально значимым, но и психологически необходимым мероприятием. Программа профилактики должна включать в себя следующие направления:

- выявление ближайшего окружения несовершеннолетних, жизненных целей и интересов, а также факторов отрицательного воздействия, которые обуславливают отклонения в развитии личности;
- первичная диагностика склонности к аддиктивному и делинквентному поведению, учебной мотивации, тревожности и агрессивности несовершеннолетних;
- организация работы по формированию благоприятного психологического климата в студенческом

Рис. 2

коллективе, предупреждению конфликтов между учащимися, педагогами и учащимися, педагогами и родителями, проведение профилактических занятий для учащихся, направленных на предупреждение эмоционального неблагополучия, ответственного отношения к жизни.

Необходимо осуществлять своевременный системный анализ индивидуальных, личностных, социально-психологических и психолого-педагогических факторов, обуславливающих отрицательные отклонения в поведении несовершеннолетних, с учётом которых должна строиться и осуществляться воспитательно-профилактическая работа. Своевременное выявление антисоциальных про-

блем у подростков, системный анализ характера их возникновения и адекватная воспитательно-коррекционная работа дают возможность предотвращения десоциализации подростков [9, с.108–110].

Таким образом, для профилактики агрессивного поведения необходимо научить подростков навыкам позитивного общения, взаимодействия с другими членами социума, умения находить альтернативные мирные пути решения конфликтов.

Все же главная роль в предупреждении и коррекции агрессивности у детей и подростков принадлежит семье, родителям. Но не стоит забывать о великом значении труда педагогов, и, разумеется, психологов.

Литература:

1. Бэрн, Р., Агрессия [Текст] / Р. Бэрн, Д. Ричардсон // СПб.: Питер, 2000. — 336 С.15; 3–5
2. Данильян, О. Г., Современный словарь по общественным наукам [Текст] / О. Г. Данильян, Н. И. Панов // Эксмо. — 2007. — С.528
3. Карелин, А., Большая энциклопедия психологических тестов [Текст] / А. Карелин // М.: Эксмо. — 2007. — с. 416
4. Кузьминов, В. В., Диагностика агрессивного поведения подростков в общеобразовательных учреждениях [Текст] / В. В. Кузьминов, А. С. Никитченко // Молодой ученый. — 2014. — № 6. — с. 806–808.
5. Кулагин, Л. Г., О подростках, которым трудно [Текст] / Л. Г. Кулагин // Советская педагогика. — 1991. — № 6. — с. 141–142
6. Маринина, Е., Воронов Ю. Подросток в «стае» [Текст] / Е. Маринина, Ю. Воронов // Воспитание школьников. — 1994. — № 6. — с. 42–43
7. Пазухина, С. В., Агрессивный подросток и учитель: технология оптимизации взаимоотношений: монография / С. В. Пазухина, А. С. Сушкина. — Saarbrücken: LAPLAMBERTAcademicPublishing, 2014. — 82 с.
8. Платонов, Ю. П., Основы этнической психологии [Текст] / Ю. П. Платонов // Учеб. пособие. — СПб.: Речь. — 2003. — с. 383–385
9. Простакишина, Н. П., Вербальная агрессия и основные формы ее проявления в молодежной среде (на примере студентов филиала ФГБОУ ВПО «ВГУЭС» г. Находка) [Текст] / Н. П. Простакишина, Е. С. Шпак // Молодой ученый. — 2014. — № 3. — с. 108–110.

Тематический апперцептивный тест: к вопросу о возможности модификации

Гречко Анастасия Андреевна, студент;
Хныкина Виктория Вячеславовна, студент
Тихоокеанский государственный университет

Тематический апперцептивный тест (ТАТ) — методика, составляющая золотой фонд психодиагностики [1; 2; 4]. Тест был разработан в начале 1930-х в Гарварде Генри Мюрреем и Кристианой Морган и впервые описан ими в 1935 году. Теоретическое обоснование и стандартизованную схему обработки и интерпретации ТАТ получил в монографии Г. Мюррея «Исследование личности» (1939 г.), окончательная схема интерпретации ТАТ и окончательная (третья) редакция стимульного материала были опубликованы в 1943 году. Однако, в настоящее время использование классического стимульного материала вызывает значительные трудности у практикующих психологов.

В нашем более раннем исследовании [3] мы обосновывали необходимость модификации стимульного материала для работы с подростками, имеющими нарушения интеллекта. Проведенный нами опыт «осовременивания» первой картины из классического набора (мальчик со скрипкой) вызвал интерес у практикующих специалистов и его результаты могут быть взяты на вооружение современными исследователями.

В продолжение начатой работы по созданию современного пакета стимульного материала для ТАТ, нами была предпринята попытка видоизменения картины с кодовым обозначением ЗВМ (см. рисунок 1).

Согласно замыслу разработчиков теста, картина используется в работе с мужчинами от 14 лет [1, с.55]. В оригинальном варианте на ней изображена скорчившаяся фигура неопределенного пола (скорее всего, мальчика), рядом с которой на полу лежит револьвер. Однако, на основе личного опыта и опроса большого количества профессионалов и А. Хартман и Л. Беллок считали эту картину одной из наиболее информативных и включали ее в базовый набор обследования как мужчин, так и женщин [там же, с.60]. Наше желание осовременить указанную картину связано именно с этим. Картина является значимой при выявлении проблем агрессии, в частности, аутоагрессии, а также депрессивных переживаний и суицидальных намерений, что является крайне важным на современном этапе.

В ходе обсуждения вариантов для возможного изменения мы пришли к выводу, что в качестве инвариантной части должно остаться:

- положение фигуры в пространстве (скорчившись возле кушетки);
- наличие предмета, ассоциирующегося с опасностью, риском для жизни;
- ахроматичность изображения.

Вариативность изображения была представлена рядом признаков:

- физические параметры моделей (рост, телосложение);

- одежда, обувь, элементы драпировки;
- расположение потенциально опасного предмета относительно фигуры.

Для сохранения известной степени неопределенности на обновленных изображениях не видна мимика моделей, минимизировано предметное окружение.

Фотосъемка проводилась на зеркальный фотоаппарат Canon E650 на объектив с фокусным расстоянием 55–250 mm. Обработка фотографий производилась в графическом редакторе Adobe Photoshop CS6.

Используя метод экспертной оценки, мы сформировали итоговый пакет фотоизображений. Наиболее удачными были отобраны фото, представленные на рисунках 2–4

Для того, чтобы убедиться в успехе проделанной нами работы, мы предложили эти фото 40 студентам 2–4 курсов, обучающихся по психолого-педагогическому направлению. Им было предложено рассмотреть изображения и выделить среди них наиболее приемлемую для составления истории, рассказа. Лидером среди фотографий по общей выборке респондентов стало изображение скорчившейся фигуры рядом с которой лежит пистолет (рисунок 2).

Следует отметить, что в ходе более детальной обработки полученных данных мы пришли к выводу о том, что возраст студентов имеет значение при оценке каче-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

ства нового стимульного материала. Так, студенты заочного отделения (более старшего возраста) часто отдавали предпочтение исходной картине (рисунок 1). В то время, как молодежь выбирали исключительно модифицированные изображения, отдавая предпочтение фотографии, где скорчившаяся фигура лежит рядом с телефоном (рисунок 4). Это говорит о близости проблемы, затронутой на фотографии, к данной возрастной категории респондентов.

Считаем важным особо остановиться на описании указанного фото, на котором нами изначально задано направление развития истории. Данный вариант стимульной картины имеет довольно четкую предысторию: девушка болезненно переживает отсутствия «лайков», то

есть знаков одобрения каким-либо ее действиям со стороны окружающих. Названный элемент несколько обогащает смысловое пространство возможной проблематики, но имеет прямое отношение к часто встречающимся переживаниям среди молодежи. Мы посчитали возможным до такой степени конкретизировать и даже утрировать проблему, ставшую сверх актуальной для нынешнего молодого поколения.

Мы считаем, что у ТАТ с обновленным стимульным материалом имеется большой потенциал в диагностике. Приглашаем к обсуждению всех заинтересованных лиц, надеемся получить конструктивные предложения по представленному материалу. Адрес для отзывов svfspp@mail.ru.

Литература:

1. Леонтьев, Д. А. Тематический апперцептивный тест [Текст] / Д. А. Леонтьев. — М.: Смысл, 2000. — 254 с.
2. Рубинштейн, С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии [Текст] / С. Я. Рубинштейн. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 448 с.
3. Хныкина, В. В. Тематический апперцептивный тест: особенности использования на современном этапе [Текст] / В. В. Хныкина, А. А. Гречко // Молодой ученый. — 2015. — № 13. — с. 753–757.
4. Чебарыкова, С. В. Феноменология типов личности, развивающейся в условиях дизонтогенеза, с позиции ее адаптивности: автореф. дисс... канд. психол. наук: 19.00.10. — Москва, 2005. — 22 с.
5. Чебарыкова, С. В. Взаимодействие в системе «студент-преподаватель вуза гуманитарного профиля» как модель организации педагогического общения [Текст] / С. В. Чебарыкова // Педагогическое мастерство и педагогические технологии: материалы III Междунар. науч. — практ. конф. (Чебоксары, 22 янв. 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. — с. 82–84.

Развитие профессионального самосознания студентов среднего специального учебного заведения

Гусева Виктория Владимировна, магистрант
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

В статье раскрывается проблема формирования и развития профессионального самосознания студентов ссуз. Подчеркивается необходимость разработки и апробации целостных программ психологического сопровождения развития профессионального самосознания студентов ссуз с учетом специфики образовательных организаций среднего профессионального образования.

Ключевые слова: самосознание, профессиональное самосознание, профессиональное самоопределение, профориентация.

Сегодня в России в социально-экономической сфере происходят значительные изменения. Вследствие этих изменений отмечается все возрастающая потребность общества в специалистах со средним специальным образованием. На сегодняшний день в России насчитывается более трех тысяч ссузов по более чем двадцати профилям подготовки. И это не случайно: увеличивается занятость выпускников ссузов в рыночной инфраструктуре, возрастает их роль в сервисном обслуживании населения, социальной сфере, области малого предпринимательства, расширяются возможности их участия в производстве в целом. Ежегодно государство делает «заказ» образовательным организациям на подготовку определенного количества будущих профессионалов. Однако в стремлении выполнить этот заказ количественно, зачастую снижаются критерии качества подготовки выпускника ссуза. Исследования показывают, что около трети выпускников учреждений среднего профессионального образования впоследствии не устраиваются работать по специальности. А в случае поступления на работу по специальности, они, тем не менее, не удовлетворяют работодателей качеством своей подготовки. [2]

Формирование личности профессионала длится всю жизнь, начиная с момента выбора будущей профессии. Вместе с тем, сделать этот выбор бывает очень непросто.

Сегодня сфера профессионального образования предлагает абитуриентам широкий выбор специальностей, однако профориентационная работа в ряде школ не всегда достигает своей цели. В результате значительно усложняется профессиональное самоопределение школьников, провоцируя их на спонтанный выбор профессионального учебного заведения. [3] Часто этот выбор совершается по «остаточному принципу». То есть некоторые абитуриенты поступают в среднее специальное учебное заведение из-за отсутствия других вариантов обучения.

Профориентация ведется также и профессиональными учебными заведениями: организуются дни открытых дверей, «профессиональные пробы», встречи с абитуриентами в школах, распространение рекламных буклетов и листовок с информацией об образовательной организации и т. д. Однако если проанализировать цели, задачи и методы реализации таких мероприятий, то можно предположить, что работа ведется скорее по «профагитации», чем по профориентации: учебные заведения стремятся выполнить план по набору абитуриентов, мало обращая внимание на мотивацию поступающих, их профессиональную направленность и личностные качества.

Профессиональный опыт автора показывает, что такой подход «приносит свои плоды» в виде трудностей обучения студентов нового набора уже в начале первого

курса. Решение этих проблем: помощь студентам в профессиональном самоопределении, сохранение контингента обучающихся и подготовка кадров, отвечающих требованиям работодателей — становится общей задачей и для администрации вуза, и для педагогического состава, и для педагогов-психологов, и для других сотрудников образовательной организации.

Необходимо отметить, что обучение студентов в вузе предполагает в основном изучение общеобразовательных и специальных дисциплин, профессиональных модулей. Большое количество времени в образовательных программах среднего профессионального образования отводится для практики на производстве. Это во многом способствует профессиональному самоопределению личности. При этом недостаточное, на наш взгляд, внимание уделяется помощи в становлении личности будущего специалиста, развитию его профессионального самосознания. Таким образом, актуальным становится вопрос об исследовании развития и поиска путей и средств формирования профессионального самосознания у студентов вуза.

При рассмотрении проблемы развития профессионального самосознания можно опираться на богатый материал по изучению самосознания личности: на концепции Р. Бернса, У. Джемса, К. Роджерса, Э. Эриксона, а также труды отечественных психологов, таких как В. В. Иванова, И. С. Кон, М. И. Лисина, В. С. Мухина, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и др. Несмотря на большое разнообразие толкований понятия «самосознание» можно сделать вывод, что самосознание в самом общем виде — это процесс и результат осознания и оценки личностью каких-либо ее характеристик, влияющих на ее поведение.

Отличие от самосознания в целом, профессиональное самосознание специфично по своему содержанию, однако можно говорить о совпадении общих принципов развития, закономерностей, механизмов и структуры этих двух феноменов. Таким образом, мы предполагаем, что профессиональное самосознание студентов вуза совпадает со структурой самосознания личности вообще и представляет собой процесс и результат осознания и оценки личностью своих профессиональных характеристик, влияющий на ее профессиональное поведение. Это не исключает проявления характерных особенностей развития профессионального самосознания студента вуза, вытекающих из специфики обучения в организации среднего профессионального образования.

Со стороны работы психолога можно выделить несколько основных методов формирования профессионального самосознания: социально-психологическое тренинг, психологическое консультирование, психокоррекция и т. д. Каждый из методов имеет свои преимущества и ограничения и может применяться в зависимости от особенностей клиента, условий оказания психологической помощи, квалификации и профессиональной направленности специалиста. [4]

И. В. Вачков предлагает тренинг как форму работы, направленную на преодоление препятствий на пути раз-

вития профессионального самосознания. Основной задачей тренинга профессионального самосознания, по И. В. Вачкову, является развитие всех подструктур профессионального самосознания — когнитивной, аффективной и поведенческой. [5]

Однако представление о себе формируется не только в процессе общения, деятельности, представление об особенностях личности формируется ещё и в процессе психологической диагностики. Отвечая на вопросы личностных опросников, студенты, оценивая себя, встают в позицию стороннего наблюдателя, как бы смотрят на себя со стороны. Они могут проанализировать своё поведение в определённых ситуациях, заданных вопроснике, осознать своё отношение к исследуемой области, к самому себе.

Разрушение привычных стереотипов самовосприятия возможно в условиях психокоррекции, психотерапии, психологического консультирования.

В личностно-ориентированной психотерапии ставятся задачи содействия клиенту в изменении его отношений к социальному окружению и к собственной личности, совершенствованию его способности к самопознанию и саморегуляции.

Целью психологического консультирования является помощь клиенту в решении его проблем, в осознании и изменении малоэффективных моделей поведения, препятствующих достижению поставленных целей.

Психокоррекционная работа направлена на исправление особенностей психологического развития, на формирование у человека нужных психологических качеств необходимых для повышения его социализации и адаптации к изменяющимся жизненным условиям

Комплексная программа психолого-педагогического сопровождения, включающая все вышеперечисленные методы, представлена в работе А. А. Воронцовой. В программе психологического сопровождения автор выделяет пять блоков:

1. Диагностический блок рассчитан на все время обучения студентов. Это позволяет отслеживать процесс развития компонентов профессионального самосознания у студентов.

2. Консультативный блок направлен на коррекцию и развитие компонентов профессионального самосознания тех обучающихся, которые имеют трудности в выстраивании конструктивных отношений с окружающими, а также для тех студентов, которым необходимо разрешение внутренних противоречий и др.

3. Коррекционно-развивающий блок программы состоит из двух тренинговых программ: тренинг «Познание и принятие себя» и тренинг «Познание и принятие своего профессионального Я и своей будущей профессии».

4. Информационный блок программы реализуется как посредством изучения таких дисциплин как «Психология профессий», «Построение карьеры», «Психология управления», «Психология деловых отношений», «Психология профессиональной деятельности» в рамках учеб-

ного плана, так и посредством мини-лекций по этим темам в рамках тренингов коррекционно-развивающего блока.

5. Интегративный блок программы представляет собой тренинг «Познание образа «Я-будущее». Это мероприятие направлено на развитие представления о своих профессиональных планах и проектирование образа профессионального пути. [1, с. 187–188]

Данная программа психологического сопровождения студентов апробирована, ее эффективность экспериментально подтверждена. Однако данная разработка рассчитана на студентов высшего профессионального образования. Ее этапы реализуются в течении четырех лет с первого по четвертый курсы. Среднее же профессиональное образование отличается своей непродолжительностью в сравнении с высшим профессиональным образованием. В зависимости от направления обучения, а также от того, на базе 9 или 11 классов происходило по-

ступление, студент обучается в ссузе в среднем от десяти месяцев до трех лет десяти месяцев. То есть на формирование личности будущего профессионала отводится меньшее количество времени, и целенаправленная работа по формированию профессионального самосознания приобретает особое значение. При всем этом целостные программы психологического сопровождения развития профессионального самосознания студентов ссуз еще не разработаны, либо недостаточно освещены практиками в литературных источниках.

Таким образом, существует теоретическая и практическая необходимость в разработке вопроса психологического сопровождения развития профессионального самосознания студентов ссуз, представлении целостных программ такого сопровождения с научным обоснованием и экспериментальным подтверждением эффективности выбранных форм и методов работы.

Литература:

1. Воронцова, А. А. Программа психологического сопровождения развития профессионального самосознания в процессе обучения студентов в вузе // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/programma-psihologicheskogo-soprovozhdeniya-razvitiya-professionalnogo-samosoznaniya-v-protssesse-obucheniya-studentov-v-vuze>
2. Гриненко, С. В. Маркетинговые исследования как инструмент мониторинга миграции выпускников системы профессионального образования — URL: <http://refleader.ru/polotrujqgas.html>
3. Корзин, А. Б. Формирование мотивационной готовности студентов ССУЗов к профессиональной деятельности: Дис... канд. психол. наук: 19.00.03 Тверь, 2005 166 с.
4. Поддубная, А. В. Структура и механизмы становления профессионального самосознания — URL: <http://www.psylib.ru/statyi/sbornik/structura.php>
5. Эннс, Е. А. Технологии формирования профессионального самосознания студентов помогающих профессий [Текст] / Е. А. Эннс // Психология в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.). — СПб.: Реноме, 2011. — с. 123–125.

Особенности психологического сопровождения детей в рамках взаимодействия дошкольного отделения — начальной школы

Ивакина Екатерина Алексеевна, педагог-психолог
МБОУ г. Воронежа «Прогимназия № 2»

В статье рассматривается вопрос психологического сопровождения детей на этапе перехода из дошкольного учреждения в начальную школу. Приводятся задачи психологической работы на дошкольной и школьной ступенях развития ребёнка, а так же направления работы психолога в рамках психологического сопровождения из детского сада в школу. Автор делится собственным опытом работы психологического сопровождения в образовательном учреждении по типу «прогимназия». Рассматриваются результаты проведённого психодиагностического исследования в 1 классе, по результатам которого делаются выводы о влиянии посещения детского сада на адаптацию к школе.

Ключевые слова: психологическое сопровождение детей, преемственность между детским садом и школой, адаптация, эмоциональное отношение к школе, самооценка ребёнка, способность к обобщению.

«Школьное обучение никогда не начинается с пустого места, а всегда опирается на определённую стадию раз-

вития, проделанную ребёнком» [2]. Именно в этих словах великого русского психолога Л. С. Выготского обозна-

чена важная роль того интеллектуального и эмоционального развития, которое проделал ребёнок до начала поступления в начальную школу.

Преемственность детского сада и начальной школы является актуальной проблемой в настоящее время. Необходимость преемственности между детским садом и школой связана со значительно выросшей ролью общественного дошкольного воспитания в нашей стране.

Преемственность между детским садом и школой предполагает ориентацию и направленность работы дошкольного учреждения на требования, предъявляемые в школе и, наоборот, — учет учителем достигнутого общего уровня развития дошкольника, сформированного уровня нравственного поведения, волевой и личностной сферы ребенка.

Непрерывность дошкольного и начального образования в рамках психологического сопровождения предполагает решение определённых задач, как на дошкольной ступени, так и на ступени начальной школы. Приоритетными задачами на дошкольной ступени являются следующие [4]:

1. приобщение детей к ценностям здорового образа жизни;
2. обеспечение эмоционального благополучия каждого ребенка, развитие его положительного самоощущения;
3. развитие инициативности, любознательности, произвольности, способности к творческому самовыражению;
4. стимулирование коммуникативной, познавательной, игровой и другой активности детей в различных видах деятельности;
5. развитие компетентности в сфере отношений к миру, к людям, к себе;
6. включение детей в различные формы сотрудничества (со взрослыми и детьми разного возраста).

На ступени начальной школы психологическое сопровождение детей предполагает решение следующих задач [4]:

1. осознанное принятие ценностей здорового образа жизни и регуляция своего поведения в соответствии с ними;
2. готовность к активному взаимодействию с окружающим миром;
3. желание и умение учиться, готовность к образованию в основном звене школы и самообразованию;
4. инициативность, самостоятельность, навыки сотрудничества в разных видах деятельности;
5. совершенствование достижений дошкольного развития (на протяжении всего начального образования);
6. специальная помощь по развитию несформированных в дошкольном детстве качеств;
7. индивидуализация процесса обучения, особенно в случаях опережающего развития или отставания.

Резюмируя, можно сказать, что психологическое сопровождение в условиях непрерывного образования за-

ключается в содействии гармоничному психическому и физическому развитию ребёнка, в сохранении его индивидуальности, в обеспечении «безболезненной» адаптации к изменяющейся социальной ситуации и воспитание готовности к активному взаимодействию с окружающим миром. Цель работы по психологическому сопровождению преемственности заключается в создании оптимальных условий для перехода из детского сада в начальную школу.

Психологическое сопровождение детей в рамках перехода из детского сада в начальную школу проводится по 4-м основным направлениям: организационном, методическом, исследовательском и развивающем.

В рамках организационного направления главным является организация и поддержание сотрудничества воспитателей и педагогов, дошкольников и младших школьников, а также родителей. Одним из приёмов, обеспечивающих такое сотрудничество, является организация совместной деятельности дошкольников и младших школьников.

Методическое направление в системе психологического сопровождения преемственности предполагает работу психолога, направленную на повышение психологической грамотности и компетентности педагогов и воспитателей. Она осуществляется в форме психологических лекториев, мастер-классов, семинаров, круглых столов и т.д. Их участниками являются представители администрации, воспитатели и педагоги дошкольного учреждения и школы, что позволяет вырабатывать согласованные действия педагогов по подготовке «безболезненного» перехода детей из детского сада в первый класс.

Исследовательское направление включает изучение влияния инновационных подходов и технологий обучения на психическое развитие. Это направление предполагает проведение не только психодиагностической работы с дошкольниками и младшими школьниками, но и собственно исследовательской, направленной на отслеживание особенностей психического развития ребёнка. Важную роль в решении этой задачи играет психологическая служба школы, которая проводит непрерывный психологический мониторинг. Всё это позволяет создать единую систему информационного обеспечения педагогов и воспитателей, позволяет получать сведения об обеспеченности развития каждого ребёнка дошкольного и младшего школьного возраста.

Развивающее направление работы заключается в оптимальном использовании возможностей учебно-воспитательного процесса и группового взаимодействия в целях обеспечения непрерывного поступательного развития ребёнка на этапе «детский сад — начальная школа». Развивающее направление работы включает в себя формирование и коррекцию психологической готовности ребёнка к переходу из дошкольного учреждения в школу, выяснение особенностей адаптации ребёнка к школьному обучению и устранение причин возможной дезадаптации, развитие интеллек-

туальных и личных качеств в период начального школьного обучения. Психологу здесь принадлежит основная координирующая роль. Он, совместно с другими специалистами выбирает адекватные формы и методы реализации психического сопровождения, организует и координирует работу педагогов, воспитателей, родителей, детей и «наполняет» её конкретным психологическим содержанием.

Хотелось бы остановиться на особенностях психологического сопровождения детей конкретно в нашем учебном учреждении (прогимназия), которое имеет свои особенности. Основной задачей педагога-психолога в прогимназии является выработка индивидуальной траектории развития каждого конкретного ребенка. Данную траекторию легче проследить и направить, т.к. детский сад и начальная школа имеют у нас прямое взаимодействие.

Основным направлением в диагностической работе с подготовительными группами детского сада является определение психологической готовности детей к школе, которая включает в себя несколько блоков: психомоторная, личностная, интеллектуальная, эмоционально-волевая готовность.

Психопрофилактическая работа в прогимназии включает в себя помощь ребёнку в адаптации к детскому саду, снижении агрессивного и гиперактивного поведения, преодоление индивидуальных внутриличностных проблем ребенка. Знакомство детей детского сада с психологом является тоже своеобразной преемственностью между воспитателями и учителями школы. Психолог становится помощником детям, он знакомит их с новым для них миром психологии, проводя самые простые групповые упражнения, направленные на раскрытие личности ребенка, на выявление страхов, эмоциональных изменений и т.д. Таким образом, мы можем наблюдать адаптацию, развитие познавательной и личностной сфер ребёнка.

Хотелось бы остановиться на психодиагностическом обследовании, которое проходило с середины сентября до конца октября 2015 года в первом классе нашей прогимназии. Обследование было направлено на диагностику эмоционального отношения детей к школе, изучение самооценки и выявление уровня интеллектуального развития (в частности умение ребёнка исключать лишнее). Целью данной работы было выявить особенности адаптации детей к школе, т.к. большинство из них посещало детские сады, в том числе и нашу прогимназию перед поступлением в школу. Предполагалось, что адаптация ребёнка к школе вследствие этого будет на хорошем уровне.

Результаты исследования

В обследовании эмоциональной сферы приняли участие 117 детей. Использовалась методика А.И. Баркан «Рисунок школы» [1], целью которой является изучение эмоционального отношения к школе детей 6–8 лет.

Проведённая обработка результата выявила следующие показатели: 55% детей продемонстрировали положительное отношение к школе, 29% — положительное с направленностью на обучение; 15% детей — не сформированное; 1% — отрицательное. Учитывая, что тестирование проводилось спустя несколько недель после поступления детей в 1 класс школы, можно сказать, что такие цифры выглядят очень хорошими, т.к. более 4 из 5 детей (84%) имели положительное отношение к школе. 16% детей составили группу, с которой ещё необходимо провести некоторые адаптационные групповые и индивидуальные занятия.

Следует отметить, что на многих рисунках, которые определяют эмоциональное состояние ребенка, школа нарисована со всеми атрибутами обучения (доска с цифрами и буквами, парты, тетради с надписями слов и букв), что может говорить о направленности на обучение. Направленность — важнейшее свойство личности, в котором выражается динамика развития человека как социального и духовного существа, главные тенденции его поведения. Направленность воплощается в различных формах — ценностных ориентациях, симпатиях или антипатиях, вкусах, склонностях, привязанностях и проявляется в различных сферах жизнедеятельности личности ребенка [6].

При исследовании интеллектуальной сферы приняли участие 113 детей, использовалась методика «Исключение лишнего» [5,7], целью которой является диагностика способности к обобщению у младших школьников. Стоит заметить, что данная методика была выбрана не случайно, т.к. именно способность обобщать является центральным компонентом в интеллектуальном развитии ребёнка 6–7 лет. Методика «Исключение лишнего» выявляет 3 уровня способности к обобщению — низкий, средний и высокий. Результаты проведённой диагностики представлены в таблице 1.

В целом по всем первым классам было выявлено, что у 64% детей наблюдается высокий уровень способности к обобщению, у 27% — средний уровень, 9% детей продемонстрировали низкий уровень способности к обобщению. В итоге, можно сказать, что только около 10 че-

Таблица 1. Выявленные показатели способности к обобщению в 1-х классах прогимназии по результатам проведённого исследования

Название класса	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1 «А»	7%	15%	78%
1 «Б»	14%	27%	59%
1 «В»	7%	38%	55%
1 «Г»	7%	25%	68%

людей из 113 принявших участие в исследовании имели низкий уровень интеллектуального развития в виде способности к обобщению.

При обследовании самооценки была использована методика «Лесенка» Дембо-Рубинштейн [3]. Целью методики является изучение уровня самооценки ребёнка.

Результаты диагностики самооценки показали следующие цифры: 35% детей выявили адекватный уровень самооценки, 42% — завышенный уровень, 21% — неустойчивую самооценку, 2% — заниженный уровень самооценки. Необходимо сказать, что завышенная самооценка в младшем школьном возрасте является нормой.

Самооценка в младшем школьном возрасте формируется в основном под влиянием учителя. Адекватная самооценка позволяет ребёнку соотносить свои силы с задачами разной трудности и требованиями окружающих. Поэтому психологу и педагогу важно следить за формированием самооценки. Отдельно хочется заметить, что дети, которые посещали подготовительные курсы к школе в нашей прогимназии, а затем пришли в школу обучаться к тому же учителю, что вёл у них занятия и на подготовительных курсах, проявили положительный эмоциональный настрой на обучение в школе, в отношении к учителю. Так, многие первоклассники рисовали учителя в ярких теплых тонах, улыбающимся. Это также может говорить о высоком уважении и признании авторитета учителя. Поэтому тут следует обратить внимание на то, что учитель очень сильно влияет на развитие личности ребенка, в частности на его самооценку. И если в начале учебного года самооценка может быть завышена или неустойчива, то в конце года она может приобрести сформировавшийся характер.

В ходе исследования обращалось внимание и на поведение детей при проведении психодиагностики — они в основном реагировали на проведение диагностики спокойно, инструкцию понимали, были школьники, которые выполняли задания очень быстро. Такие первоклассники выполняли все точно и правильно, это говорит о хорошо приобретенных навыках чтения (все задания дава-

лись на листочках напечатанными), о развитии внимания и памяти. Можно сделать вывод о том, что данные навыки приобретались на занятиях в детском саду и подготовительных курсах к школе.

В прогимназии есть возможность легко знакомить детей из подготовительной группы со школой, некоторые занятия (информатика) проходят в школьном отделе, т.е. дети видят школьников, кабинеты, учителей. Попадая в школьный кабинет, они приобретают навыки развития произвольного поведения, т.е. учатся сидеть на занятии, правильно отвечать на поставленный вопрос. Адаптация первоклассников — это сложный период для детей. По результатам проведённой диагностики можно сделать вывод о том, что адаптация пройдена успешно и детей дезадаптированных не выявлено. Можно предположить, что адаптация прошла мягко и успешно благодаря тому, что большинство детей посещали детский сад и приобретали там навыки, умения и знания, которые помогли быстро и легко влиться в школьную среду.

В результате теоретического анализа и проведённого практического исследования можно сделать следующие выводы.

1. Главная цель интеграции деятельности детского сада и школы заключается в развитии у ребенка добрых чувств, глубокого ума и здорового тела.

2. Специфическое приоритетное направление для начальной школы — это формирование у детей умения учиться, создание таких условий, при которых обучение становится для ребенка благом, основной формой его самовыражения.

3. Для дошкольного отделения главным является раннее развитие комплекса личностных качеств и свойств, обеспечивающих легкий, естественный переход ребенка в школу.

4. Результаты проведённого психодиагностического исследования в прогимназии показывают, что посещение детьми дошкольных учреждений успешно сказывается на адаптации ребёнка к школьным условиям.

Литература:

1. Баркан, А. И. О чём говорят рисунки детей. Изд-во: Этерна, 2014. 248 с.
2. Выготский, Л. С. Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте // http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=883
3. Вьюнова, Н. И., Гайдар К. М., Темнова Л. В. Психологическая готовность ребенка к обучению в школе. М.: Академический проект, 2003. 256 с.
4. Истратова, О. Н., Г. А. Широкова, Т. В. Эксакусто. Большая книга детского психолога от 3 до 10 лет. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 568 с.
5. Методика «Исключение лишнего» // <http://www.psylist.net/praktikum/00066.htm>
6. Немов, Р. С. Психология. М.: Просвещение: ВЛАДОС, 2003. Кн. 1: Общие основы психологии. 688 с.
7. Рогов, Е. И. Настольная книга практического психолога. М.: ВЛАДОС, 1999. Кн. 1. Система работы психолога с детьми разного возраста. 384 с.

Экзистенциальная рефлексия личности в проблемных ситуациях

Иванов Сергей Михайлович, клинический психолог

Как в психологии и социологии, так и в политических науках, в военном деле, экономике и многих других областях знаний требуется описывать в объективных терминах не только материальный, физический аспект системы, но и ее внутренний, субъективный аспект, связанный с тем, что среди ее компонентов есть живые люди. Методы объективного описания систем вместе с их субъективными внутренними мирами и составляют предмет рефлексивных исследований [1].

Широкое развертывание этих исследований в значительной степени связано с разработкой В. А. Лефевром оригинальных идей, которые рождались в связи с потребностями больших проектов в военной сфере. Требовалось создать средства междисциплинарных исследований при моделировании различного рода конфликтов, найти инвариантные средства их моделирования. Главная заслуга Лефевра в том, что он вывел понятие рефлексии из философии, тогда во многом сводившейся к идеологии, в общесистемное междисциплинарное поле, что было связано, прежде всего, с введением понятия «рефлексивная система». Возник рефлексивный подход, а создаваемые им средства проходили апробацию в научных дискуссиях, экспериментальных и практических работах. Научная среда того времени пыталась отторгнуть многие идеи В. А. Лефевра. Причина заключалась в гегемонии естественнонаучного подхода к организации управления сложными системами. В основе традиционных технологий лежал функциональный подход, в частности, на нем базировалось «исследование операций». В основу же идей Лефевра был положен структурно-функциональный подход. Сегодня ситуация принципиально изменилась. Четко осознан кризис традиционных подходов к проектированию и управлению сложными (прежде всего социальными) системами. На передний план выходят конкретные субъекты со своими субъективными мирами, которые необходимо поддерживать в гармонии с использованием нормативных представлений и моделей. В частности и поэтому сегодня настало время рефлексивного подхода.

Говоря о роли рефлексивного подхода в психологии, которая в последние годы резко возросла, надо сказать, что этому в первую очередь способствует развитие субъектно-деятельностного подхода. Нельзя не отметить громадной роли работ С. Л. Рубинштейна и ведущей ориентации Института психологии РАН (А. В. Брушлинский и др.) на развитие субъектно-деятельностного подхода [1].

На данном этапе теоретических и практических исследований в современной психологии область изучения процесса разрешения личностью проблемно-конфликтных ситуаций экзистенциального характера через призму ее рефлексивности еще не получила должной разработки.

Экзистенциальная рефлексия — сложный многофункциональный механизм, осуществляющийся при разре-

шении проблемно-конфликтной ситуации. Рефлексия экзистенциальная включает: оценку сложности ситуации для личности, оценку протекания и окончания процесса решения, расширение ситуации, построение смысловой картины личности и выявление опорных смыслов и смысловых связей, необходимых для принятия терпения, создание и преодоление внутренних рефлексивных конфликтов, расширение и углубление смыслового поля сознания личности [2].

Многофункциональный механизм экзистенциальной рефлексии организует процесс принятия решения субъектом в проблемно-конфликтных ситуациях, осуществляя как динамический, так и смыслоорганизующий аспект данного процесса: одни функциональные аспекты экзистенциальной рефлексии позволяют осуществить движение «в поиске разрешения» проблемно-конфликтной ситуации, а другие позволяют наращивать личностно-смысловую материал, на основе которого и происходит коррекция и развитие личности.

Выделяются различные уровни экзистенциально-рефлексивного решения проблемно-конфликтных ситуаций (первичных реакций, стереотипного разрешения, стандартного разрешения, нового разрешения, творческого разрешения), основным критерием дифференциации которых является характер взаимосвязи и динамика проявления отдельных функций экзистенциальной рефлексии.

Методы психолого-педагогического воздействия (рефлексивно-инновационные тренинги, игрорефлексия) показывают свою эффективность, так как позволяют изменить характер подхода к разрешению проблемно-конфликтных ситуаций, придав ему творческую окраску на основе коррекции ценностно-смысловой организации личности.

В нашей повседневности мы довольно редко ощущаем необходимость выхода на рефлексивный уровень осознания своего бытия, на позицию рефлексии на себя, на других, на свои действия по отношению к себе, другим, миру. Однако когда мы сталкиваемся с проблемными ситуациями, то продуктивно разрешить проблему, самостоятельно вывести свою деятельность на новый уровень мы можем исключительно с помощью рефлексии. Рефлексия в психологии человека чаще всего рассматривается как один из наиболее важных механизмов, обеспечивающих адаптивность человека к новым условиям деятельности. Рефлексивная функция возникает и реализуется в любой деятельности, когда возникает какое-либо затруднение.

Психологическая рефлексия связана с деятельностью самопознания, раскрывающей специфику духовного мира человека, осмысления или переосмысления собственного опыта, знаний о себе, оценок, мнений, отношений и т. д. Такая рефлексия подразумевает самостоятельное рассмотрение и отношение субъекта к себе и своей деятельности в соотношении с собой же, с другими, с миром. Психологическая рефлексия связана с необходимостью изменения

собственного Я и/или своей деятельности (поступков) в кризисных и проблемных ситуациях. Это особенно актуализируется в ситуации обнаружения рассогласований в сложившихся представлениях, нормах, ценностях. Благодаря рефлексии человек осознает необходимость что-то менять в себе, в системе отношений, способе действий.

Что самое важное — это может сделать только сам человек. Другие люди и обстоятельства могут только содействовать запуску психологической рефлексии во внутреннем плане субъекта.

Развитие личности традиционно исследуется путем наблюдения за ее онтогенезом, дополняемого биографическими и клиническими методами. Основной же массив экспериментальных работ ориентирован на изучение функционального проявления личности либо при тестировании, выявляющем лишь статичные, сложившиеся ее свойства, либо в стрессогенных ситуациях, определяющих динамику конфликтного состояния и поведения личности. В последних конфликтообразующим является неразрешимое задание, которое служит объективным условием актуализации защитных механизмов, проявляющихся в различных формах поведения, всегда завершающегося «личностными уходами» от выполнения задания. Неразрешимость задания блокирует саму возможность позитивного, развивающего личность преодоления конфликта, а, следовательно, закрывает путь к изучению его механизмов. Поэтому экспериментальное исследование развития личности, и в том числе ее творческого саморазвития, требует использования такого рода заданий, которые, являясь конфликтообразующими, были бы вместе с тем разрешимыми, хотя и проблемными [3].

Следовательно, творческое мышление может рассматриваться как процесс построения и действенной реализации нового целостного образа личности и ситуации задачи. Основанием для этого служит обнаружение в ситуации противоречий, которые при их осмыслении и порождают проблемность и конфликтность условий осуществления «я». Для того чтобы отличить форму переосмысления (характерную для проблемно-конфликтных ситуаций) от осмысления, имеющего место в обычных, стандартных условиях жизни (в виде их простого осознания), назовем первую активной рефлексивной формой или просто — рефлексией. Переосмысление человеком в процессе мышления интеллектуальных содержаний (т.е. образов предметной ситуации задачи) и личностных содержаний (т.е. образов личности, с которыми отождествляет себя «я» во время переживания конфликта) является механизмом их изменения и, следовательно, порождения психических новообразований в проблемно-конфликтных ситуациях. Таким образом, переосмысление как способ идеального взаимодействия человека с миром, т.е. активного осуществления «я» в проблемно-конфликтной ситуации, определяет его самоизменение и саморазвитие, что и позволяет трактовать переосмысление как рефлексию [4].

Особенности рефлексивного осуществления «я» в этих ситуациях исследовались в эксперименте, где

предъявлялись сложные задачи на соображение (требующие для решения не менее часа времени) вместе с инструкцией «решайте задачу, думая вслух». Содержательно-смысловой анализ собранного материала (в виде переписанной с магнитофона речи испытуемых) позволил выделить в зависимости от характера осуществляемой субъектом рефлексии следующие 4 способа проявления личности как целостного «я» в проблемно-конфликтных ситуациях: репродуктивный, регрессивный, прогрессивный, продуктивный [5]. При репродуктивном и регрессивном способе осуществления «я» имеет место актуализация соответственно интеллектуальных и личностных стереотипов наличного опыта, а при прогрессивном и продуктивном — появление личностных и интеллектуальных новообразований. Рассмотрим особенности возникновения и специфику каждого из этих способов.

При чтении текста задачи ее уникальный, творческий смысл, как правило, неочевиден для испытуемых. В силу этого первоначальным и самым простым способом осуществления «я» является репродуктивный путь решения. Он реализуется в апробации всех вроде бы целесообразных в данной ситуации знакомых средств, а также имеющихся «схем действия» [6]. Благодаря актуализации этих интеллектуальных стереотипов человек, сам того не подозревая, упрощает задачу и пытается решать ее, по существу, стандартным образом. Такой способ неадекватен для разрешения проблемно-конфликтной ситуации, что и фиксируется экспериментатором в отрицательных оценках неверных решений, выдаваемых испытуемым. Продолжение репродукции результируется и в переживании тупика (поскольку все очевидные решения исчерпаны, а новых возможностей раскрыть не удастся), и в осмыслении творческой задачи как нерешаемой или даже абсурдной [7].

Такое дисгармоническое состояние «я», создаваемое внешней необходимостью (в виде требований экспериментатора решать задачу дальше) и внутренней, субъективной невозможностью дальнейшего поиска, побуждает раскрывать иной, регрессивный способ осуществления «я» в проблемно-конфликтной ситуации, т.е. личностный путь самореализации в виде избегания назревшего конфликта и обоснования неразрешимости задачи, а соответственно и «ухода» из эксперимента. Наблюдались различные варианты проявления регрессивного способа: дискредитация экспериментальной ситуации, демонстративное занижение самооценки, апелляция к устоявшимся мнениям и авторитетам, оттягивание времени решения и т.п. Все эти разновидности актуализации личностных стереотипов суть проявления защитных механизмов, выработанных «я» для сохранения себя от неудачи в конфликтных условиях. Однако воспроизведение личностных стереотипов (может быть, и адекватных в других конфликтных ситуациях) оказывается регрессивным способом осуществления «я», поскольку служит для закрепления репродуктивного отношения испытуемого к задаче, что чревато разрушением условий для творчества и развития личности.

И регрессивный и репродуктивный способы осуществления «я» оказывались тупиковыми в разрешении творческой задачи (т.е. внутренне самодостаточными и замкнутыми), если при их реализации экспериментатор играл пассивную роль. Это позволяет квалифицировать и репродукцию и регрессию как единый тип развития, а именно: консервативного становления «я» в проблемно-конфликтной ситуации. Если же экспериментатор активно стимулировал дальнейший поиск решения, подчеркивая значимость данной ситуации для испытуемого, то последний мог изменить свое отношение к эксперименту и переосмыслить себя в контексте осуществляемого поиска решения. Это выражалось в том, что вместо прямых попыток репродуктивного снятия проблемности ситуации задачи и регрессивного ухода от ее конфликтности рефлексивная активность «я» направлялась на действительное раскрытие проблемно-конфликтного противоречия творческой задачи в целом: усилия субъекта ориентировались на разворачивание личностной и интеллектуальной рефлексии содержания своего опыта относительно уникальных особенностей конкретной ситуации.

Рефлексия, переосмысление личностных стереотипов, представляет собой прогрессивный способ осуществления «я». При таком способе разрешения проблемно-конфликтной ситуации переживание конфликтности

не подавляется, не игнорируется и не служит толчком к личностному «уходу», а, наоборот, обостряется, поскольку субъекту приходится двигаться к нахождению решения вопреки очевидной его невозможности. В силу этого стремление решить задачу творчески, во что бы то ни стало, выражается в осмыслении ситуации как жизненно важной, от разрешения которой зависит личностная самооценка «я» как способного либо не способного к творческому осуществлению. Таким образом, при прогрессивном способе происходит мобилизация ресурсов «я» для достижения решения задачи.

Таким образом, осуществление «я» в проблемно-конфликтной ситуации, рассматриваемое с точки зрения продуктивности, ведет к новообразованиям интеллектуального характера, т.е. к перестройке более или менее значительных массивов интеллектуального опыта и к порождению нового знания о содержании задачи, а также об адекватном способе его преобразования в требуемый результат. В свою очередь, изменения «я» с точки зрения прогрессивности проявляются в личностных новообразованиях, отражающих новый облик «я», который выступает основанием для рефлексии человеком представлений о себе как о способном на достижение творческого результата во что бы то ни стало, т.е. способном преодолевать проблемные ситуации вопреки своему конфликтному состоянию.

Литература:

1. Рефлексивные процессы и управление N 1 июль—декабрь 2001. Международный научно-практический междисциплинарный журнал. Том 1. Издательство «Институт психологии РАН»
2. Аникина, В. Г. Экономическое образование как средство адаптации личности к социально-экономическим изменениям. Материалы Международной научно-практической конференции. Томск, ТПУ. — 2000
3. Семенов, И. Н., С. Ю. Степанов. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности. Вопросы психологии. — 1983
4. Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1975, т. 22 Вопросы психологии. 1982
5. Семенов, И. Н. Методологические проблемы системного изучения организации мыслительной деятельности. — Системные исследования Ежегодник. 1982. М., 1982.
6. Семенов, И. Н., Сиротина Е. А., Зарецкий В. К. Исследование процессов принятия решения. М., 1977.

Анализ методов исследования одинокого отцовства как психолого-педагогического явления

Канарейкина Татьяна Александровна, студент

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

В статье анализируются основные методы исследования одинокого отцовства, а также предлагается изучение данного феномена с позиции сторонников целостного подхода.

Ключевые слова: *одинокое отцовство, отцы-одиночки, целостный подход, методы исследования, социальные практики.*

Анализ теории и практики исследования феномена одинокого отцовства на современном этапе показал,

что эффективность психолого-педагогического изучения данной проблемы сталкивается с рядом трудностей, в том

числе с недостаточностью набора психодиагностических методик, которые бы позволяли исследовать специфику самовосприятия отцов-одиночек, изучить их социальные практики, личный опыт в воспитании детей, а также особенности формирования дисциплинарных родительских стратегий. В связи с этим социальные педагоги, педагоги-психологи сталкиваются с существенным противоречием: необходимостью иметь целостное представление о феномене современного одинокого отцовства и несистематичностью и разрозненностью подходов к психолого-педагогическому и социально-педагогическому анализу указанного явления. Исследователи неоднократно упоминают о том, что научных текстов, касающихся одинокого отцовства очень мало и подчеркивает значимость и актуальность научных сведений о данном феномене в условиях современного российского общества. Неполное освящение темы одинокого отцовства можно встретить в работах, посвященных родительству или отцовству в целом. Мы предполагаем, что одной из причин данной проблемы является как раз вышеупомянутое противоречие.

Прежде чем непосредственно представлять методы исследования феномена одинокого отцовства, следует рассмотреть основные понятия нашей темы: отцы-одиночки, социальная практика, родительская стратегия, самовосприятие отцов-одиночек. Понятие «социальная практика» в педагогику проникло из социологической науки. Теорию социальных практик в социологии развивали П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман, Л. Витгенштейн, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, К. Гирц, И. Гофман, Т. Парсонс, А. Шюц и др. В социально-философском значении социальная практика рассматривается, как деятельность субъекта, направленная на преобразование его социальной среды для полноценного развития самого субъекта в этой среде. Социальные практики одиноких отцов представляют собой набор действий по реализации определенных обязанностей, прав и ответственности за их выполнение. Одинокий отец понимается как мужчина, в одиночку, воспитывающий ребенка или детей. Выделяют следующие социальные практики отцов-одиночек: практики по отношению к детям до одинокого отцовства; практики организации быта; практики осуществления трудовой деятельности; практики взаимодействия с государством; практики взаимодействия с образовательными учреждениями; практики воспитания; практики отношений с женщинами [2]. К разновидностям практик отцов-одиночек можно отнести и дисциплинарные родительские стратегии, под которыми понимается разновидность практик, когда родители систематически и сознательно применяют меры дисциплинарного воздействия на ребенка [1].

О.С. Кириллова предлагает изучение социальных практик на базе качественной стратегии исследования, которая позволяет дать более полное представление о феномене одинокого отцовства. Для комплексного изучения социальных практик в качестве биографического материала выступают два вида текстов: 1) личные интервью;

2) истории жизни, опубликованные в открытых источниках [2]. В качестве источника опубликованной и находящейся в открытом доступе истории жизни могут выступать социальные сети. Например, в социальной сети ВКонтакте создано множество групп, посвященных проблеме отцов-одиночек или созданных непосредственно по инициативе одиноких отцов. Биографический материал способствует изучению субъективного описанного реального личного опыта отдельных людей в конкретных обстоятельствах, в том числе и в ситуации одинокого отцовства. Указанный метод исследования позволяет выявить и особенности самовосприятия отцов-одиночек. Однако мы хотели бы рассмотреть и другие методики. Например, Л.Е. Семенова и А.В. Чевачина предлагают следующую основу эмпирического исследования:

1) методы сбора данных, среди которых:

– Методика «Неоконченные предложения» А.М. Щетининой. Данная методика направлена на определение характера отношений родителей к своему ребенку, отношения к его будущему, особенностей их самовосприятия как родителей.

– Методика изучения личностных качеств Т. Лири. Данная методика позволяет исследовать образы «Я», «родитель» и «идеальный мужчина» у отцов-одиночек;

2) методы обработки полученных данных, среди которых:

– Методика открытого кодирования, сущность которой заключается в выделении в тексте ответов испытуемых смысловых единиц с их последующей классификацией [4];

Кроме указанных методов и методик исследования, мы считаем возможным применение различных методов семейной диагностики. В качестве примера рассмотрим проективный тест «Семейная социограмма» и метод «Семейной генограммы». Проективный тест «Семейная социограмма» относится к рисуночным проективным тестам и позволяет выявить положение субъекта в системе межличностных отношений и, кроме того, характер коммуникаций в семье — прямой или опосредованный. Использование теста «семейной социограммы» позволяет в считанные минуты в ситуации «здесь-и-теперь» до сеанса семейной психотерапии или во время сеанса визуализировать свои представления о взаимоотношениях в семье, а затем, показав свои бланки, обсудить, что получилось.

К диагностическим методам, позволяющим в виде графической схемы изобразить родственные связи в семье, относится метод «Семейной генограммы». Данный метод реализуется следующим образом: психолог предлагает каждому члену семьи изобразить графически свое представление о семье с помощью определенных символов. Генограмма включает имена и возраст всех членов семьи. В ней даются даты рождений, смертей, браков, разводов, и разрывов в отношениях. В свою очередь психотерапевт на основании расспроса и наблюдения составляет генограмму семьи [6]. Значимость графических методов заключается в том, что они используются для экстернализации (перевода во внешнюю видимую и изображаемую сущность) членами семьи неосознаваемых представлений о характере

взаимоотношений, представляет большую диагностическую информацию для социального педагога и психолога.

О. В. Гнезденева, А. В. Гумницкая, С. Ю. Девярых, М. О. Ермихина, Н. П. Мальтинникова, Е. А. Нестеров, Р. В. Овчарова, Е. Г. Смирнова и др. исследователи активно развивают целостный подход к исследованию современного родительства. Р. В. Овчарова акцентирует внимание на индивидуально-психологических (особенности личности, ценности, взгляды и т. д.) и социальных (социокультурное развитие современного общества, социальный и жизненный опыт личности родителя, опыт родительской любви, приобретаемый человеком в процессе взаимодействия с собственными родителями) аспектах отцовства и материнства. Социальную детерминированность родительства отмечают и другие исследователи (Т. В. Скрицкая, Е. В. Шамарина) [3]. Вышеуказанный подход вполне применим и к изучению одинокого отцовства, поскольку данный феномен имеет не только социальную, но также гендерную и индивидуальную обусловленность.

Во-первых, индивидуальная детерминация связана с тем, что одинокие отцы по-разному осознают свою ответственность за эмоциональное состояние своих детей, их личностное развитие. Во-вторых, особую тревогу в воспитании детей в неполных отцовских семьях вызывают низкий уровень психолого-педагогической культуры отцов-монородителей [5]. О гендерных особенностях отцовской семьи говорил еще Э. Фромм, который подчеркивал условный характер отцовской любви (она может быть заслужена или временно утеряна) [3].

Также следует обратить внимание на то, что социально-психологические условия неполной отцовской семьи существенно различаются в первый период, когда отец-одиночка только адаптируется к своей новой воспитательной роли, учится адекватно воспринимать и оценивать сложившийся социальный статус его семьи, и второй период, когда отец-одиночка начинает активно реализовывать свои новые функции в семье. Например, в случае развода у одинокого отца возникает множество социально-психологических проблем во внутриличностной сфере и межличностных отношениях со своими детьми. С потерей значимого объекта привязанности на некоторый промежуток времени социальная жизнь мужчины практически полностью приостанавливается, он замыкается в себе, переживая утрату. Адаптивные возможности семьи в этот период резко снижены. После данного периода у большинства мужчин на момент одинокого отцовства наблюдаются изменения вида мотивации и структуры интересов, они начинают ориентироваться на детей, на преодоление сложившихся негативных факторов. Ситуация одинокого отцовства в большинстве случаев сигнализирует потерю привычного социального статуса, утрату

стабильности ролевых позиций, а также лишение возможности продолжать вести обычную жизнь, сохранять привычки неизменными [5]. Поэтому, например, в интервью с отцом-одиночкой следует включать вопросы, касающиеся жизненного этапа до одинокого отцовства, этапа адаптации к новой социальной роли, а также периода реализации своих функций, в том числе и воспитательных.

Хотя неполных семей, в которых отец один воспитывает детей, гораздо меньше, чем неполных семей, в которых детей воспитывает только мать, им присущи те же проблемы полнородовой ориентации, что также подлежат изучению в контексте исследований одинокого отцовства как психолого-педагогического явления. Также неполные отцовские семьи имеют повышенную вероятность оказаться в трудной жизненной ситуации в силу их структурной девиации [5], что подтверждает необходимость исследования педагогических условий воспитания детей в таких семьях. Одинокие отцы немного знают о воспитании детей и не считают, что отсутствие опыта мешает быть хорошим родителем. Однако это может вызвать определенные трудности. Поэтому следует подчеркнуть, что респондентами в исследовании феномена одинокого отцовства должны быть и дети, воспитываемые отцами-одиночками. Очевидно, что неполные семьи больше подвержены воздействию негативных факторов. В подобных семьях роли и функции обоих родителей вынужден выполнять один. В норме семье присущи определенные функции: репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-бытовая, экономическая, досуговая, социально-статусная [5].

Таким образом, традиционные методы исследования вполне применимы для исследования социальных практик и специфики одинокого отцовства. Безусловно, наиболее информативным будет комплексное исследование особенностей института одинокого отцовства, что означает изучение как особенностей образа «Я — родитель» у мужчин-монородителей, так и определенных психологических проблем у детей из неполных отцовских семей, уровня сформированности родительской ответственности отцов-одиночек и типа детско-родительских взаимоотношений. Грамотное применение методов и методик психолого-педагогического исследования проблем одиноких отцов и их детей позволит построить наиболее эффективную модель социально-педагогической работы с монородительскими отцовскими семьями. Следовательно, становится очевидной необходимость разработки и реализации специальных методик исследования феномена одинокого отцовства. Основная идея подобных методик — это совокупность методов комплексного исследования данного явления с целью создания программ для оптимизации воспитания детей неполными отцовскими семьями.

Литература:

1. Борисенко, Е. А. Дисциплинарные родительские стратегии в неполных семьях // Мониторинг. — 2010. — № 1 [95]. — С. 172–182.

2. Кириллова, О. С., Петрова Л. Е. Социальные практики одиноких отцов: анализ на основе качественных интервью // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2014. — № 3 (19). — С.128–136
3. Рудзинская, Т. Ф. Социально-психологические аспекты феномена родительства // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. — 2012. — № 4. — С.62–65.
4. Семенова, Л. И. Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин монородителей // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 2. — С 108–111.
5. Ситникова, В. В. Социальная работа с неполными отцовскими семьями / В. В. Ситникова, Е. К. Кузнецова // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. — 2011. — Вып. 54. — с. 62–66.
6. Эйдемиллер, Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 672 с.

Особенности психологического здоровья подростков, совершивших преступления

Карлей Юлия Геннадьевна, магистрант

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

Ключевые слова: психологическое здоровье, психологическое благополучие, ценности здоровья, подростковый возраст.

В последнее время специалистами отмечается увеличение случаев совершения правонарушений подростками. Возросла доля тяжких и особо тяжких преступлений в общем числе правонарушений, совершенных несовершеннолетними преступниками. В связи с этим одной из социально значимых задач является поиск путей по снижению роста правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, и повышение их социально-психологической адаптации. Для этого необходимо выявление психологических особенностей подростков, совершивших преступления, с целью понимания детерминант, определяющих совершение противоправных действий, и разработки на этой основе программы психолого-педагогических мероприятий, направленных на предупреждение такого поведения и их коррекцию.

В качестве такой детерминанты можно выделить психологическое здоровье. Проблема психологического здоровья, которая вышла из проблемы психического здоровья, только начинает изучаться. В трудах Б. С. Братуся, О. С. Васильевой, И. В. Дубровиной, К. Роджерса, А. Маслоу, Н. В. Мясичева, В. И. Слободчикова, Д. И. Фельдштейна, З. Фрейда, К. Г. Юнга определены основные положения, на основе которых рассматривается понятие «психологическое здоровье».

И. В. Дубровина, в своих трудах обозначила, что психологическое здоровье характеризует личность в целом, находится в непосредственной связи с проявлением человеческого духа [2, с. 17–21].

В. Э. Пахальян, анализируя понятие здоровья и понятие психологического здоровья, определяет психологическое здоровье как «... состояние субъективного, внутреннего благополучия личности, обеспечивающее оптимальный выбор действий, поступков и поведения

в ситуациях ее взаимодействия с окружающими объективными условиями, другими людьми и позволяющее ей свободно актуализировать свои индивидуальные и возрастно-психологические возможности» [3, с. 83–94].

По мнению М. И. Чумаковой и В. Смирновой, психологическое здоровье — это психологические аспекты психического здоровья, то есть совокупность личностных характеристик, являющихся предпосылками стрессоустойчивости, социальной адаптации, успешной самореализации [5].

По мнению Т. Ю. Артюховой, главной основой психологического здоровья личности являются равновесные психические состояния, характеризующие адекватное, предсказуемое, взвешенное поведение; эти состояния обнаруживаются, в частности, через эмоциональную устойчивость человека [1].

На основании представленных положений можно выделить, что психологическое здоровье личности рассматривается как интегральная характеристика, которая проявляется в эмоциональной устойчивости и возможности регулировать свое психическое состояние в любых жизненных ситуациях. Оно представляет собой динамическое состояние, характеризующее личность в процессе жизнедеятельности. Психологическое здоровье складывается в процессе интеграции, адаптации и регуляции личности. Основная функция психологического здоровья — это поддержание активного динамического баланса между человеком и окружающей средой.

В структуре психологического здоровья можно выделить несколько компонентов:

— Аксиологический содержательно представлен ценностями «Я» самого человека и «Я» других людей.

— Инструментальный компонент предполагает владение рефлексией как средством самопознания, спо-

способностью концентрировать сознание на самом себе, внутреннем мире и своем месте во взаимоотношениях с другими.

– Потребностно-мотивационный компонент определяет наличие у человека потребности в саморазвитии, в самоизменении и личностном росте [4].

Для изучения каждого компонента мы применяли набор методик:

– Опросник «Индекс общего психологического благополучия»;

– Опросник «Шкала субъективного благополучия» в адаптации А. А. Рукавишниковой;

– Методика «Шкала психологического благополучия К. Риффа» (в версии Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко);

– Опросник «Шкала депрессии» А.Т. Бека;

– Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (УСЦД) Е. Б. Фаталовой.

Исследование проводилось в Балахтинском районе в течение 2015 г. В исследовании приняли участие 30 подростков, совершивших правонарушения и стоящих на учете, в возрасте от 14 до 16 лет (из них мальчиков — 22, среди них 2 подростка, совершили преступления, против жизни и здоровья, 12 подростков, совершили преступления против собственности и 8 подростков, совершили преступления против здоровья населения и общественной нравственности; девочек — 8 человек, все девочки совершили преступления против собственности). Все подростки, совершившие правонарушения, совершали их более одного раза.

Для выявления особенностей психологического здоровья также была привлечена группа 30 человек подростков, не совершавших правонарушений, в возрасте от 14 до 16 лет (из них мальчиков — 18 человек, девочек — 12 человек).

Сравнение показателей осуществлялся с помощью критерия Манна-Уитни U. Результаты представим в виде таблицы.

Таблица 1. Среднегрупповые значения характеристик, по которым были получены значимые различия

Шкала	Средние значения		Значение U
	Подростки, совершившие правонарушения	Подростки, не совершавшие правонарушения	
Тревога	14,1	7,8	87,5**
Депрессия	9,0	6,8	256**
Депрессия по шкале А. Бека	21,3	12,1	128,5**
Самоконтроль	8,0	9,7	249**
Общездоровье	9,0	10,5	286,5**
Эмоциональное благополучие	10,6	13,4	236,5**
Жизненная энергия	9,7	11,8	229,5**
Напряженность и чувствительность	12,9	7,4	55**
Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	16,0	9,2	32**
Изменения настроения	9,8	6,8	158,5**
Значимость социального окружения	12,3	7,9	91**
Самооценка здоровья	9,7	11,1	325,5**
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	13,2	15,1	318,5**

Примечание: * различия значимы на уровне $p < 0,05$

** различия значимы на уровне $p < 0,01$

Сравнительный анализ позволил выделить, что у подростков, совершивших правонарушения, более высокие показатели тревоги и депрессии, но при этом снижены показатели самоконтроля, общего здоровья, они менее эмоционально благополучны, у них сниженный уровень жизненной энергии. Сниженный самоконтроль характеризует данных подростков, как могущих поддаваться стремлению сиюминутного удовлетворения своих желаний вопреки требованиям окружающих, общества. При этом из-за сниженной жизненной энергии такие подростки

менее приспособлены к поддержанию своего благополучного эмоционального состояния. Преобладающие тревога и депрессия формируют у них преимущественно негативное восприятие окружающего мира, актуализируя примитивные стратегии решения возникающих перед ними проблем.

По шкале А. Бека также видно, что депрессия значительно более высокая у подростков, совершивших правонарушения. Такие подростки психологически менее здоровы, чем подростки, которые не совершали правона-

рушения, у них снижено настроение, могут проявляться нарушения мышления (негативные суждения, пессимистический взгляд на происходящее и т.д.).

В группе подростков, совершивших преступления, также можно выделить более высокие показатели напряженности и чувствительности, большая выраженность признаков, сопровождающих основную психоэмоциональную симптоматику, они больше подвержены изменениям настроения, для них более важна значимость социального окружения. При этом у них снижена самооценка здоровья и пониженная степень удовлетворенности своей повседневной деятельностью. Такие подростки отличаются повышенной эмоциональной напряженностью, неуравновешенностью, резкой сменой настроений, обостренным отношением к окружающему. Также в силу значимости социального окружения у таких подростков происходит облегченное усвоение навыков асоциального поведения и общий социально-правовой нигилизм, возникает чувство правомерности своего асоциального поведения, с постоянным стремлением к его оправданию или обвинению окружающих в последствиях своих поступков.

Подростки, не совершавшие правонарушения, отличаются положительным эмоциональным настроением, большей активностью, оптимистичным взглядом на окружающий

мир. У них более высокая самооценка здоровья, и высокая степень удовлетворенности повседневной деятельностью, при этом снижены показатели напряженности и чувствительности, менее выражены признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику, они меньше подвержены изменениям настроения, значимость социального окружения более низкая.

Обобщая полученные результаты, можно отметить, что у подростков, совершивших правонарушения, более низкие результаты по всем изучаемым показателям. Такие подростки имеют ограниченное количество доверительных отношений с окружающими: им сложно быть открытыми, проявлять теплоту и заботиться о других; в межличностных взаимоотношениях, как правило, они изолированы и фрустрированы; не желают идти на компромиссы для поддержания важных связей с окружающими. Они зависят от мнения и оценки окружающих; в принятии важных решений полагаются на мнение других; поддаются попыткам окружающих заставить думать и действовать определенным образом, часто в контексте асоциального поведения.

В дальнейшем мы рассмотрели ценностные ориентации, которые значимы для разных групп подростков. Для этого была использована методика системы ценностных ориентаций личности Е. Б. Фанталовой.

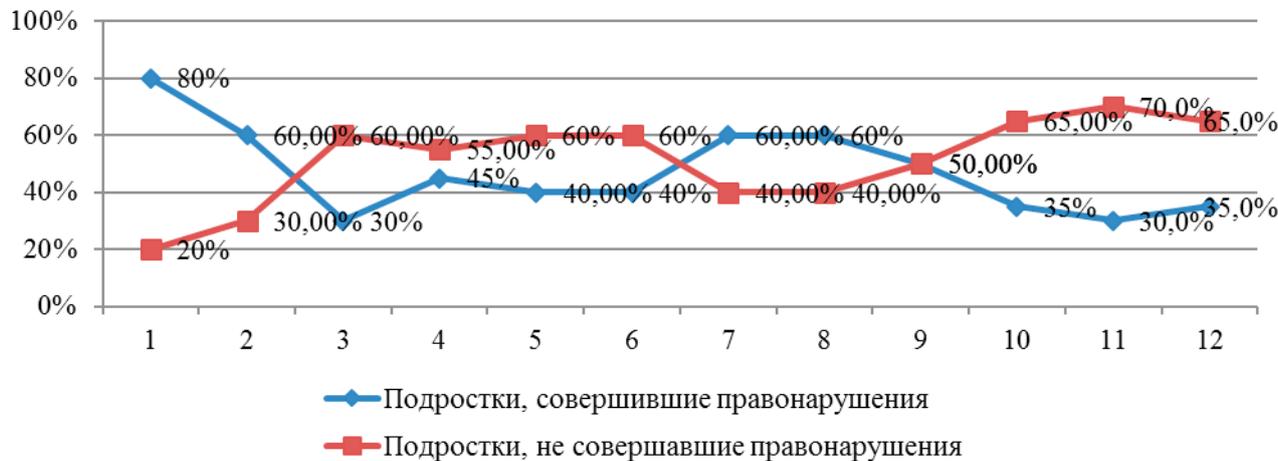

Рис. 1. Среднегрупповые значения ценностей подростков

Условные обозначения:

- активная, деятельная жизнь;
- здоровье (физическое и психическое здоровье);
- интересная работа;
- красота природы и искусства;
- любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком);
- материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений);
- наличие хороших и верных друзей;
- уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений);
- познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие);
- свобода как независимость в поступках и действиях;
- счастливая семейная жизнь;
- творчество (возможность творческой деятельности).

В группе подростков, совершивших правонарушения, ценность здоровья ставят на второе место по значимости — 60% испытуемых, тогда как на первое место 80% подростков ставят ценность активной, деятельной

жизни. На третьем месте по значимости 30% испытуемых ставят ценность интересной работы. Данные результаты показывают, что для подростков, совершивших правонарушения, наиболее важным является актив-

ность, полнота своей жизни, насыщенность их жизни множеством событий, что возможно, является значимой причиной их асоциального поведения, совершения правонарушений.

Изучив компоненты психологического здоровья подростков совершивших преступления, мы пришли к выводу, что у таких подростков психологическое здоровье находится на низком уровне.

Литература:

1. Артюхова, Т. Ю. Адаптационные возможности как показатель психологического здоровья участников образовательного процесса // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. с. 174.
2. Дубровина, И. В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3. С. 17–21.
3. Пахальян, В. Э. Психопрофилактика и безопасность психологического здоровья детей // Прикладная психология. 2002. № 5–6. с. 83–94.
4. Развитие профессиональной компетентности педагогов: программы и конспекты занятий с педагогами / авт. — сост. М. И. Чумакова, З. В. Смирнова. — Волгоград: Учитель, 2008. — 135 с.
5. Черкасова, С. А. Психолого-педагогические условия благоприятного психологического развития детей с ослабленным здоровьем [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ: электр. науч. журнал. 2012. № 3. URL: [ppip.idnk.ru>index.php/-3-2012/344-2012-09-20-07](http://ppip.idnk.ru/index.php/-3-2012/344-2012-09-20-07) (дата обращения: 21.22.2015)

Особенности формирования конфликтного поведения в подростковом возрасте

Костюнина Елена Александровна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В статье рассмотрена проблема формирования конфликтного поведения в подростковом возрасте, проанализирована актуальность данной проблемы, цель, проведено эмпирическое исследование.

Ключевые слова: конфликтное поведение, подростковый возраст.

В современном мире актуальным является рассмотрение проблемы формирования конфликтного поведения в подростковом периоде развития. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что процесс конфликтного поведения в подростковом возрасте по сравнению с другими психологическими явлениями изучен довольно мало. За последние годы резко возросла молодежная преступность, особенно преступность детей подросткового возраста. В этих условиях особенно актуализируется анализ проблемы конфликтного поведения подростков.

В последнее время взрослые и родители все чаще оказываются в безвыходном положении, потому что не в состоянии изменить агрессивное поведение детей, происходящее на их глазах. На сегодняшний день учителя и родители нуждаются в самых разнообразных психологических знаниях, чтобы быть компетентными при встрече с детской агрессией. Чтобы сделать менее острыми трудности, которые испытывает сам подросток, а также его родители и школа, необходимо заранее знать, каковы могут быть проявления асоциального поведения в подростковом возрасте. Анализ причин отклонений в личностном развитии и поведении подростка позволяет применить конкретные приемы воспитательной работы [5, с. 43].

Подростковый возраст — это сложный период в жизни человека, когда ребёнок переходит из детства к взрослости. Ученые по-разному характеризуют подростковый возраст, но все они склоняются к тому, что период взросления имеет разные хронологические рамки, может начаться раньше, может позже. Этот период характеризуется значительными изменениями, происходит конкретная перестройка ранее сложившихся психологических структур, но и возникают новые образования, закладываются основы сознательного поведения подростка. Для этого сложного этапа характерны негативные проявления ребенка, такие как: дисгармоничность в строении личности, протестующий характер поведения по отношению к взрослым и сверстникам, а также агрессивность, повышенная тревожность, жестокость [1, с. 156].

Таким образом, подростковый возраст характеризуется повышенной возбудимостью, неустойчивостью эмоций, тревожностью, агрессивностью в поведении, подростки плохо контролируют себя, эмоциональны и нестабильны, что приводит к повышению конфликтности. Цель исследования заключается в теоретическом и эмпирическом изучении особенностей конфликтного поведения в подростковом возрасте.

Объектом исследования являются непосредственно дети подросткового возраста.

Предметом исследования является характер конфликтного поведения у детей подросткового возраста

Проблемами изучения конфликта и конфликтного поведения занимались такие зарубежные и отечественные ученые, как Анцупова А. Я., Р. Дарендорфа, Хасан Б. И., Шипилова А. И., проблемами по изучению психологических особенностей подросткового возраста рассматривали такие ученые, как Сухомлинский В. А., Эльконин Д. Б. и др.

Основным составляющим любого конфликта является непосредственно противоречие, в котором раскрывается суть интересов, потребностей и целей детей. В каждой конфликтной ситуации имеет место борьба, характеризующаяся стремлением разрешить данное противоречие в свою пользу. В ходе любого конфликта, даже самого незначительного, борьба может затухать и обостряться.

Подростковый возраст характеризуется:

- переходом из детства в сложную взрослую жизнь;
- самоутверждением среди сверстников;
- протестом против взрослых (родителей);
- отказом от опеки;
- отсоединением от семьи;
- количеством сильных эмоций и переживаний;
- формированием взрослой личности;
- нестабильностью в выборе чего-либо, кого-либо;
- переориентацией одних ценностей на другие;
- новой социальной позицией в обществе;
- необходимостью в новых потребностях и возможностях;
- переживанием чувства собственной ценности.

Взрослые относятся к растущим детям, как к маленьким, пытаются всё за них решить, не учитывают особенности их личностного становления. В результате это приводит к большому конфликту с подростками. Подросток ждет не просто внимания, но в первую очередь и понимания, доверия со стороны взрослых [4,

с. 108]. Он стремится играть определенную социальную роль в обществе не только среди сверстников, но и среди старших. Подросток хочет казаться самостоятельным, сложившейся личностью. В результате между взрослыми и подростками происходит психологический барьер, стремясь преодолеть который, многие подростки прибегают и к конфликтным формам поведения [2, с. 180].

Таким образом, проведенный анализ психолого-педагогической литературы показал, что в подростковом возрасте наблюдается повышенная конфликтность, которая обусловлена спецификой протекания данного возрастного периода [3, с. 78]. В связи с этим актуальным является изучение существующего уровня конфликтности и разработки индивидуальных и групповых мер по снижению конфликтности в подростковом возрасте. Можно сказать, что особенности конфликтного поведения у детей подросткового возраста мало изучены, поэтому требуют эмпирического исследования.

Исследование проводилось в МБОУ Шарাপовской СОШ Шатковского района. По рекомендации педагога-психолога школы для проведения нашего диагностического исследования были выбраны учащиеся шестых классов. Количество испытуемых в обоих классах составляет 46 человек, в 6«а» классе — 23 человека, в 6«б» классе — 23 человека. В качестве диагностического инструментария использовались: Методика «Диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению. Опросник К. Томаса»; Методика «Диагностики показателей и формы агрессии А. Басса и А. Дарки (адаптация А. К. Осницкого)»; методика «Личностная агрессивность и конфликтность».

Результаты диагностики респондентов по методике «Диагностика предрасположенности личности к конфликтному поведению». Опросник К. Томаса представлены в таблице 1 и графически на рис. 1.

Таблица 1

Стратегии	Количество учащихся	% соотношение
Соперничество	9	19,56%
Сотрудничество	16	34,78%
Компромисс	13	28,26%
Избегание	5	6,52%
Приспособление	3	10,88%

Из таблицы видно, что 9 чел. (19,56%) предлагают стратегию соперничества. Они стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому, 16 чел. (34,78%) предпочитают стратегию сотрудничества. То есть они приходят к альтернативе, полностью удовлетворять интересы обеих сторон. 13 чел. (28,26%) предпочитают стратегию компромисса, что говорит о готовности прийти к согласию с участниками конфликтной ситуации путем взаимных уступок. 5 чел. (6,52%) — стратегию из-

бегания, что говорит об отсутствии стремления к конкуренции, так и отсутствие тенденции к достижению собственных целей. И 3 чел. (10,88%) выбрали стратегию приспособления, предложение своих интересов в жертву ради других.

Таким образом, исследование по данной методике показало, что 63,04% подростков (29 человек) предлагают стратегию сотрудничества и компромисса, что говорят о правильной позиции в условиях конфликтной

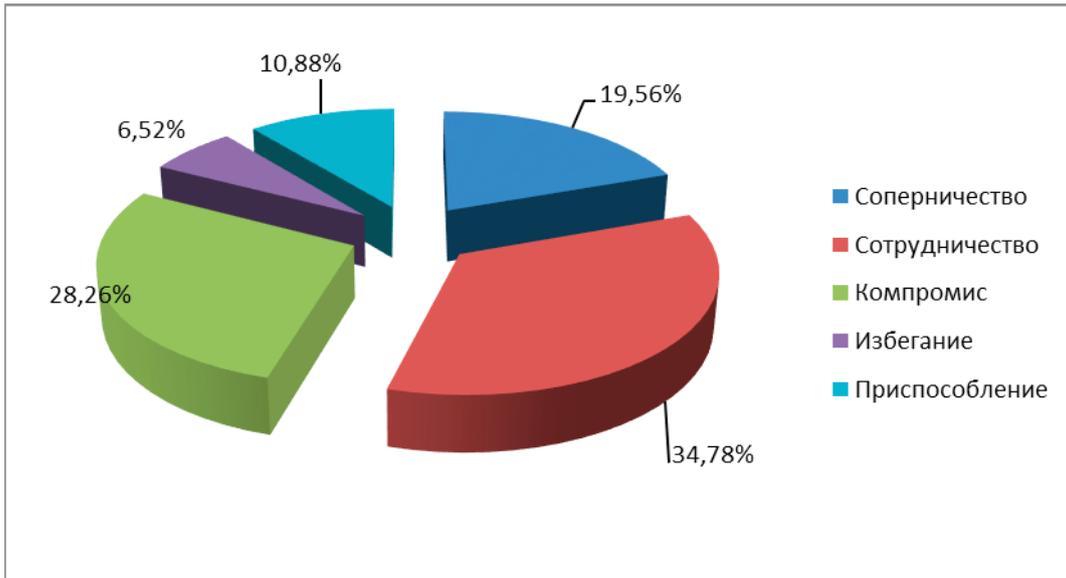

Рис. 1. Результаты по методике «Диагностика предрасположенности личности к конфликтному поведению». Опросник К. Томсона

ситуации, они готовы найти альтернативу, учитывая интересы обеих сторон. А так же 36,96% подростков (17 человек) предпочитают стратегию соперничества, избегания и приспособления. Это говорит с одной стороны об отсутствием стремления к конкуренции, а с другой об

удовлетворения своих интересов в ущерб другого. Результаты диагностики по методике «Диагностика показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (адаптация А. К. Осницкого) представлены в таблице 2 и графически на рис. 2.

Таблица 2

Формы агрессии	Количество обучающихся	% соотношение
Вербальная агрессия	8	17,39%
Косвенная агрессия	5	10,86%
Физическая агрессия	5	10,86%
Раздражительность	2	4,34%
Негативизм	3	6,52%
Подозрительность	2	4,34%
Чувство вины	9	19,56%
Обида	12	26,08%

Из таблицы видно, что у 5 человек уровень физической агрессии выше, чем у остальных по данной категории, что говорит о использовании физической силы против другого лица. У 5 человек уровень косвенной агрессии выше, чем у остальных по данной категории, что говорит о направленности на другое лицо. Также в их поведении присутствуют не направленные порывы ярости — взрывы ярости, проявляющиеся в крике, топании ногами, битье кулаками по столу и т.д. У 2 человек уровень раздражительности превышает норму по данной категории, чем у остальных, что говорит о готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (грубость, вспыльчивость). Подростковый возраст характеризуется повышенной возбудимостью, неустойчивостью эмоций и поведения, подростки плохо контролируют себя, эмоциональны и нестабильны. В основе этого лежит физиологическая перестройка всего

организма. Уровень обиды выше, чем у испытуемых не превышал норму. У 12 человек уровень обиды выше чем у остальных по данной категории, что говорит о готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (грубость, вспыльчивость). У 2 человек уровень подозрительности превышает норму по данной категории, что говорит о готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (грубость, вспыльчивость). У 8 человек уровень вербальной агрессии превышает норму по данной категории, что говорит о выражении негативных чувств как через форму (визг, крик), так и через содержание словесных ответов (угрозы, предупреждения). У 9 человек уровень чувства вины превышает норму по данной категории, что говорит о возможном убеждения субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает плохо.

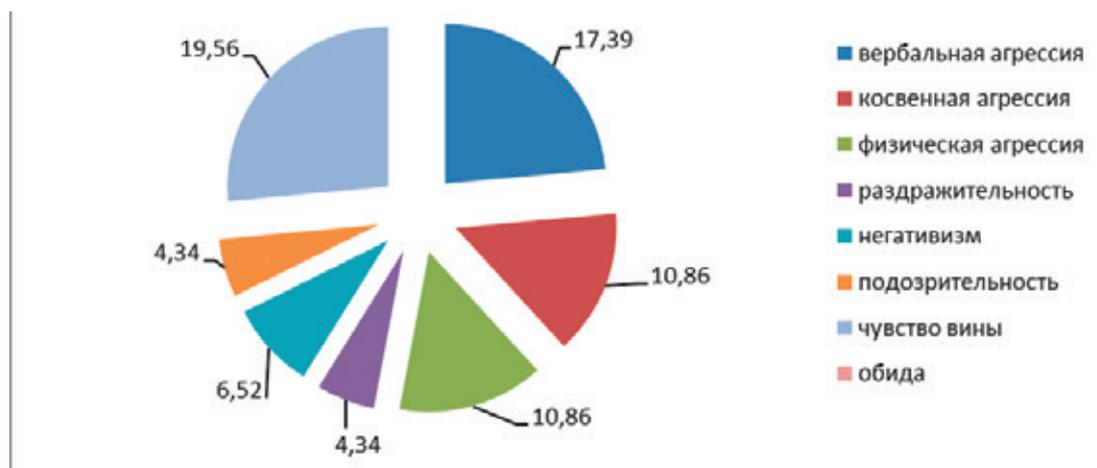

Рис. 2. Диагностика методике «Диагностика показателей и форм агрессии» А. Басса и А. Дарки (адаптация А. К. Осницкого)

Таким образом, исследование по данной методике показало, что больше всего у подростков проявились такие формы агрессии (вербальная, раздражительность и обида).

Результаты диагностики по методике «Личностная агрессивность и конфликтность» представлены в таблице 3 и графически на рис. 3.

Таблица 3

Конфликтная ситуация	Количество учащихся	% соотношение
Вспыльчивость	6	13,04%
Напористость	8	17,39%
Неуступчивость	9	19,56%
Бескомпромиссность	10	21,74%
Мстительность	5	10,86%
Нетерпимость к мнениям оппонента	8	17,4%

Из таблицы видно, что у 6 человек (13,04%) выявлена склонность к вспыльчивости в конфликтной ситуации. У 8 человек (17,39%) преобладает напористость, так же 0 человека проявляют обидчивость в конфликте. Следующие 9 человек (19,56%) неуступчивы, 10 человек (21,74%)

бескомпромиссны и так же 3 человека (6,52%) имеют мстительные склонности в конфликте. У 5 (10,86%) выявлена нетерпимость к мнениям оппонента, а у 8 человек (17,4%) прослеживается подозрительность в конфликтной ситуации.

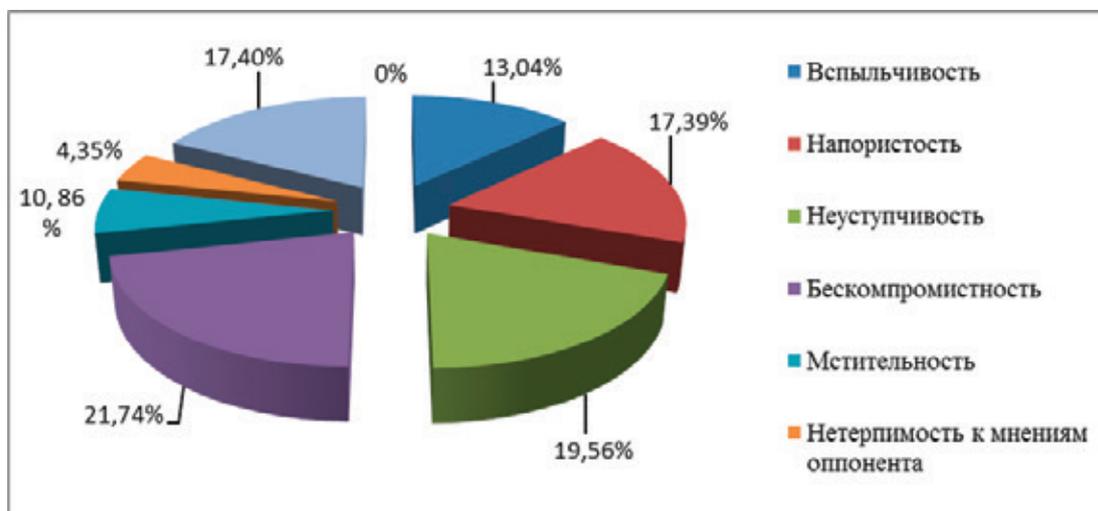

Рис. 3. Диагностика по методике «Личностная агрессивность и конфликтность»

Следовательно, полученные результаты по выше перечисленным методикам взаимодополняют друг друга. Общий уровень конфликтности в классах составляет среднее значение. Полученные данные свидетельствуют о том, что необходимо коррекционное психолого-педагогическое сопровождение подростков, расположенных к конфликту. Из всего вышесказанного следует, что конфликтное поведение в подростковом возрасте с каждым годом прогрессирует в основном это связано с увеличением преступности,

социально-экономическими ситуациями в стране, изменениями условиями жизни, изменениями ценностных ориентаций, приводящих к развитию конфликтности.

Таким образом, своевременная психолого-педагогическая помощь позволит подросткам избежать потери своего «Я», снизить возбудимость, устойчивость эмоций, подростки начинают контролировать свое поведение, менее эмоциональны и стабильны, что приводит к понижению конфликтности.

Литература:

1. Андреев, В. И. Основы педагогической конфликтологии. — М., 1995. — 124 с.
2. Бабосов, Е. М. Конфликтология. Мн.: Тетра-Системс, 2000. — 450 с.
3. Белопольская, А. М. Самосознание проблемных подростков — М., 2007. — 321 с.
4. Волков, Б. Г., Волкова Н. В. Конфликтология: учебное пособие для студентов вузов. — Изд. 4-е испр. и допол. — М: Академический проект, 2010. — 213 с.
5. Здравомыслов, А. Г. Социология конфликтов — М., 1996. — 485 с.
6. Леонов, Н. И. Хрестоматия по конфликтологии. Москва: Московский психолого-социальный институт, 2004. — 152 с.

Отношение подростков к проявлению вербальной агрессии как разновидности агрессивного поведения

Кузнецова Лейла Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент;
Сомова Юлия Сергеевна, студент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

В статье рассматривается проблема формирования агрессивного поведения у детей подросткового возраста. Изучено отношение подростков к проявлению вербальной агрессии. Обозначены основные направления психопрофилактической работы с подростками, склонными к проявлению агрессивного поведения.

Ключевые слова: агрессивное поведение, вербальная агрессия, отношение, дети подросткового возраста, психопрофилактическая работа.

За последние десятилетия современное российское общество ощутило на себе много социально-экономических и духовно-нравственных изменений. Расслоение общества, обнищание средних слоев населения привело к повышению агрессивности, враждебности людей по отношению друг к другу. Средствами массовой информации преподносится модель поведения, в основе которой лежит принцип самовывживания и самозащиты.

Родители перестали быть примером для своих детей, изменились и нравственные принципы воспитания. В силу экономических проблем многие родители не способны уделять должное внимание воспитанию детей, сосредотачиваясь на материальных благах и построение карьеры. Сталкиваясь с повседневной реальностью, родители воспитывают в детях эгоизм, жизненную активность, самостоятельность, настойчивость в достижении целей, умение бороться за свои интересы, ориентацию на себя и материальные ценности, высокую мотивацию до-

стижения. Негативные эмоции и эмоциональные состояния, сопровождающие современно человека по жизни передаются и детям как стиль, образ и качество жизни. Агрессия, враждебность, нервно-психическое напряжение, хроническая усталость, фрустрация стали постоянными спутниками жизни взрослых и детей. Агрессивное поведение перешло в Российский образ жизни, наполненный борьбой за выживание.

Под агрессивным поведением мы понимаем активность личности, направленную на преодоление ситуации, угрожающей удовлетворению значимых потребностей. Агрессивное поведение может сопровождаться повышением враждебности и конфликтности.

В межличностном общении люди проявляют различные формы и виды агрессивного поведения, однако наиболее распространенной формой агрессии является гетероагрессия, наиболее используемый вид агрессии — вербальная.

Вербальная агрессия — это словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме.

Произнесение в чей-либо адрес грубых, насмешливых и язвительных слов как раз является не чем иным, как проявлением вербальной агрессии. Такие слова порой воспринимаются более болезненно, чем агрессивные действия, они глубоко ранят человека. Одним из главных средств проявления вербальной агрессии как способа удовлетворения потребности в самореализации и самоутверждении является ненормативная лексика.

В исследованиях психологов огромное внимание уделяется факторам и механизмам формирования агрессии. Среди зарубежных психологов можно выделить исследования А. Бандуры, Р. Бэрона, Д. Коннора, К. Лоренц, Л. Пэррет, Д. И. Фельдштейна и др. Отечественные психологи тоже уделяют пристальное внимание данной проблеме, особенно факторам и механизмам формирования агрессии у подростков: Е. В. Змановская, О. В. Кобзева, Е. Е. Копченова, О. Ю. Михайлова, Ю. Б. Можчинская, А. А. Налчаджян, Т. М. Семенюк, Т. П. Смирнова и др.

В последние десятилетия особое внимание исследователей привлекает рост агрессивности среди детей подросткового возраста. На общем фоне возросшей агрессии среди людей, психофизиологические особенности подросткового возраста создают благоприятные условия для формирования агрессивного поведения и враждебности.

Личный фактор во многом определяет поведение подростков. Отмечено, что наиболее агрессивные подростки склонны к таким чертам характера как, самоуверенность, дерзость, обидчивость, враждебность. Среди возрастных особенностей эмоционального реагирования подростков традиционно указывается облегченность возникновения эмоциональных реакций, беспричинная смена настроения, повышенная обидчивость. Эмоциональная неустойчивость и повышенная возбудимость несовершеннолетних сочетается с недостаточным развитием их волевой сферы и способности к самоконтролю над проявлениями эмоций в непосредственном поведении. В значительной степени это усугубляется неустойчивостью их самооценки, отсутствием социального статуса. В силу возрастных особенностей агрессия у подростков часто проявляется как эмоциональный взрыв, причем часто неадекватный и неожиданный для окружающих [1].

Несомненно на развитие агрессивности подростка могут влиять природные особенности его темперамента. Неуровновешенность психических процессов в сторону возбуждения способствует формированию таких черт характера, как вспыльчивость, раздражительность, неумение сдерживать себя. Состояние фрустрации становится толчком для проявления у подростков агрессии, помогающей им снять внутреннее нервно-психическое напряжение. Агрессия, может быть, вызвана необходимостью, защитить себя или решить ситуации, в которых подросток не видит иного выхода, кроме драки, или, по крайней мере, словесных угроз.

Таким образом, подростковый возраст является наиболее благоприятным для формирования и проявления агрессивного поведения.

Целью исследования стало изучение отношения подростков к проявлению вербальной агрессии.

В исследовании приняли участие учащиеся 7–8 классов образовательных учреждений г. Шахты Ростовской области, общей численностью 285 человек: 147 девушек и 138 юношей.

Использовались методы исследования: опросник Басса-Дарки, опросник «Проявление ненормативной лексики в межличностном общении».

Проведенное эмпирическое исследование показало, что 37,5% подростков проявляют склонность к агрессивному поведению. Уровень агрессии и враждебности в данной группе подростков выше среднего, преобладает косвенная и вербальная агрессия. Повышена раздражительность, подозрительность, негативизм. Подростки готовы к проявлению агрессии независимо от того, проявляет ли их партнер агрессивность и враждебность или нет.

62,5% подростков, не проявляют склонность к агрессивному поведению. Уровень агрессии и враждебности в данной группе подростков ниже среднего, преобладает вербальная агрессия. Умеренно выражены подозрительность и раздражение. Не склонны к проявлению обиды, чувства вины, негативизма, физической агрессии.

Таким образом, современные подростки склонны к проявлению агрессивного поведения в виде вербальной агрессии. С помощью разработанного нами опросника «Проявление ненормативной лексики в межличностном общении» были изучены причины проявления вербальной агрессии, отношение подростков к проявлению вербальной агрессии.

Результаты исследования показали, что причинами проявления вербальной агрессии людьми, по мнению подростков, являются плохое воспитание людей, маленький словарный запас, выражение отрицательных эмоций. При этом девушки акцентируют внимание на нравственном и социальном аспекте проявления вербальной агрессии, а юноши считают, что ее проявления, прежде всего, связаны с эмоциональной сферой личности — выплеск отрицательных эмоций.

Причины проявления вербальной агрессии у юношей и девушек значительно сходятся. Основная причина употребления в речи бранных слов — это неспособность детей к самоконтролю своих эмоций. При чем ярко прослеживается внутренний локус контроля в объяснении причин проявления вербальной агрессии учащимися, они возлагают ответственность за ее проявления в основном на себя, осознают не способность контролировать свои эмоциональные проявления. 70,6% девушек заявили, что стараются не использовать в своей речи бранные слова. Аналогичный ответ дали 23,8% юношей.

37% девушек и 14,7% юношей утверждают, что употребляют бранные слова редко. 63% девушек и 20,4% юношей

утверждают, что никогда не произносят бранных слов. 64,9% мальчиков воздержались при ответе на данный вопрос.

Большинство подростков считает, что проявляют вербальную агрессию в защитной форме, как ответную агрессию на агрессию. Ситуациями, провоцирующими проявления вербальной агрессии, являются ситуации, когда тебя оскорбляют, обижают, провоцируют гнев или конфликтные ситуации.

Все подростки считают, что проявлять вербальную агрессию плохо. При произнесении бранных слов они испытывают в основном негативные чувства, как направленные на себя — чувство вины, стыда, так и направленные на другого человека — злость, гнев, отвращение и неприязнь к другому. Так же испытываются позитивные чувства — облегчение. Девушки больше склонны к переживанию негативного чувства, направленного на себя — чувства вины и стыда, юноши больше склонны к переживанию позитивного чувства — облегчения.

Подростки чувствуют негативные эмоции (отвращение, неприязнь), когда при них кто-то ругается матом. Чаще всего дети слышат бранные слова от своих сверстников и друзей, а также от взрослых.

Обобщение представлений учащихся по проблеме профилактики проявления вербальной агрессии в обществе позволяет утверждать, что подростки выделяют такие меры профилактики как наказание и не употребление бранных слов в семье. Основной мерой профилактики проявления вербальной агрессии у самих детей является самоконтроль эмоций и речевых проявлений. Подростки хотят научиться навыкам саморегуляции психоэмоциональных состояний, способствующих проявлению агрессии.

43,1% девушек и 21,6% юношей не хотят, чтобы в будущем их дети использовали в своей речи бранные слова, так как ругаться некультурно.

Психоэмоциональное состояние подростков при получении и выдаче вербальной агрессии характеризуется повышенной эмоциональной возбудимостью, эмоциональным

напряжением. При выдаче вербальной агрессии людям для подростков характерно повышение активности, готовность действовать, стремление изменить ситуацию в желаемую сторону, преодолеть трудности. При получении вербальной агрессии наблюдается обратная реакция — снижение активности, жизненного тонуса и энергии, усиление усталости, тревоги. Появляется неуверенность в своих силах. Значительно снижается самочувствие.

Полученные результаты показывают необходимость оптимизации психопрофилактической работы среди подростков. Прежде всего, профилактика проявлений агрессивного поведения среди подростков должна быть направлена на:

1. Коррекцию эмоционально-личностных особенностей подростков.
 2. Обучение подростков навыкам саморегуляции психоэмоционального состояния.
 3. Нормализацию психоэмоционального состояния подростков в процессе проведения релаксационных тренингов.
 4. Формирование у подростков знаний в области психологии общения. Обучение основам этики делового общения, конфликтологии.
 5. Развитие коммуникативных навыков у подростков, обучение продуктивным стратегиям поведения в ситуации конфликта.
 6. Вовлечение подростков в специальную систему социальной деятельности: занятия в спортивных секциях, развивающих кружках: «Лидер», «Жостик» и др.
 7. Информирование родителей по проблеме профилактики проявлений вербальной агрессии у подростков в семье.
- В рамках образовательных учреждений полученные в процессе исследования данные могут использоваться для разработки психопрофилактических программ, направленных на предупреждение проявления агрессивного поведения, ненормативной лексики в общении, усилению значимости речевой культуры среди молодежи.

Литература:

1. Семенюк, Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции / Л. М. Семенюк. — М.: Флинта, 2001.

Особенности формирования социально-нравственных норм поведения педагогически запущенных подростков средствами библиотерапии

Кузнецова Анна Александровна, соискатель
Шадринский государственный педагогический институт

Проблема педагогической запущенности подростков приобретает в современной школе актуальность для всех участников образовательного пространства. Атмос-

фера современного образовательного пространства осложнена совокупностью умственных, эмоциональных и физических нагрузок, что предьявляет усложненные

требования к психическим процессам и интеллектуальным возможностям ребенка, к его личности. Одним из направлений нового федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС), утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от «17» декабря 2010 г. является обеспечение условий создания социальной ситуации развития обучающихся, обеспечивающей их социальную самоидентификацию посредством личностно значимой деятельности. ФГОС указывает на важную роль психологического сопровождения школьников, одним из обязательных мероприятий которого является психологическое сопровождение детей «группы риска», в том числе из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Педагогическая запущенность является одной из самых распространенных отклонений развития учащихся, которые относятся к «группе педагогического риска».

Анализ психолого-педагогической литературы дает основание утверждать, что педагогически запущенные подростки, так или иначе, имеют отклоняющееся поведение. Педагогическая запущенность младшего школьника без психолого-педагогической коррекции приводит к социально-педагогической запущенности в подростковом возрасте.

В связи с этим появляется необходимость коррекции отклоняющегося поведения педагогически запущенных подростков с помощью формирования социально-нравственных норм поведения педагогически запущенных подростков средствами библиотерапии.

Целью психолого-педагогической работы является формирование социально-нравственных норм поведения и коррекция отклоняющегося поведения средствами библиотерапии.

Формирующие воздействия осуществляются на основе следующих **механизмов**:

– *механизма проекции* или бессознательном переносе собственных переживаний и состояний на объект. Для стимулирования механизма проекции предусматривалось вовлечение учащихся в практическую деятельность, включающую в себя беседу, игровые упражнения, подросткам предлагалось проанализировать или продолжить ситуации, допускающие множественность интерпретаций при их восприятии испытуемыми;

– *механизма идентификации* — пониманию и интерпретации другого человека путем отождествления себя с ним. Для стимулирования механизма идентификации использовались следующие приемы: чтение классических художественных произведений и просмотр кинокартин с последующим анализом, моделированием поведения;

– *механизма рефлексии* — осознанию подростком себя, своих действий и того, как он воспринимается партнером по общению. В разработанные формирующие занятия были включены вопросы и упражнения, которые являются основой для самоанализа, осознания и формулирования подростками собственных личностных проблем, полученных впечатлений.

Формирующая работа с педагогически запущенными учащимися включает в себя 22 занятия, 20 из которых с подростками, 1 консультация с элементом мастер-класса с родителями и 1 консультация с педагогами. Занятия проводятся один раз в неделю, продолжительностью 40 минут. Педагогически запущенные подростки разделены на 2 подгруппы, каждая из которых составляет 12 человек.

Структура занятий формирующей программы включает в себя:

– *вводную часть* (3–5 минут): беседы, анализ эмоционального состояния, изотерапию, музыкотерапию, обеспечивающие нормализацию психоэмоционального фона, мотивирующие на дальнейшую работу;

– *основную часть* (30 минут): формирование, пополнение и уточнение знаний о правилах и нормах поведения через чтение и анализ классических художественных произведений, анализ проблемных ситуаций, решение личностных проблем через идентификацию с образом художественного произведения при помощи направленного чтения, психогимнастические упражнения, способствующие расслаблению и нормализации мышечного и психического тонуса;

– *заключительную часть* (3–5 минут): релаксационные упражнения и задания на рефлексии, упражнения на установление позитивного эмоционального состояния, подведение итогов, ритуал прощания.

В работе с подростками применяется **комплекс формирующих средств**:

1. Библиотерапия, например, «На берегу» Е. Самарина, «Лёля и Минька: Золотые слова» М. Зощенко, «Генерал Федюнинский» С.П. Алексеева, «Мальчики» А.П. Чехова.

2. Релаксационные упражнения — снятие мышечного и психического напряжения (Например, упражнение Ж. Джекобсона [2] «Напряжение глазодвигательных мышц», упражнения Ю. Пахомова [4] «Интроскоп» «Замедленное движение», «Фокусировка»).

3. Психогимнастика — упражнения, направленные на создание работоспособности, и упражнения содержательного плана, способствующие тренировке тех или иных приемов, способов общения, элементов поведения, которые в дальнейшем могут быть включены в какое-либо действие (упражнения Н. Ю. Хрящевой [3] (психогимнастика в тренинге), Л. Ф. Анн [1] (психологический тренинг с подростками).

4. Изотерапия — применялись упражнения с использованием изобразительной деятельности, которые помогали детям осознать и разрешить проблемную ситуацию, внешне ее выразить в рисунке и определить выход из нее (Например, рисунок «Скромность в природе», рисование «Радость», рисование «Дружба», рисунок «Семья-это счастье»).

5. Музыкотерапия — прослушивание и сопровождение некоторых заданий классических музыкальных произведений (Например, отрывок из произведения

Л. В. Бетховена «Элизе», «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик» П. И. Чайковского).

6. Рефлексия — закрепление полученных знаний и навыков самоконтроля и самоанализа на занятии в виде практических заданий в индивидуальном альбоме (рисунки, заполнение цветового поля, показывающего эмоциональное состояние, заключительная беседа, ответы на вопросы, домашние задания).

Работа с родителями и педагогами предусматривает консультативную и просветительскую работу. В ходе формирующей работы в конце каждого этапа и блока проводятся контрольные срезы, представленные в процентном соотношении. Для этого используется метод наблюдения за поведением подростков в ходе выполнения предъявляемых заданий и упражнений, при обсуждении предложенного художественного произведения.

Психолого-педагогическая работа с педагогически запущенными подростками включает в себя **три этапа**: ориентировочный, конструктивно-формирующий, закрепляюще-обучающий (рис. 1).

Психолого-педагогическая работа с педагогически запущенными подростками включает в себя **три этапа**: ориентировочный, конструктивно-формирующий, закрепляюще-обучающий (рис. 1).

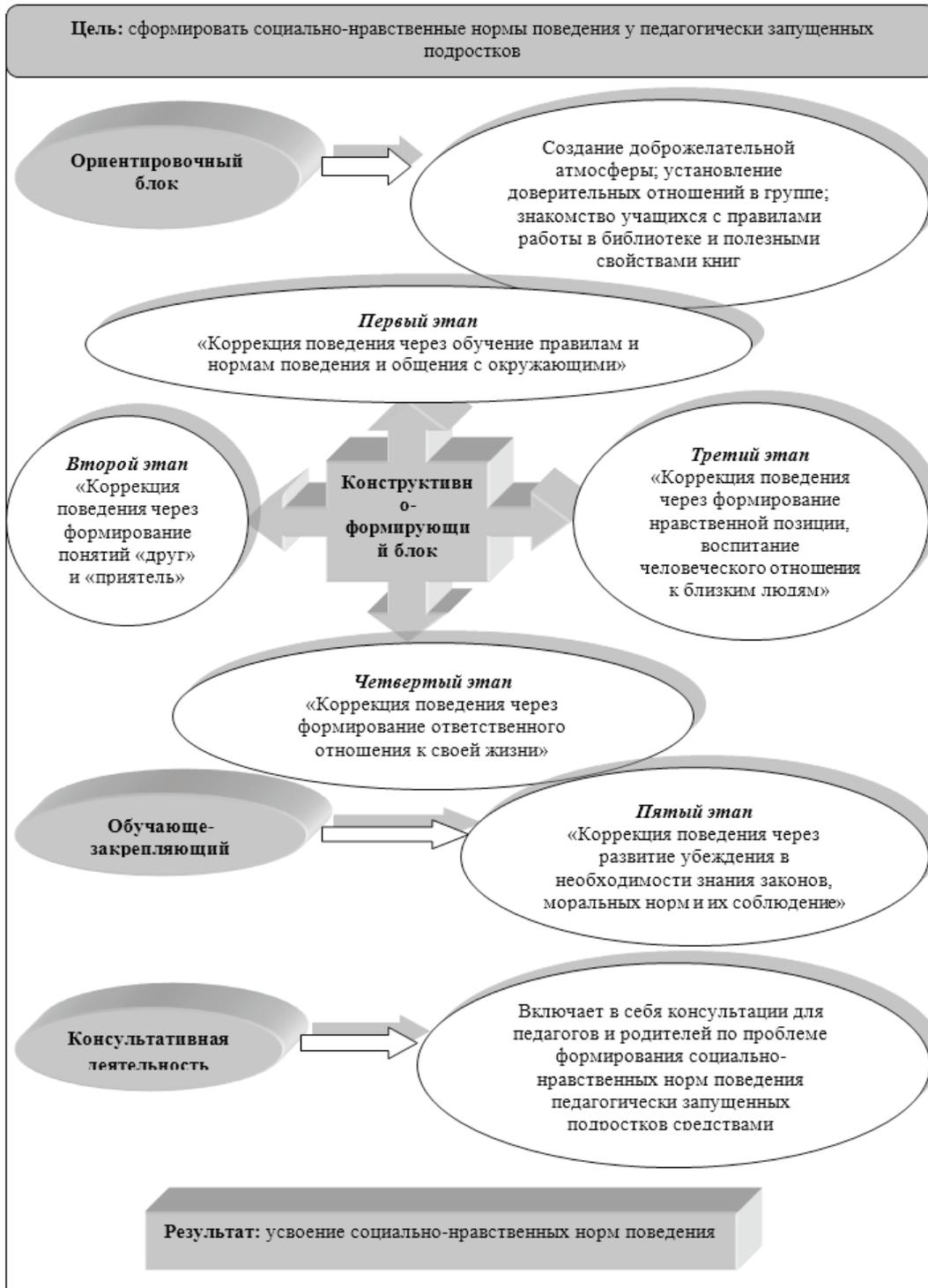

Рис. 1. Схема реализации формирующей работы

В процессе **ориентировочного блока** предполагалось формирование умения работать с художественной литературой; развитие положительного отношения к чтению книг; воспитание чувства товарищества, единства группы.

Работа с детьми началась с создания благоприятных условий для работы в группе. Для этого использовались вербальные (упражнение «Знакомство», беседа «Полезные свойства чтения») и невербальные (психогимнастика) способы взаимодействия. Эти способы предполагают знакомство между участниками группы, принятие детьми информации о полезных свойствах чтения, правилах работы в библиотеке, создание благоприятного эмоционально-психологического фона в группе. На данном этапе не все подростки активно включились в работу, мотивируя это следующим: «... У меня нет никаких увлечений...», «... Ты вообще ничего не умеешь...». Только 5 (20,8%) испытуемых включились в работу активно, но постоянно пытаюсь успокоить других, они выкрикивали: «... Быстро садьте, вы только мешааете...», «... Хватит шуметь, тут вообще-то взрослый...». Анализ ориентировочного блока показал, что все участники эксперимента нуждаются в формирующей работе.

Конструктивно-формирующий блок был разделен на 4 этапа.

На первом этапе решаются следующие задачи: развитие умения анализировать положительные и отрицательные поступки; формирование понятия о добре и зле; формирование понятия о вежливости и правилах хорошего тона; формирование понятия о скромности.

Например, в процессе развития умения *анализировать положительные и отрицательные поступки* мы использовали упражнение «Мои качества личности». Отказались выполнять задание 3 (12,5%) участников группы, объясняя отказ тем, что хорошего в них мало, а на плохое места не хватит. 8 (33,3%) подростков с удовольствием заполняли столбик с отрицательными качествами, пренебрегая при этом положительными (Витя Д.: «... У таких как я нет положительных качеств...»).

После чтения рассказа «На берегу» Е. Самарина мы задали вопрос: «Какое у вас сложилось мнение о каждом из героев? 4 (16,7%) респондентов адекватно оценили поступки ребят из рассказа (Рома К.: «... Один, только говорил, какой он крутой и герой, а другой спас мальчика и всё...»). Остальные 58,3% стали находить причины, оправдывающие одного из героя рассказа (Кирилл В.: «... Может он просто не умел плавать и в другой ситуации спас бы мальчишку...», Аня Б.: «... Он же давал советы Толе, а иногда и словами тоже можно помочь...»). После предлагалось вернуться к первому заданию и карандашом другого цвета из своих качеств выделить те, которые подростки увидели у героев рассказа. В основном дописывали только положительные качества мальчиков из рассказа, так как их оказалось не достаточно записано при выполнении первого задания. Занятия первого этапа позволили скорректировать поведение через обучение пра-

вилам и нормам поведения и общения с окружающими у 28% испытуемых.

В ходе **второго этапа** решались задачи: формирование представлений о радости, понятий о дружбе и приятельстве, умения обобщать знания по определенной теме, осознавать и высказывать свои переживания по проблеме, развитие эмпатии, дружелюбного отношения к сверстникам.

Например, *формирование понятий о дружбе и приятельстве* осуществлялось с помощью рисования на тему: «Дружба». Ребята должны сами решить, кто будет входить в подгруппу, рисовать нужно молча, объясняясь только жестами. Распределение испытуемых по подгруппам получилось не равномерным по количеству человек и половой принадлежности (Аня П.: «... Мы не дружим, но с мальчиками я не хочу быть в одной команде, они только мешать будут...», Кирилл В.: «... Я его знаю, он крутой пацан...»). 5 (20,8%) испытуемых были отвергнуты каждой подгруппой и вошли в 3 подгруппу. В подгруппах, собранных с осознанным выбором испытуемых сюжет рисунка выстраивался быстрее, чем в 3 подгруппе.

После чтения рассказа «Письмо и память» Вдовычченко Е. Ф., мы задали вопрос «Как вы думаете, в этом рассказе есть дружба между мальчиками?» 14 (58,3%) ребят ответили, что дружба есть, 5 (20,8%) из их числа сомневались, но дружбу не отрицали (Таня Л.: «... Но мальчик же написал ему письмо, даже два, не забыл про день рождения...», Юра М.: «... Мальчик Сеня все помнил, про лагерь, про друга, просто забыл ему написать...»). Остальные 10 (41,7%) ответили, что дружбы нет (Ксюша П.: «... Когда дружат, не забывают отвечать на письма и про день рождения своего друга...»). Проведя задания и упражнения второго этапа, скорректировано поведение через формирование *понятия «друг» и «приятель»* оказалось у 44,8% испытуемых.

На третьем этапе мы решали задачи: формирование чувства гордости и нежности к близким людям, представлений детей о семье, о доброжелательных отношениях родных людей, понимания ролевых взаимоотношений в семье.

Например, формирование понимания ролевых взаимоотношений в семье осуществлялось с помощью упражнения «обсуждение проблемных ситуаций». Предлагалось проанализировать несколько проблемных ситуаций в семье, при решении которых оба противоположных требования должны быть выполнены: «Мама попросила вас убрать в квартире, а во дворе ребята начинают играть в футбол, и вы — игрок одной из команд. Что же делать?». 20 (83,3%) испытуемых решили проблему в пользу обеих сторон (Ксюша П.: «... Я попрошу маму подождать, после игры уберу в квартире...», Кирилл В.: «... Мама поймет, что игра для меня важна, она подождет пока я играю, либо уберет сама, а я потом сделаю, что-нибудь другое...»). 4 (16,7%) подростка пошли бы играть в футбол, они также не дали прямого ответа уберут ли квартиру после этого (Лена Д.: «...

Я пойду играть в футбол, убраться можно и потом...»). После чтения и анализа рассказа «... Бы» В.Ю. Драгунского мы задали вопросы, один из которых: «Как вы считаете, всегда ли родители вас понимают?». Только 8 (33,3%) подростков считают, что родители их понимают. Остальные называли разные причины недопонимания со стороны родителей (Например: «... Много времени проводят на работе...», «... Мы мало разговариваем...», «... Мне скучно дома, с друзьями веселее...»). Задания и упражнения данного этапа помогли закрепить представления о социально-нравственных нормах поведения у 68,6% испытуемых, и выяснили, что 31,4% подростков еще нуждаются в формирующей работе.

На завершающем **четвертом этапе** мы определили следующие **задачи**: развить мотивацию к познанию, учению; сформировать понимание необходимости быть трудолюбивым; воспитать чувство долга, сопереживания и гордости за своих родных и соотечественников; воспитать чувство ответственности за свои поступки.

Например, в процессе воспитания чувства ответственности за свои поступки мы использовали чтение произведения Л.Н. Толстого «Корова». После прочтения рассказа мы задали вопросы, один из которых: «Как бы вы поступили на месте главного героя рассказа?». Мы выяснили, что 21 (87,5%) подростков признались в своем нехорошем поступке, если бы его последствия смогли навредить кому-то. 3 (12,5%) испытуемых ответили, что вообще не стали признаваться, побоялись бы наказания. Анализируя результаты заключительного этапа конструктивно-формирующего блока, мы пришли к выводу, что задания и упражнения этого блока помогли сформировать социально-нравственные нормы поведения у 85,4% подростков.

В ходе занятий обучающе-закрепляющего блока мы решали **задачи**: закрепление здоровых установок и навыков ответственного поведения, интереса к чтению на примере известных людей, умений и навыков законопослушного поведения, формирование понятия о увлечениях.

Например, в процессе закрепления интереса к чтению на примере известных людей происходило с помощью чтения рассказа Антуана Экзюпери «Воспоминания о некоторых книгах». После прочтения мы задали вопрос: «Ребята, а у вас есть любимые книги?». 11 (45,8%) подростков читают и у них есть любимые книги. На вопрос: «... Как вы считаете, стоит ли читать книги?» 22 (91,7%) испытуемых ответили положительно, при этом 3 (12,5%) из их числа считают, что чтение нужно только, чтобы закончить школу. Посчитали, что чтение книг бесполезное занятие 2 (8,3%) подростков. **Закрепление полученных знаний и умений законопослушного поведения** мы закончили чтением рассказа В.А. Сухомлинского «Стыдно перед соловушкой». На вопрос: «Как бы вы поступили на месте девочек?» 21 (87,5%) испытуемых ответили, что не стали бы оставлять мусор после себя (Кирилл В.: «... Вдруг мы туда опять придем, не хочется в грязи отдыхать...»). Однако на вопрос: «Вспомните, вы всегда убираете за собой мусор в общественных местах?» положительно ответили только 9 (37,5%) подростков. Подводя итог, отметим, что после занятий обучающе-закрепляющего блока навыки социально-нравственного поведения были сформированы у 88,6% подростков.

В ходе коррекции отклоняющегося поведения через формирование социально-нравственных норм поведения прослежена динамика изменения поведения подростков (рис. 2).

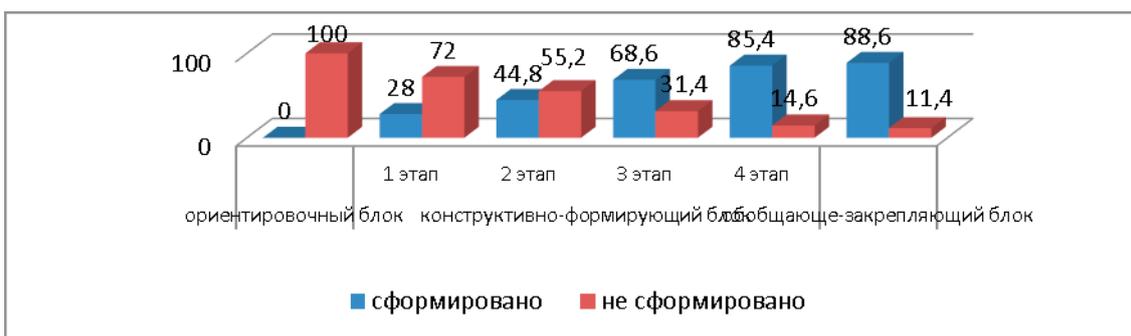

Рис. 2. Динамика формирования социально-нравственных норм поведения на занятиях, %

На этапе формирующих воздействий удалось скорректировать отклоняющееся поведение через формирование социально-нравственных норм у 88,6% подростков. Из результатов видно, что после формирующей работы произошли значимые изменения в уровнях сформированности социально-нравственных норм поведения у педагогически запущенных подростков ($\phi^* = 16,19$ при $p < 0,01$). Что доказывает эффективность разработанной нами про-

граммы по формированию социально-нравственных норм поведения педагогически запущенных подростков средствами библиотерапии.

Таким образом, коррекции отклоняющегося поведения педагогически запущенных подростков способствуют занятия с использованием библиотерапии, в ходе которых у подростков формируются способность бессознательного переноса собственных переживаний и состояний

на объект; понимание и интерпретация другого человека путем отождествления себя с этим человеком; осознание

подростком себя, своих действий и того, как он воспринимается партнером по общению.

Литература:

1. Анн, Л. Ф. Психологический тренинг с подростками [Текст]. — СПб.: Питер, 2007. — 271 с.
2. Каппони, В. Сам себе психолог [Текст]: пер. с чешск. / В. Каппони, Т. Новак. — СПб.: Питер, 1994. — 220 с.
3. Психогимнастика в тренинге [Текст] / Под редакцией Н. Ю. Хрящевой. — СПб.: Речь, Институт Тренинга, 2004. — 256 с.
4. Цзен, Н. В., Пахомов Ю. В. Психотренинг: игры и упражнения [Текст] / Н. В. Цзен, Ю. В. Пахомов. — М.: Физкультура и спорт, 1988. — 272 с.

Анализ эффективности использования методов арт-терапии в психологической коррекции страхов у детей 5–9 лет

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор
Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Лаптева Ирина Витальевна, медицинский психолог
БУЗ ВО ВГБ № 16 (г. Воронеж)

Своевременно проведенная психологическая коррекция детских страхов является важным звеном в профилактике аффективных расстройств у детей, влияющих на психическое развитие ребенка, и способствует гармонизации психоэмоционального состояния на пути преодоления возрастной предрасположенности к возникновению фобических расстройств.

Ключевые слова: детские страхи, психологическая коррекция, арт-терапия, изотерапия, сказкотерапия.

Актуальность. Применение методов арт-терапии (таких как изотерапия и сказкотерапия) при преодолении страхов детьми в условиях детской поликлиники является наиболее доступным и адекватным инструментом помощи детям дошкольного и младшего школьного возраста, так как не требует много затрат и в силу возрастных особенностей (магического восприятия действительности и тяги к рисованию) позволяет в краткосрочной терапии добиться гармонизации состояния ребенка за 2–10 занятий в зависимости от индивидуальных особенностей и степени травмирования пугающей ситуацией, предотвращая тем самым дальнейшую невротизацию ребенка и открывая его эмоциональные ресурсы на будущее взросление.

При оценке эффективности использования методов арт-терапии не ставилась задача выявления самого эффективного метода, так как в большинстве случаев были использованы арттерапевтические методики в комплексном подходе (с элементами сказкотерапии, игровой и изотерапии). Целью данного исследования явилось изучение эффективности арт-терапии в краткосрочной психологической коррекции детских страхов.

Материал и методы исследования. Исследование проводилось в г. Воронеже в 2014–2015 годах. Базой эмпирического исследования явилась детская поликлиника 7 (БУЗ ГО Воронежская городская больница 16).

В исследование были включены 60 пациентов поликлиники в возрасте 5–9 лет, (35 девочек и 25 мальчиков), не состоящих на диспансерном учете и не имеющих отягченного психоневрологического анамнеза.

Для психодиагностики были использованы следующие **методики:**

1. Беседа с родителями и ребенком и наблюдение за ним.
2. Рисуночные проективные методики «Несуществующее животное», «Мои страхи», «Моя семья».
3. Шкала реактивной и личностной тревоги Ч. Д. Спилбергера.
4. Цветовой тест Люшера.

Программа психологической коррекции

До начала работы: знакомство, беседа, установление контакта, психологическая диагностика.

Далее: психокоррекционные занятия, в среднем 2–10. Повторная психодиагностика.

Цели психологической коррекции:

1. Гармонизация психоэмоционального состояния ребенка
2. Избавление от страха, снижение общего уровня тревожности в результате арттерапевтического отреагирования.

Страх является одной из основных эмоций. В теории дифференциальных эмоций К. Изарда страх — базовая эмоция, которая является «врожденным эмоциональным процессом с генетически заданным физиологическим компонентом, строго определенным мимическим проявлением и конкретным субъективным переживанием».

Страх — аффективное (эмоционально заостренное) отражение в сознании человека конкретной угрозы для его жизни и благополучия. Эта эмоция отличается от состояния тревоги, которая является эмоционально заостренным ощущением предстоящей угрозы. Эмоционально неблагополучный ребенок, в зависимости от психической структуры личности, жизненного опыта, взаимоотношений с родителями и сверстниками, может испытывать как тревогу, так и страх. Состояние безотчетного, неопределенного беспокойства порождает тревогу, а боязнь определенных объектов или мыслей — чувство страха. Переживание страха сопровождается перенапряжением психофизиологических функций организма: ребенок теряет, не может ответить на простые вопросы, у него дрожит голос, потеют ладони, он может испытывать дискомфорт в области сердца, ощущение «комка в горле», проявлять избыточную или, наоборот, дефицитарную активность, впадая в состояние ступора.

Страхи бывают двух типов: возрастные и невротические.

1. Возрастные страхи, связанные с осознанием конечности жизни, могут испытывать в норме все дети. В этом случае они носят временный характер и обычно исчезают при наличии убедительной рационализации. Повышенное появление возрастных страхов отмечается у гиперчувствительных, эмоционально лабильных, сензитивных детей как отражение особенностей их психического и личностного развития.

М. В. Киселева выделяет следующие факторы возникновения возрастных страхов:

- 1) Наличие страхов у родителей,
- 2) Тревожность в отношении с ребенком,
- 3) Гиперопека или, наоборот, недостаток контроля со стороны родителей,
- 4) Изоляция от общения со сверстниками,
- 5) Повторяющиеся нереализуемые угрозы всех взрослых в семье,
- 6) Конфликтные отношения между родителями,
- 7) Неполная семья,
- 8) Психические травмы типа испуга,
- 9) Психологическое заражение страхами в процессе общения со сверстниками и взрослыми.

2. Невротические страхи характеризуются большей эмоциональной интенсивностью и напряженностью, длительным течением или постоянством, неблагоприятным влиянием на формирование характера и личности, взаимосвязью с другими невротическими расстройствами и переживаниями, избеганием объекта страха, всего нового и неизвестного, трудностью коррекции, так как невротические страхи — это результат длительных и неразрешенных

переживаний. Невротическим страхам чаще всего подвержены эмоционально чувствительные дети, испытывающие затруднения в отношениях с родителями, у которых сильно искажены их самопредставление и самооценка из-за переживаний, связанных с конфликтами в семье. Эти дети не могут полагаться на взрослых как на источник безопасности, авторитета и любви (В. Окендер).

Арт — терапия — метод психотерапии, в котором для лечения и психокоррекции используются художественные приемы и творчество (рисование, лепка, создание сказок, историй и др.) Сам термин ввел в употребление Адриан Хилл в 1938 г. Приемы арт-терапии опирались на идею З. Фрейда о том, что внутреннее Я человека проявляется в визуальной форме всякий раз, когда он спонтанно творит, а также на мысли Юнга о персональных и универсальных символах. В рамках данного подхода развиваются два направления. Сторонники одного (Э. Крамер) рассматривают искусство как самодостаточное терапевтическое средство. Сторонники другого (М. Наумбург) полагают, что со временем методы арт-терапии будут как независимым терапевтическим приемом, так и вспомогательным средством для традиционных подходов. При этом оба направления рассматривают изобразительное искусство в качестве средства, помогающего в интеграции и раскрытии личности.

Прием арт-терапии — изотерапия (рисование) — это творческий акт, позволяющий детям ощутить радость свершений, свободно выразить свои чувства, отношение к действительности.

А. А. Осипова выделила основные этапы изотерапии:

1. Предварительный ориентировочный этап: исследование ребенком обстановки, изобразительных материалов,
2. Выбор темы рисования,
3. Поиск адекватной формы выражения,
4. Разрешение конфликтно-травмирующей ситуации в символической форме.

При анализе рисунка важно учитывать то, как с помощью художественных средств (цвет, форма, размер) передаются эмоциональные переживания ребенка.

Другой метод коррекции детских страхов — сказкотерапия — «метод, использующий сказочную форму для интеграции личности, развития творческих способностей, расширения сознания, совершенствования взаимодействий с окружающим миром».

Выделяют следующие коррекционные функции сказки: психологическую подготовку к напряженным эмоциональным ситуациям, символическое отреагирование физиологических и эмоциональных стрессов, принятие в символической форме своей физической активности.

Волшебные сказки описывают глубинный человеческий опыт прохождения эмоциональных кризисов и преодоления страхов, позволяющий справиться с психотравмирующими ситуациями.

Результаты исследования. По результатам данного исследования, направленного на изучение эффективности

арт-терапии в краткосрочной психокоррекции детских страхов, были получены следующие результаты:

В 70 процентах всех случаев психокоррекционные мероприятия принесли положительную динамику и избавление от беспокоящего контекста за 2–4 занятия. У детей улучшилось психоэмоциональное состояние, наладился сон, понизился общий уровень тревожности. В течение периода наблюдения — 1–2 лет не было повторных обращений с какими-либо жалобами.

В 20 процентах всех случаев (с преобладанием в выборке девочек примерно в 2 раза) потребовалась более длительная психокоррекция, до 10 сеансов, с повторным отреагированием беспокоящего контекста. В большинстве случаев это были ситуации, вызванные недавними событиями, то есть имеющие острый характер.

Еще примерно 10 процентов случаев попадали под характеристики тяжелых, невротических, вызванных си-

туацией дистресса, расстройств, обусловленных неблагоприятной семейной ситуацией и нарушением детско-родительских отношений. В этом случае акцент терапии смещался на работу с деструктивными родительскими установками.

В целом же результаты исследования можно оценивать как позитивные и подтверждающие эффективность арттерапевтических методик в работе психолога с детскими страхами в краткосрочной психокоррекции.

Выводы:

В результате проведенного исследования подтвердилась эффективность арт — терапии в краткосрочной психокоррекционной работе с детскими страхами. Необходимо дальнейшее изучение комплексного воздействия различных методик для составления универсальной психокоррекционной программы, подходящей для подавляющего большинства детей, с учетом их возрастных особенностей.

Литература:

1. Киселева, М. В. Работа психолога с детьми. СПб., 2008.
2. Осорина, М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2009.
3. Современный ребенок. Энциклопедия взаимопонимания / Под ред. А. Я. Варга. М., 2006.
4. Хухлаева, О. В., Хухлаев О. Е. Лабиринты детской души. Терапевтическая сказка. М., 2008.
5. Хабарова, Т. Ю., Куташов В. А. Опыт применения фототерапии в индивидуальной работе психолога, психотерапевта // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2015. № 59. С. 60–66.
6. Хабарова, Т. Ю. Психологический аспект реализации здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях // Актуальные подходы в вопросах здоровьесберегающей и инновационной деятельности образовательных учреждений: материалы Всероссийской научно-практической конференции (ВОИПКиПРО, 29 февраля 2012 г.) — Воронеж: — ВОИПКиПРО, 2012. — с. 30–33.
7. Хабарова, Т. Ю. Применение арт-терапии в лечении депрессивных и зависимых пациентов // Молодой ученый. — 2015. — № 4. — с. 107–111.
8. Хабарова, Т. Ю. Анализ современной системной коррекции депрессивных расстройств в психосоматической медицине // Т. Ю. Хабарова // Молодой ученый. — 2015. — № 6. — С. 305–308.
9. Хабарова, Т. Ю., Куташов В. А., Щербак Е. А. Депрессивные состояния у подростков с гиперкинетическими расстройствами // Молодой ученый. — 2015. — № 14. — с. 66–69.
10. Хабарова, Т. Ю. Историко-методологические основы развития креативности младших школьников средствами семейных традиций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 8 (88). с. 112–116.

Проблема выявления вербальных и невербальных маркеров лжи в межличностном общении

Скляр Олеся Юрьевна, ассистент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

Ложь постоянно обнаруживается в актах межличностного общения, в социальных отношениях и в государственных механизмах. Для успешного выявления признаков лжи важно очень хорошо понимать различия в видах лжи, в типах лжецов и в подходах верификаторов. Проявляется ложь в виде незначительных

изменений в поведении и речи человека. Обнаружить ее — это навык, который формируется при помощи определенных знаний. Проблема выявления маркеров лжи на вербальном и невербальном уровне межличностного общения в данное время особенно актуальна, так как от качества получаемой людьми информации зависят

принятые ими решения, поступки и выбор стратегии поведения в профессиональной и личной сферах. Актуальность обращения к анализу лжи определяется и тем, что знание приемов ее психологической диагностики в поведении и речи человека является важной предпосылкой для успешной профессиональной деятельности, может помочь понять многое в человеческих взаимоотношениях вообще, а так же для противодействия манипулированию. Знания об особенностях вербального и невербального поведения при ложном информировании могут быть использованы в специальных обучающих программах для профессий, участвующих в деятельности с высокой степенью риска. Цель настоящей статьи — представить феномен лжи в современных отечественных и зарубежных психологических исследованиях, а так же проанализировать описать основные вербальные и невербальные маркеры лжи в межличностном общении.

Проблема выявления лжи рассматривалась в трудах отечественных и зарубежных исследователей, таких как И. О. Вагин [3], С. В. Асямов [1], В. В. Знаков [6], Р. Р. Гарифуллин [4], Е. П. Ильин [7], О. Фрай [10], П. Экман [11].

В словаре Ожегова определение лжи звучит так: «Ложь — намеренное искажение истины, неправда, обман» [9]. В психологическом словаре ложь определяется как феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей [8]. Ложь у В. В. Знакова рассматривается как преднамеренная передача сведений, не соответствующих действительности. Автор классифицирует ложь на полную (полный вымысел) и не полную (извращение истины). Полный вымысел встречается редко, поскольку любой случай может выдать лжеца. Неполная ложь включает три способа: 1) опущение; 2) преувеличение (с целью произвести эффект); 3) приукрашивание (часть фактов отбрасываются, а некоторые добавляются). В книге «Психология лжи» П. Экман определяет ложь как действие, с помощью которого один человек вводит в заблуждение другого, делает он это умышленно, без какого-либо уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды [11]. Все вышеописанные определения раскрывают ложь как намеренное искажение действительного положения вещей, введение в заблуждение.

На другом полюсе шкалы подходов к данной проблеме находится теория О. Фрая, в которой ложь определяется как ложная коммуникация, предположительно приносящая выгоду коммуникатору [10]. Таким образом, в данном направлении лживость трактуется как составляющая общения, присущая человеческому обществу, ложь при этом является преднамеренным актом.

В трудах П. Экмана выделяется два основных вида лжи: умолчание и искажение [11]. При умолчании лжец скрывает истинную информацию и не передает ложной. При искажении лжец не только утаивает правду, но и предоставляет взамен ложную информацию, выдавая ее за подлинную. Нередко только сочетание умолчания и иска-

жения приводит ко лжи, однако в некоторых случаях лжец может достигать успеха просто сообщая только часть правды.

Несколько иная классификация у О. Фрая:

— самоориентированная ложь (ориентированная на себя) — направлена на то, чтобы представить лжеца в более положительном свете или получить превосходство;

— ложь, ориентированная на других — ею пользуются, чтобы представить в более выгодном свете других или стремясь помочь им;

— социальная ложь — способствует сохранению социальных отношений. Общение между людьми было бы дискомфортным, а основа социальных взаимодействий могла бы легко разрушиться, если бы люди постоянно говорили друг другу правду. Неискренние, но приятные замечания способствуют развитию взаимоотношений. Социальная ложь служит как собственным интересам лжеца, так и интересам других [10]:

Примерно в половине случаев ложь, которую используют люди, является самоориентированной. Ложь, ориентированная на других, как правило, говорится людям, с которыми лжец чувствует свою близость [10].

Спутниками лжи могут оказаться разного рода эмоции, но обычно встречаются такие как боязнь оказаться разоблаченным, чувство вины по поводу собственной лжи и чувство восторга, которое нередко испытывает лжец в случае удачи. В слабой форме страх разоблачения не опасен. Он может даже помочь лжецу избежать ошибок, не позволяя ему расслабиться. Но уже при среднем уровне страха начинают проявляться поведенческие признаки обмана, которые будут заметны опытному наблюдателю.

Боязнь разоблачения особенно высока в случаях, если:

— у жертвы репутация человека, которого сложно обмануть;

— жертва начинает подозревать обман;

— у лжеца недостаточно опыта в практике обмана;

— лжец предрасположен к боязни разоблачения;

— ставки очень высоки;

— на карту поставлены и награда и наказание; если имеется только что-то одно из них, ставкой является избежание наказания;

— наказание за ложь или за поступок до такой степени велико, что признаваться не имеет смысла;

— жертве ложь абсолютно невыгодна.

Чувство вины по поводу лжи имеет прямое отношение только к чувствам лжеца, но не к юридическому определению виновности или невиновности. Оно усиливается в таких случаях, как:

— жертву обманывают против ее воли;

— обман очень эгоистичен; жертва не извлекает пользы из обмана, а теряет больше, чем лжец приобретает;

— лжец давно не практиковался в обмане;

— лжец и жертва придерживаются одинаковых социальных ценностей;

— лжец лично знаком с жертвой;

— жертву трудно обвинить в негативных качествах или доверчивости;

— у жертвы есть причина заподозрить обман или, лжец сам не хотел бы быть обманщиком.

В равной мере ложь может вызывать и положительные эмоции. Она может рассматриваться как достижение, что уже само по себе приятно. Лжец может ощущать эмоциональный подъем как от вызова, так и непосредственно в процессе обмана, когда успех еще не ясен.

Радость от обмана увеличивается, когда:

— жертва ведет себя вызывающе, имея репутацию человека, которого непросто обмануть;

— сама ложь является вызовом;

— присутствуют понимающие наблюдатели и ценители мастерства лжеца.

О. Фрай выделяет следующие способы выявления лжи:

— наблюдение за невербальным поведением людей;

— анализ содержания речи;

— исследование физиологических реакций.

Ложь является одной из коммуникативных функций. Неверие человека в истинность того, что он говорит называется ложью в речи [5]. Говорящий передает дезинформацию, т.е. информацию, которую он считает ложной. Синхронно с дезинформацией, вопреки своей воли, невербально, он передает свое отношение к ней и свое отношение к речевому коммуниканту.

Внутреннее отношение человека к дезинформации негативное: мозг любую интеллектуальную неадекватность воспринимает отрицательно, нервная система входит в состояние стресса. На этом принципе построены детекторы лжи. Когда человек лжет, центральная нервная система оказывается в состоянии стресса, что регистрируется датчиками. Это же негативное состояние возбуждения невербально воспринимается слушающим без помощи детектора лжи.

Во время лжи происходит следующая коммуникативная ситуация: слушающий воспринимает информацию, не зная, подлинная она или нет; различает раздражение центральной нервной системы говорящего, данный факт его настораживает, вызывая ответную нервность; чувствует отрицательное отношение.

Ответная реакция — аналогичная. Так как информация о лжи передается блоком бессознательного, то она и принимается блоком бессознательного. Сформированное человеком ответное отрицательное отношение не осознается им, но это уже произошло, в дальнейшем он будет действовать в соответствии со своим эмоциональным состоянием. Оба участника коммуникации сознают этот факт достаточно редко. Внутреннее психологическое состояние распространяется от одного участника коммуникации к другому и возвращается, попадая в сферу внутренних стихийных мотивов, которые обуславливают поведение человека.

Коммуникативная модель в ситуации лжи, разоблаченной публично выглядит иначе. Возникает опасная для

говорящего ситуация, которая может привести к полной потере авторитета как в глазах того человека, который разоблачил его во лжи, так и в глазах всех присутствовавших при разоблачении [5]. Так же происходит потеря доверия. Авторитет и доверие относятся к категориям, которые трудно достигаются, достаточно легко теряются и не восстанавливаются.

Межличностное общение содержит в себе вербальную и невербальную стороны. Вербальное общение — общение посредством знакового (языкового) материала, невербальное — общение посредством образов и неязыковых конструктов. В процессе коммуникации информация может передаваться как по вербальному каналу, так и по невербальному, включающему в себя мимику, пантомимику и динамическую экспрессивную сторону речи (интонацию, тембр и т.п.). Различают невербальные и вербальные признаки лжи. Большинство исследователей наиболее информативными из невербальных маркеров лжи считают следующие:

1) Быстро меняющееся выражение лица. Такие реакции длятся доли секунды, появляются непосредственно после события, вызвавшего эмоцию. Асимметрия лица может стать признаком обмана. Если одна сторона лица искривляется сильнее, чем другая, это является достоверным показателем фальшивой эмоции.

2) Наличие межканальных несоответствий. Так как выражение эмоций нелегко контролировать по всем каналам одновременно, то несоответствие и несовместимость невербальных знаков могут послужить сигналом проявить осторожность.

3) Нарушение контакта глаз. Люди, которые лгут, чаще моргают, а их зрачки более расширены, чем у людей, говорящих правду. Они часто избегают контакта глаз или, наоборот, смотрят пристально, пытаясь притвориться честными.

4) Преувеличенное выражение эмоций. Чрезмерно широкая улыбка, преувеличенное выражение печали, радостные похлопывания по спине и т.д.

5) Защита, прикрывание рта рукой, которое может быть завуалировано покашливанием, почёсывание шеи, оттягивание воротничка рубашки, потирание пальцем века.

Из вербальных маркеров лжи наиболее информативными можно принимать следующие:

1) Неревалентная информация — информация, не имеющая отношения к контексту и не запрашиваемая.

2) Речевые ошибки и оговорки: междометия, например «гм», «ну» и «э-э»; повторы, например «я, я, я имею в виду, что я...»; лишние слоги. Языковая оговорка может подвести даже осторожного лжеца. Оговорки, ошибочные именованья и ошибки, совершаемые при чтении и письме, не могут быть случайностью и свидетельствуют о внутренних психологических конфликтах. Речевая ошибка оказывается своеобразным орудием, выдающим то, чего не хотелось сказать, которым лжец выдает самого себя. Однако в анализе оговорки должна

присутствовать осторожность, так как не каждая ошибка в речи свидетельствует об обмане. Выдает оговорка ложь или нет, как правило, определяется по контексту.

3) Тирады — частый способ, которым обнаруживают себя лжецы. Тирада отличается от оговорки. Здесь ошибкой являются не одно-два слова, а целая фраза. Информация не проскальзывает, а избыточно распространяется. Эмоция «захлестывает» лжеца, и он не сразу осознает результат своих высказываний.

4) Люди, когда лгут, не дают прямых ответов, уклончивы, часто сообщают больше информации, чем требуется.

Более важным, чем слова маркером лжи в речи является голос. Паузы здесь являются наиболее распространенными признаками обмана. Они могут быть как слишком продолжительными, так и слишком частыми. Заминки перед словами зачастую наводят на подозрения. Короткие паузы в процессе самой речи тоже подозрительны, особенно если они встречаются довольно часто. Тон голоса также может выдавать обман, так как эмоциональные изменения голоса скрыть очень трудно. У лгущего человека часто повышается тон голоса, темп его речи искажается, ускоряется или намеренно замедляется.

Внутренний конфликт лгущего человека, объясняемый наличием в его психике правдивых представлений, неизбежно отражается на вербальных или невербальных компонентах его поведения в процессе коммуникации. Отсюда можно предположить, что признаками лжи в человеческом поведении являются своего рода дисгармонии, рассогласованности отдельных вербальных и невербальных компонентов между собой. Рассогласованность вербальных и невербальных составляющих выражается в несоответствии слов интонации, с которой они произносятся, в противоречии между смыслом произносимого текста и позой, в которой в этот момент находится говорящий, его жестами, сопровождающими речь [2]. В отечественной психологии рассматриваются в основном невербальные маркеры лжи. Длительное время считалось, что данные признаки надежнее вербальных, но последние исследования зарубежных ученых заставляют все же усомниться в этом [12]. По мнению Aldert Vrij, вербальные маркеры лжи более достоверны, чем невербальные. Исследователь считает, это связано с тем, что ложь предполагает сильную когнитивную нагрузку, которая способствует уменьшению признаков волнения и подозреваемые выглядят спокойными.

Особый интерес представляют способы обнаружения лжи. И П. Экман, и О. Фрай считают, что обнаружение лжи представляет собой всего лишь предположение, ос-

нованное на информации. И это предположение значительно снижает возможность совершения ошибок веры лжи и неверия правде. Подозрение о лживости сообщения дает почувствовать и верификатору, и лжецу всю трудность предсказаний успешности или безуспешности процесса разоблачения [10,11].

Более информативными в обнаружении лжи можно назвать вербальные техники. Разработка эмпирических вербальных техник, которые позволяют измерять правдивость высказываний, началась в конце 80-х годов. В своей книге «Психология лжи» П. Экман описывает технику обнаружения лжи, позволяющую человеку, подозревающему обман, оценить, насколько основательны или безосновательны его подозрения. Она представляет собой опросный лист, состоящий из 38 вопросов. Чтобы обнаружить ложь, необходимо ответить на эти вопросы. Так же распространено использование в обнаружении лжи техники мониторинга реальности. Данный метод позволяет исследовать память о воспринятых (реально пережитых) и воображенных событиях. Сущность данной техники состоит в том, что воспоминания, основанные на реальных переживаниях, отличаются от воспоминаний, основанных на фантазиях и обмане. Методика подразумевает, что подлинное воспоминание будет качественно отличаться от воспоминания о вымышленном событии.

На настоящее время наиболее распространенной техникой обнаружения лжи является «Оценка валидности утверждений» (ОВУ).

ОВУ включает три основных элемента:

- 1) структурированное интервью;
- 2) контент-анализ на основании установленных критериев (КАУК), позволяющий, придерживаясь определенной схемы, оценить содержательные и качественные характеристики рассматриваемого утверждения;
- 3) оценка результатов КАУК с помощью ряда вопросов (проверочный лист для оценки надежности)

В настоящее время данные ОВУ принимаются в качестве доказательств в судах Германии и других стран Европы [10].

Подводя итог, можно сказать о том, что ложь как особый психический процесс имеет своё выражение в поведении человека в виде некоторой совокупности вербальных и невербальных маркеров, которые могут быть замечены и определены в процессе коммуникации. Следует отметить, что ни один маркер лжи в межличностном общении не является универсальным, но в комплексе они могут помочь обнаружить ложь. Верификатор никогда не должен полагаться только на один маркер лжи, их обязательно должно быть несколько.

Литература:

1. Асямов, С. В. Стратегия выявления лжи. / Щит. 2006. № 1. [электронный ресурс] <http://www.yurpsy.com/files/stat/7.htm>
2. Белянин, В. П. Психоллингвистика. М.: Флинта. 2009. 416 с.
3. Вагин, И. О. Психология выживания в современной России. М.: АСТ. 2004. 352 с.

4. Гарифуллин, Р.Р. Энциклопедия блефа. Манипуляционная психология и психотерапия. Казань. 1995. 160 с.
5. Зарецкая, Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. 4-е изд. М.: Дело. 2002. 480 с.
6. Знаков, В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя. 1999. 282 с.
7. Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер. 2015. 592 с.
8. Мещеряков, Б.Г., Зинченко В.П.. Большой психологический словарь. — 4 изд. М.: АСТ. 2009—816 с.
9. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. толковый словарь русского языка. Рос. ак. наук. — 4-е изд., дополненное. М.: ИНФОРТЕХ. 2009. 944 с.
10. Фрай, О. Детекция лжи и обмана. М: Прайм-Еврознак. 2005. 320 с.
11. Экман, П. Психология лжи. С-Пб.: Питер. 2015.304 с.
12. Vrij, A. Detecting Lies and Deceit: pitfalls and opportunities. Chichester: John Wiley & Sons. 2008. 504 p.

Теоретическая модель профессионального выгорания сотрудников полиции

Терехова Анастасия Сергеевна, магистрант

Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева

В настоящее время нет единого взгляда на структуру и динамику синдрома выгорания. Анализ подходов зарубежных и отечественных авторов к пониманию профессионального выгорания показал, что этот феномен является понятием многоаспектным, не линейным. Для того, чтобы осмыслить его свойства комплексно, мы рассмотрим модели профессионального выгорания, которые существуют на сегодняшний день. Эти модели можно разделить на два основных класса: факторные, описывающие компоненты структуры профессионального выгорания, и процессуальные, описывающие выгорание как динамический процесс, имеющий фазы. К факторным моделям относят следующие:

- 1) однофакторная модель (А. Пайнс и Э. Аронсон);
- 2) двухфакторная модель (Д. Дирендонк, В. Шауфели, Х. Сиксма);
- 3) трехфакторная модель (К. Маслач, С. Джексон);
- 4) четырехфакторная модель (G. Firth, A. Mims, E. Iwanicki, R. Schwab).

В основе однофакторной модели профессионального выгорания лежит понимание его как истощения — физического, эмоционального и когнитивного. Остальные симптомы выгорания являются следствием, а не причиной. Другие авторы в качестве главного фактора выделяют эмоциональное истощение, а остальные компоненты рассматривают как следствие неконструктивного поведения преодоления (деперсонализация) или мотивационной деформации (редукция достижений).

Стоит отметить, что, несмотря на простоту однофакторной модели, компонент истощения впоследствии лег и в другие факторные модели, став их основанием.

Так, согласно двухфакторной модели, выгорание — это конструкт, состоящий из аффективного (эмоциональное истощение) и установочного (негативные установки по отношению к реципиентам — деперсонализация; снижение самооценки относительно своих профессиональных достижений и профессиональной ком-

петентности — редукция персональных достижений) компонентов. В двухфакторной модели профессионального выгорания к эмоциональному истощению прибавляется симптом деперсонализации. Если к истощению здесь относится сфера физического самочувствия, настроения, нервного напряжения и деструктивных эмоций, то к деперсонализации — изменение отношения к себе или к людям, с которыми человек взаимодействует на работе.

Самой распространенной на сегодняшний день является трехфакторная модель профессионального выгорания, авторами которой являются К. Маслач и С. Джексон. Согласно их концепции, выгорание представляет собой трехмерный конструкт, состоящий из эмоционального истощения, деперсонализации и редукции персональных достижений. Эмоциональное истощение является основным компонентом и проявляется в сниженном эмоциональном фоне, безразличии к работе и ее результатам, эмоциональном перенасыщении.

Деперсонализация, как мы уже писали выше, проявляется в изменении отношений с людьми в профессиональной сфере. Она может проявляться в росте зависти от окружающих или, напротив, в циничности, отчужденности, стремлении осуждать и нарушать установленные правила.

Третья составляющая эмоционального выгорания — редукция персональных достижений — может выражаться также в двух тенденциях:

— в обесценивании своего уровня достижений и успехов в работе, а также тех возможностей, которая она может предоставить;

— в снижении чувства собственного достоинства и неуверенность в своих собственных возможностях.

Последняя, четырехфакторная модель профессионального выгорания, включает в себя компоненты трехфакторной модели, а в качестве четвертой составляющей рассматривается сочетание двух из трех приведенных компонентов.

Процессуальных моделей профессионального выгорания на сегодняшний день также 4:

- 1) модель Р. Т. Голембиевского, Р. Ф. Музенридера;
- 2) модель Дж. Гринберга;
- 3) модель Б. Перлмана и Е. А. Хартмана
- 4) модель В. В. Бойко.

Процессуальная модель Р. Т. Голембиевского и Р. Ф. Музенридера построена на трехфакторной модели К. Маслач и С. Джексона. Авторы выделяют три степени и восемь фаз выгорания, которые отличаются разным взаимоотношением показателей эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений.

Согласно модели Дж. Гринберга, профессиональное выгорание представляет собой пятиступенчатый прогрессирующий процесс, состоящий из следующих этапов:

- медовый месяц (удовольствие от работы есть, но в связи с продолжительными рабочими стрессами энергичность и чувство удовлетворения начинают уменьшаться);
- недостаток топлива (появляются первые признаки физиологических нарушений (проблемы со сном, усталость), снижается интерес к содержанию труда и/или к работе в данной организации, может проявляться отстраненность от своих обязанностей);

Рис. 1. Модель профессионального выгорания сотрудников полиции

- хронические симптомы (измождение, подверженность заболеваниям, раздражительность или чувство подавленности, ощущение постоянной нехватки времени);
- кризис (развитие хронических заболеваний, потеря работоспособности, неудовлетворенность качеством жизни);
- пробивание стены (развитие опасных для жизни заболеваний, вопрос о возможности продолжения карьеры).

Процессуальная модель Б. Перлмана и Е. А. Хартмана описывает профессиональное выгорание как прогрессирующий процесс проявления трех видов реакций на профессиональные стрессы:

- физиологические реакции, ведущие к физическому истощению;
- аффективно-когнитивные реакции, ведущие к эмоциональному и мотивационному истощению, деморализации;
- поведенческие реакции, которые выражаются в дистанцировании от своих трудовых обязанностей и снижении продуктивности деятельности.

Модель профессионального выгорания отечественного ученого В. В. Бойко основана на представлениях о протекании основных фаз стресса с указанием симптоматики, характерной для каждой фазы. В качестве симптомов выгорания автор выделяет следующие:

- напряжение;
- резистенция;
- истощение.

Литература:

1. Водопьянова, Н. Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях/Н. Е. Водопьянова// Психология здоровья/Под ред. Г. С. Никифорова. — СПб.: Издательство СПб ГУ, 2011. — с. 443–463.
2. Водопьянова, Н. Е. Психическое «выгорание». // Стоматолог. — 2011. — № 7.
3. Куликов, Л. В. Виды трудового стресса. Статья в сборнике «Психология психических состояний» № 3/ Л. В. Куликов, О. А. Михайлова. — Казань; Набережные Челны, 2011;
4. Орёл, В. Е. Синдром «психического выгорания» как дезадаптационный процесс. Ежегодник Российского психологического общества. Материалы 3 Всероссийского съезда психологов 25–28 июня 2003 года. СПб-2008 Т 6. — с. 180–181;
5. Орел, В. Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: Дис. д-ра психол. наук. — Ярославль, 2005.

На основе данной модели мы разработали свою модель профессионального выгорания сотрудников полиции, которая включает в себя три компонента:

– Эмоциональное истощение (элементы — тревога и депрессия, переживание психотравмирующих обстоятельств, расширение сферы экономии эмоций, психосоматические и психовегетативные нарушения, эмоциональный дефицит).

– Деперсонализация (элементы — неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоциональная отстраненность, личностная отстраненность (деперсонализация), жизненные ценности, эмоционально-нравственная дезориентация)

– Редукция личных достижений (компоненты — редукция профессиональных обязанностей, неудовлетворенность собой)

Профессиональное выгорание — это процесс многосторонний, требующий системного подхода, разные варианты осуществления которого на сегодняшний день можно наблюдать в факторных (структурных) и процессуальных (динамических) моделях профессионального выгорания. Проанализировав подходы к структуре профессионального выгорания отечественных и зарубежных авторов, выявили теоретическую модель профессионального выгорания сотрудников полиции, которая может способствовать в разработке рекомендаций для профилактики и снижению профессионального выгорания у сотрудников подвергшихся ему.

Сравнительный анализ особенностей профессионального выгорания сотрудников полиции

Терехова Анастасия Сергеевна, магистрант
Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

За последние годы проведен ряд реформ в структуре государства, в том числе в системе МВД. С целью поднятия имиджа сотрудников ОВД и возврата доверия народа возросли требования к профессиональным и личностным качествам, которыми должен обладать сотрудник ОВД.

Как известно в правоохранительных органах службу несут как граждане, обучившиеся в ВУЗах МВД России, прошедшие специальную подготовку и получившие теоретические знания, так и граждане, имеющие иное образование, но в процессе первона-

чальной подготовки, получившие усеченный курс подготовки.

Различие в подготовке кадрового состава оказывает влияние на последующую устойчивость сотрудников полиции к профессиональному выгоранию, и поэтому возникла необходимость выявления особенностей профессионального выгорания сотрудников ОВД: сотрудников, получивших образование и подготовку в ВУЗах МВД России, и сотрудников, имеющих иное образование.

С целью выявления особенностей профессионального выгорания сотрудников полиции, проведено исследование, которое проводилось в несколько этапов:

1) на подготовительном этапе мы изучали психологическую литературу, подобрали методы исследования, сформировали группы испытуемых (испытуемые группы № 1 — сотрудники полиции, окончившие ВУЗы МВД России, испытуемые группы № 2 — сотрудники полиции, окончившие иные ВУЗы.)

2) На основном этапе исследования мы провели диагностическое изучение показателей профессионального выгорания сотрудников полиции двух групп. 3) На заключительном этапе мы проводили обработку данных, формулирование выводов.

Для проведения исследования был выбран ряд следующих методик:

1) методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» В. В. Бойко;

2) методика определения психического «выгорания» (А. А. Рукавишников);

3) опросник на выгорание К. Маслач, С. Джексона, адаптированные Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой;

4) тест-опросник К. Томаса на поведение в конфликтной ситуации;

5) методика «Ценностные ориентации» М. Рокич.

Для обработки результатов исследования применялись математические методы статистической обработки данных (описательная статистика, метод ранговых корреляций Спирмена, критерий Манна — Уитни). Математическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерных программ с применением пакетов «EXCEL», «Statistika for Windows 98».

Для исследования различий результатов психодиагностики был выбран критерий Манна — Уитни.

Результаты сравнения данных по методике изучения «Ценностных ориентаций» М. Рокича, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты сравнения данных по методике изучения «Ценностных ориентаций» М. Рокича

Показатели	z	p-level
жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом) <i>выше у сотрудников группы 2</i>	2,4	0,009
красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве) <i>выше у сотрудников группы 1</i>	-2,04	0,04

Как видно из данных, представленных в таблице 1, наиболее предпочитаемой ценностью у сотрудников второй группы является ценность жизненной мудрости (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом), а у испытуемых группы № 1 предпочитаемой ценностью является ценность красоты природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве).

Результаты сравнения данных по методике диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, показали, что у второй группы сотрудников более сильно выражены все характеристики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко ($p \leq 0,001$)

Сотрудники группы № 2 сильнее переживают психотравмирующие обстоятельства, у них выше неудовлетворенность собой. Также они чаще склонны испытывать синдром «загнанности в клетку», который выступает логическим продолжением развивающегося стресса. Кроме того, у этой категории испытуемых более высокий уровень тревоги и депрессии, у них проявляется неадекватное избирательное эмоциональное реагирование — это несомненный признак «выгорания». Также у этой

части испытуемых сильнее проявляется эмоционально-нравственная дезориентация, они стремятся к расширению сферы экономии эмоций, к редукции профессиональных обязанностей, что проявляется в попытках облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат. Испытуемые группы 2 испытывают больший эмоциональный дефицит, эмоциональную отстраненность, у них более высокий уровень личностной отстраненности (деперсонализации). Также у них проявляются психосоматические и психовегетативные нарушения.

Выявлена обратная отрицательная взаимосвязь между показателями редукция профессиональных обязанностей и компромисс ($-0,40$; $p=0,04$), при которой усиление редукции профессиональных обязанностей приводит к снижению стремления к компромиссу.

Выявлена прямая положительная взаимосвязь между показателями редукция профессиональных обязанностей и избегание ($0,49$; $p=0,01$), при которой усиление редукции профессиональных обязанностей приводит к усилению стремления к избеганию.

Таблица 2. Корреляционный анализ полученных по всем методикам выявил особенности корреляционных связей между следующими характеристиками (и группа № 1, и группа № 2):

	Spearman	p-level
Редукция профессиональных обязанностей & компромисс	-0,404790	0,044731
Редукция профессиональных обязанностей & избегание	0,492117	0,012460
Эмоциональный дефицит & приспособление	-0,507188	0,009661
Личностная отстраненность (деперсонализация & компромисс)	-0,536709	0,005673
Эмоциональное истощение & компромисс	-0,679160	0,000189

Выявлена обратная отрицательная взаимосвязь между показателями эмоциональный дефицит и приспособление ($-0,51$; $p=0,01$), при которой увеличению эмоционального дефицита приводит к снижению приспособления.

Выявлена обратная отрицательная взаимосвязь между показателями личностная отстраненность (деперсонализация) и компромисс ($-0,54$; $p=0,01$), при которой усиление личностной отстраненности приводит к снижению стремления к компромиссу.

Выявлена обратная отрицательная взаимосвязь между показателями эмоциональное истощение и компромисс

($-0,68$; $p=0,00$), при которой усиление эмоционального истощения приводит к снижению стремления к компромиссу.

Таким образом, можно говорить о том, что усиление редукции профессиональных обязанностей приводит к снижению стремления к компромиссу, к усилению стремления к избеганию. Усиление эмоционального дефицита приводит к снижению приспособления, усиление личностной отстраненности приводит к снижению стремления к компромиссу, усиление эмоционального истощения также приводит к снижению стремления к компромиссу.

Таблица 3. Корреляционный анализ полученных по всем методикам выявил особенности корреляционных связей между следующими характеристиками (сотрудники группы № 1):

	Spearman	p-level
стаж & Переживание психотравмирующих обстоятельств	0,497557	0,011381
стаж & Неудовлетворенность собой	-0,533485	0,006027
стаж & Редукция профессиональных обязанностей	0,416800	0,038200
стаж & Личностная отстраненность (деперсонализация)	0,483005	0,014456
стаж & эмоциональное истощение	0,469261	0,017958

Выявлена прямая положительная взаимосвязь между показателями стажа и переживание психотравмирующих обстоятельств ($0,50$; $p=0,01$), при которой рост стажа приводит к усилению переживания психотравмирующих обстоятельств.

Выявлена обратная отрицательная взаимосвязь между показателями стажа и неудовлетворенность собой ($-0,53$; $p=0,01$), при которой рост стажа приводит к уменьшению неудовлетворенности собой.

Выявлена прямая положительная взаимосвязь между показателями стажа и редукция профессиональных обязанностей ($0,42$; $p=0,04$), при которой рост стажа приводит к усилению редукции профессиональных обязанностей.

Выявлена прямая положительная взаимосвязь между показателями стажа и личностной отстраненности (деперсонализации) ($0,48$; $p=0,01$), при которой рост стажа приводит к усилению личностной отстраненности (деперсонализации).

Выявлена прямая положительная взаимосвязь между показателями стажа и эмоциональное истощение ($0,47$;

$p=0,02$), при которой рост стажа приводит к усилению эмоционального истощения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рост стажа приводит к усилению переживания психотравмирующих обстоятельств, к уменьшению неудовлетворенности собой, к усилению редукции профессиональных обязанностей, к усилению личностной отстраненности (деперсонализации), к усилению эмоционального истощения. То есть чем больше стаж, тем больший уровень профессионального выгорания у испытуемых.

Выявлена прямая положительная взаимосвязь между показателями стажа и неадекватное избирательное эмоциональное реагирование ($0,46$; $p=0,02$), при которой рост стажа приводит к усилению неадекватного избирательного эмоционального реагирования.

Выявлена обратная отрицательная взаимосвязь между показателями стажа и эмоциональный дефицит ($-0,55$; $p=0,02$), при которой рост стажа приводит к снижению эмоционального дефицита.

В итоге можно отметить, что рост стажа приводит к усилению неадекватного избирательного эмоциональ-

Таблица 4. Корреляционный анализ полученных по всем методикам выявил особенности корреляционных связей между следующими характеристиками (сотрудники группы № 2):

	Spearman	p-level
стаж & Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	0,457	0,0211381
стаж & Эмоциональный дефицит	-0,5485	0,00127

ного реагирования, и к снижению эмоционального дефицита.

В ходе наблюдения установлена следующая закономерность:

1. Выгорание сотрудников полиции, прошедших специальную подготовку в ВУЗах МВД России, наступает постепенно. В первые годы службы отсутствует, начинает формироваться спустя 3–4 года, после чего выгорание формируется значительно, однако, к четырнадцати летнему стажу работы, у сотрудников выра-

батываются копинг-стратегии, которые позволяют организму адаптироваться к стрессам и нагрузкам, легче переживать неудачи и несправедливость в работе и выгорание идет постепенно на спад. Данная тенденция возникла вследствие того, что сотрудники, поступая на службу, идут за «романтикой в погонах». В первые годы службы восхищаются работой, когда сталкиваются с трудностями принимают близко к сердцу. После чего и начинается процесс профессионального выгорания. (Рис. 1)

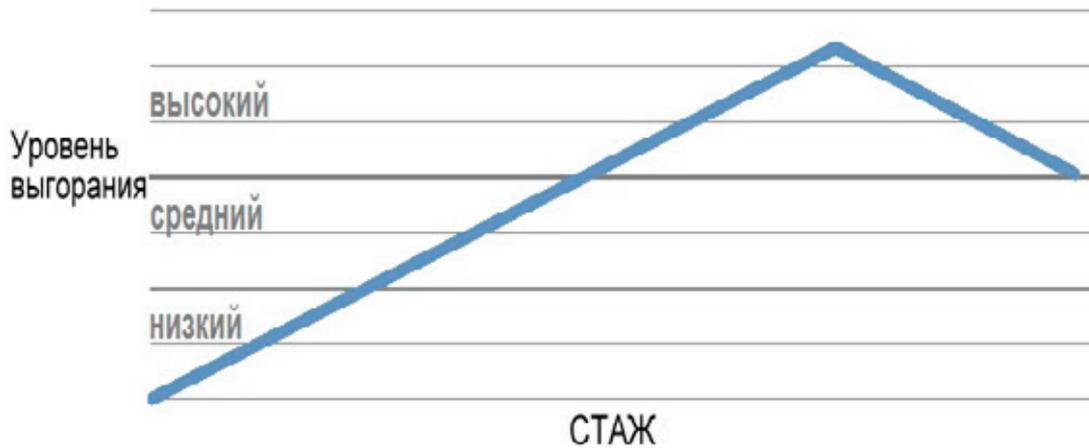

Рис. 1. «Взаимосвязь стажа службы и уровня профессионального выгорания сотрудников полиции, окончивших ВУЗы МВД России»

Рис. 2. «Взаимосвязь стажа службы и уровня профессионального выгорания сотрудников полиции, окончивших иные ВУЗы»

2. Сотрудники же иных образовательных учреждений в первые годы службы имеют средний уровень выгорания, с годами он увеличивается, однако, психика сотрудников значительно быстрее находит выход из сложившейся ситуации, сотрудники легче воспринимают неурядицы, и выгорание значительными темпами идет на спад. В данном случае, как установлено в ходе исследования, сотрудники поступают на службу обладая жизненной мудростью, благодаря которой со временем могут легче относиться к стрессам на работе, и в последующем это способствует снижению выгорания. (Рис.2)

Выявленные особенности профессионального выгорания сотрудников полиции, полученные при анализе эмпирических данных о профессиональном выгорании сотрудников полиции способствуют разработке методических рекомендаций по профилактике профессионального выгорания сотрудников, а также снижение уровня выгорания у сотрудников подвергшихся ему.

Полученные результаты эмпирического исследования могут быть использованы в работе с сотрудниками полиции, с целью профилактики профессионального выгорания.

Литература:

1. Бабанов, С. А. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / С. А. Бабанов, Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008.;
2. Бойко, В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2005.;
3. Водопьянова, Н., Старченкова Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — 2-е изд., доп. — СПб.: Питер, 2008.;
4. Васильев, В. Л. Юридическая психология. — 6-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2009.;
5. Китаев-Смык, Л. А. Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. — 2007.;
6. Кошелев, А. Н. Синдром «белого воротничка», или Профилактика «профессионального выгорания» / ГроссМедиа, РОСБУХ: М, 2008.;
7. Ронгинская, Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. — 2002. — № 3.;
8. Самоукина, Н. В. Карьера без стресса. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008.

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 1 (105) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственный редактор: Осянина Е. И.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 26.01.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25